АКАДЕМИЯ НАУК СССР

В. И. МАЛЫШЕВ

ПОВЕСТЬ О СУХАНЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

В. И. МАЛЫШЕВ · ПОВЕСТЬ О СУХАНЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

В. И МАЛЫШЕВ

ПОВЕСТЬ О СУХАНЕ

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПОВЕСТИ XVII ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
1956

Ответственный редактор
чл.-корр. АН СССР В. П. Адрианова-Перетц

Памяти
БРАТА НИКОЛАЯ,
павшего в 1941 году
при защите южных рубежей
нашей Родины

ПРЕДИСЛОВИЕ

Историческая действительность XVI—XVII веков давала достаточно поводов для усиления интереса к теме борьбы с татарскими вторжениями. Еще при Иване Грозном крымцы доходили до Москвы. В XVII веке русскому народу приходилось иметь дело с последними из уцелевших татарских царств — Крымской и Ногайской ордами, силы которых количественно еще были очень велики.[1] Движимые жаждой наживы и подстрекаемые султанской Турцией, которой было выгодно ослабление Русского государства для достижения своих захватнических целей, крымские и ногайские татары на протяжении XVII века много раз вторгались в пределы нашей страны, нанося огромный ущерб государству. Только в первой половине XVII века, по минимальному подсчету, было взято в полон около 200 тысяч русских людей, разрушены десятки городов и громадное число более мелких селений, а поддержание нормальных дипломатических связей с Крымом (дача «поминок», выкуп пленных, содержание послов и пр.) стоило народу огромной суммы денег — в 907 970 рублей.[2]

На фоне этой непрекращавшейся борьбы с Крымом и Турцией воспринимались старинные былины о нашествиях «неверной силы» и о поражениях ее русскими богатырями, повышался интерес к ним. В обстановке напряженности на южных и юго-восточных границах государства, в условиях частых пограничных столкновений тема поражения богатырем вторгшейся в русские пределы вражеской рати сохраняла свою злободневность.

Одним из проявлений интереса к этой теме было создание литературной повести о Сухане на основе былины об этом богатыре.

---

[1] А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1948, стр. 416.

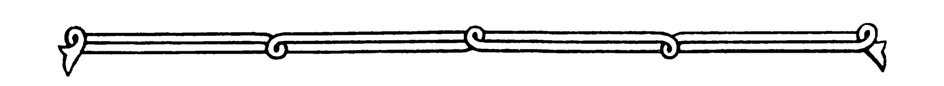
[2] Там же, стр. 436 и 442.

Среди известных до сих пор былинных текстов в записи XVII века[1] нет ни одного, воспроизводящего типичный сюжет о борьбе богатыря с «неверной силой», — в «Сказании о киевских богатырях» ситуация не типичная, там происходит состязание между русскими и татарскими богатырями. Обнаруженный недавно список «Повести о Сухане» представляет особый интерес не только для истории русской литературы XVII века, но и для истории былины в это время, потому что как раз в нашей повести и дается типичный былинный сюжет. Как ниже будет показано, в основе повести лежит, несомненно, былина о Сухане. Таким образом, через повесть мы имеем возможность восстановить хотя бы один из вариантов XVII века этой былины, описывающей победу русского богатыря над целым вражеским войском. В повести о Сухане переработка былины в определенном направлении очевидна — наблюдения над самым способом этой обработки, возможно, разъяснят и некоторые запутанные вопросы, связанные с изучением «Сказания о киевских богатырях», помогут прийти к окончательному выводу в споре о том, литературная ли это повесть, основанная на былинном материале, или исчезнувшая со временем народная былина.

Повесть о Сухане, исследованию которой посвящена настоящая работа, покажет нам, что героическая былина, наряду с историческим преданием и исторической песней, также сыграла свою роль в выработке художественно обобщенного изображения событий русской истории.

---

[1] Новейшее издание былинных записей XVII века см.: Б. М. Соколов. Былины старинной записи. Этнография, 1926, № 1—2, стр. 97—123. Характеристика текстов XVII века дана в книге: Русское народное поэтическое творчество. Том I. М.—Л., 1953, стр. 416—430. (Раздел написан В. П. Адриановой-Перетц). О языке былин в записях XVII века см.: А. П. Евгеньева. Язык былин в записях XVII в. Известия АН СССР. Отделение литературы и языка, 1944, т. III, вып. 4, стр. 165—176.



Глава I

БЫЛИНА О СУХАНЕ И БЫЛИНЫ О БОРЬБЕ БОГАТЫРЯ С «НЕВЕРНОЙ СИЛОЙ»

1

Содержащаяся в найденной нами рукописи[1] повесть о Сухане сразу приводит на память былину об одноименном богатыре. Поэтому исследование повести должно начаться с выяснения ее отношения к былине о Сухане. Однако сама былина о Сухане принадлежит к числу тех произведений устного народного эпоса, происхождение которых объяснялось различными гипотезами. В частности, эта былина многими исследователями признавалась резко отличной от других героических былин, были попытки искать ее книжные источники, отрывать ее от общего фонда былин о борьбе богатырей с «неверной силой». Не выяснен фольклористами до сих пор и вопрос о том, существовали ли два варианта этой былины или один, со временем «искаженный» сказителями. Вот почему исследованию отношения повести о Сухане к былине об этом богатыре мы вынуждены предпослать характеристику самой былины о Сухане и ее связей с былинной традицией, решить вопрос о том, действительно ли необходимо искать книжные источники ее, есть ли основание отводить этой былине совсем особое место среди других былин как якобы «книжной».

Сохранившиеся тексты былины о Сухане исследователи обычно разделяют на две редакции — северную и алтайскую. Лучшим представителем северной считают текст, обнаруженный П. Н. Рыбниковым,[2] облик алтайской редакции определяют по

---

[1] Рукопись была найдена автором настоящей работы в 1948 г. в Ленинграде (принадлежала З. Н. Савельевой).

[2] Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Издание второе, под редакцией А. Е. Грузинского, т. II, М., 1910, № 148, стр. 338—344. (Далее сокращенно: Рыбников и указывается номер тома).

единственному ее образцу — тексту, записанному Д. П. Соколовым для С. И. Гуляева.[1]

Основным недостатком большинства исследований[2] былины о Сухане является то, что они не рассматривали ее в виде цельной художественной композиции, в которой цепь эпизодов связана определенным замыслом и вытекающим из него развитием сюжета, а не представляет собой более или менее случайное сплетение подробностей, которые то «наслаивались», то забывались, то «искажались». Часть мотивов, из которых сложился сюжет былины, исследователи объясняли заимствованием из книжных источников. Опыт восстановления сюжета былины о Сухане на основании сохранившихся записей ее сделан в последних исследованиях М. О. Скрипиля[3] и В. Я. Проппа.[4]

Хотя эти исследователи былины о Сухане несколько расходятся в датировке ее сюжета, — М. О. Скрипиль считает, что XVI век был временем решительной переделки «старой былины о Сухане» (стр. 339), а В. Я. Пропп к этому времени относит самое его сложение (стр. 383), — однако оба они видят главную черту былины о Сухане XVI века в остроте социального конфликта между князем и богатырем и в своеобразии разрешения этого конфликта. Ввиду того, что для решения вопроса об идейно-художественном значении повести о Сухане необходимо четкое представление о замысле ее основного источника — былины о Сухане, напомним подробнее, как этот замысел представляется названными исследователями.

М. О. Скрипиль указывает, что в XVI веке «обострение классовой борьбы между феодалами и крестьянством, с одной стороны, и политика крепнущего самодержавия, направленная против бояр, с другой стороны», были причиной того, что «именно в это время в былине о Сухмане приобретает большой вес социальная тема и усиливается сатирическое осмысление образов бояр и Владимира. Изображение борьбы с татарами заметно

---

[1] Последнее издание я книге: Былины и песни Южной Сибири. Собрание С. И. Гуляева. Под редакцией В. И. Чичерова. Новосибирск, 1952, № 18, стр. 119—120. (В работе ссылки даются на это издание сокращенно: Гуляев). Перечень всех записей былин см.: Приложение IV, стр. 191—194.

[2] См краткую историю изучения былины о Сухане: Приложение V, стр. 198—211.

[3] (М. О. Скрипиль). Народное поэтическое творчество XV—XVI вв. (былины, пословицы). В книге: Русское народное поэтическое творчество, т. I. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, Изд. АН СССР, М.—Л., 1953, стр. 339—340.

[4] В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Изд. ЛГУ, 1955, стр. 374—384, 538—539.

отходит в ней на второй план, и в то же время конфликт между Владимиром и Сухманом определяет собою все основные линии сюжета и самый идейный смысл былины» (стр. 339). В былине «незначительная ссора» превращается «в конфликт большого социального значения» (стр. 340), притом «у нее совершенно новое, необычное для былевого эпоса предшествующих периодов истолкование конфликта». «Неразрешенность конфликта» в былине о Сухане М. О. Скрипиль усматривает в том, что герой в ней «гибнет, будучи уже оправданным» (стр. 340). Исследователь расценивает такое окончание былины как нарушение «многовековых традиций былевого эпоса» и как «реалистическое изображение классовой борьбы» (стр. 340).

Нельзя не согласиться с тем, что в большинстве сохранившихся вариантов былины о Сухане конфликт богатыря с князем действительно выступил на первый план. Но есть вариант — алтайский, где такой конфликт полностью отсутствует. Не представляет ли в таком случае этот вариант замысел той «старой былины» о Сухане, существование которой до XVI века М. О. Скрипиль признает, хотя и не высказывает своих соображений о времени ее сложения и об основной ее теме? Может быть в ней, как в алтайском варианте, центром служил рассказ о победе богатыря над татарами, а все, что связано со ссорой с князем, отсутствовало? Если это так, то алтайский вариант, несмотря на его плохую сохранность, приобретает значение как отголосок этой «старой былины».

В. Я. Пропп, отводя первенствующее место в былине о Сухане также «изображению социального зла как зла морального» (стр. 374) и объясняя всю композицию былины о Сухане из столкновения «боярской идеологии» Владимира с «чисто крестьянской идеологией» Сухана (стр. 383), лишь отмечает, что «в сибирской версии нет конфликта между Владимиром и Сухманом. Сухман не кончает самоубийством и погибает в бою» (стр. 375). Однако попытки объяснить это отсутствие в алтайской записи конфликта исследователь не делает, считая, видимо, вариант испорченным. Ниже мы увидим, что содержание повести о Сухане подсказывает возможность иного отношения к сибирско-алтайскому варианту.

Что касается типа былины о Сухане, преобладающего в записях, то В. Я. Пропп, соглашаясь, что «самоубийство героя не решает исхода борьбы, не представляет собой разрешения конфликта» (стр. 382), иначе, чем М. О. Скрипиль, истолковывает идейный смысл окончания былины. Он видит в нем не «реалистическое изображение классовой борьбы», а «художественное изображение торжества правого». «Сочувствие к тра-

гически погибающему герою. . . вызывает в слушателе острейшую ненависть к виновнику его гибели и готовность продолжать борьбу уже за пределами художественного произведения, перенести ее на арену действительной жизни» (стр. 384).

Конечный вывод М. О. Скрипиля и В. Я. Проппа не вызывает возражения. Действительно конфликт Сухана с Владимиром выражен в этой былине с исключительной силой, и ее трагическая развязка, такая необычная для героического эпоса, вытекает закономерно из этого конфликта, поскольку художественное изображение его сложилось в обстановке напряженной классовой борьбы. Но была ли эта версия XVI века первоначальной или ей предшествовала другая, осталось невыясненным.

Если, как указывает М. О. Скрипиль, «социальная тема» в былине о Сухане оттеснила в XVI веке на второй план воинскую, то, следовательно, в «старой былине» об этом богатыре отсутствовали те части, в которых сосредоточена эта тема, — во всяком случае отсутствовал рассказ об оскорбившем Сухана недоверии князя к его сообщению о победе над татарами, о заключении богатыря в тюрьму и о проверке его сообщения посланцем Владимира. Если не было в «старой былине» обидного для богатыря предположения, будто рассказ о сражении с татарами он выдумал для того, чтобы объяснить, почему он не выполнил поручения князя (привезти белую лебедь «живьем»), то, очевидно, не было и самого поручения? Тогда композиция «старой былины» напоминала схему алтайского варианта: богатырь едет безоружный на охоту, встречает татарское войско, побеждает его, но, смертельно раненный, возвращается в Киев, где умирает на глазах у князя, отказавшись от награды за свой подвиг. В таком рассказе не было конфликта богатыря с князем, но не было и возвеличения князя: как и в ряде былин периода феодальной раздробленности, князь, в тех случаях, когда он не вступает в открытое столкновение с богатырем (см., например, былину о бунте Ильи против Владимира), в этой «старой» былине о Сухане не играет активной роли в развитии событий — он лишь предложил богатырю-победителю награду за его подвиг. Смерть богатыря от боевых ран — исключительный случай в героическом эпосе. Впрочем, как ниже покажем, предание о Демьяне Куденевиче имеет такой же конец; следовательно, такое завершение рассказа о боевом подвиге богатыря не противоречило поэтике героического эпоса. Окончание же северной версии былины о Сухане, которая, по мнению М. О. Скрипиля и В. Я. Проппа, сложилась в XVI веке, — изображение самоубийства оскорбленного князем богатыря, — действительно представляется не имеющим аналогий в героическом эпосе. Итак, если

существовала до XVI века былина о Сухане и если только в XVI веке в центре ее внимания стала «социальная» тема, то, следовательно, облик этой «старой» былины был ближе к прототипу алтайской версии, чем к северной редакции. Если же стать на точку зрения В. Я. Проппа и отнести сложение сюжета о Сухане к XVI веку, тогда алтайский вариант предстанет как обломок этого сюжета, сохранивший в основном лишь воинскую часть былины.

Сам по себе факт наличия лишь единственной записи варианта «старой» версии былины о Сухане еще не дает основания отрицать существование этой версии. Немало ценнейших памятников литературы эпохи феодализма известны в одном списке, а песни, записанные в начале XVII века для Ричарда Джемса, до сих пор неизвестны в других вариантах. Добавим, что, по свидетельству С. И. Гуляева, первоначальное русское население алтайского края (где была записана алтайская версия былины о Сухане) «образовалось преимущественно из жителей Олонецкой, Вологодской, Новгородской, Архангельской и Пермской губерний. Эти выходцы стали переселяться в Южную Сибирь в начале XVIII в., привлеченные столько же выгодами жизни, сколько и возможностью отправлять, по правилам разных раскольничьих сект, религиозные обряды. . . Переселяясь туда, они уносили с собой предания старины о Владимире и богатырях его».[1] И далее: «Южная Сибирь и по говору населения и по былинному репертуару является непосредственным продолжением северо-восточной полосы Европейской России — края, колонизированного некогда главным образом новгородскими славянами, и сохранила доселе, как колония, то духовное достояние эпической старины, которым обладало население европейской родины в XVII столетии».[2]

2

Определение основного идейно-художественного смысла сюжета былины о Сухане в его наиболее распространенной версии еще не до конца разрешает вопрос о месте этой былины среди других произведений героического эпоса, а неоднократные попытки доказать ее «книжность» побуждают нас ближе присмотреться к тому, насколько прочно связана она с былинной поэтической традицией.

---

[1] В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. I, М., 1897, стр. 85. (Далее сокращенно: Миллер. Очерки).
[2] Миллер. Очерки, I, стр. 87.

Былина о Сухане, лежащая в основе повести, относится к группе былин, описывающих нашествие многочисленной рати врагов (Калина, Батыги, Литвы, Скурды и т. д.) и победу над ними богатыря или дружины богатырей. Попытаемся восстановить композицию каждой из сохранившихся двух версий былины о Сухане — включающей ссору богатыря с князем и предполагаемой на основе алтайской записи старшей версии, где описание этой ссоры отсутствовало.

В варианте Рыбникова былина начинается с описания «пированьица», «почестного пира», у киевского князя Владимира. На пиру присутствуют многие князья, бояре, могучие богатыри и вся поленица удалая. К вечеру все охмелели и начали хвастать: глупый — молодой женой, безумный — золотой казной, умный — старой матерью, сильный — ухваткой богатырской.

Только один богатырь Сухмантий Одихмантьевич не пьет, не есть, «не хвастает». По гридне-столовой похаживает князь Владимир, потряхивает своими желтыми кудрями; заметив молчаливого Сухмантия, спрашивает его, чем он недоволен:

Али чара ти шла не рядобная,
Или место было не по отчине,
Али пьяница надсмеялся ти?

(Рыбников, II, стр. 339).

Сухман Одихмантьевич говорит, что все было как следует по его положению, и обещает привезти князю живую лебедь —

Белу лебедь живьем в руках,
Не ранену лебедку, не кровавлену.

(Там же).

Все былины северной редакции, как и рыбниковский текст, начинаются описанием такого пира, но в некоторых из них нет похвальбы гостей (Антонов, Конашков — все три варианта, Фофанов) и Сухан не сам вызывается ехать за лебедью (по другим «горлицею» и т. п.), а за ней его посылает князь Владимир (Конашков, Фофанов, Потрухова, Попов, Мелихов). Иногда князь обращается ко всем, а вызывается поехать Сухан (Потрухова).

В отрывке былины «Суханко сын Туманович», записанном А. Макаренко в Кежемской волости Енисейской губ. от старика 66 лет,[1] завязка построена именно на поручении, которое дает

[1] А. А. Макаренко. Сибирские песенные старины. «Живая старина», СПб., 1907, вып. II, отд. II, стр. 25—26. (Далее сокращенно: Макаренко).

князь своим богатырям. Изложенное с необычайной подробностью (князь жалуется, что ему нечем «подчивать», «чествовать» своих гостей), обращение князя к богатырям содержит условие привезти «лебядку белую» «без раны»:

Чем же вас, князинушка, будет подчивать,
Чем же вас, князинушка, будет чествовать?
Не случилось у князинушка серой утицы,
И не случилось лебядки белою.
Хто бы из вас, братцы, съездил на сине море
И на те же морски на тихия заводи,
И на те же на глубокия ржавчины,
Поймал бы хто лебядку белою,
И без той бы без раны и без сердешною,
И без той ту раны и без кровавою,
Не выпустил бы хто крови горячую?

(Макаренко, стр. 25).

Поручение берется выполнить «Суханко сын Туманович».

Итак, вариант Макаренко дает основание предполагать, что данная редакция былины о Сухане начиналась с картины пира, на котором князь дал Сухану трудное поручение. В таком случае и так называемое «недоверие» князя к рассказу богатыря вызывается не сомнением его в самой способности Сухана совершить подвиг, а тем, что рассказ он воспринимает как средство оправдаться в неисполнении поручения.

В других былинных сюжетах поручение привезти к княжескому столу «гусей», «лебедей», «утушек» служит лишь поводом богатырю отправиться на охоту и никак не отражается на последующих отношениях богатыря с князем. Так, в былине «Михаила Казаринов» князь Владимир дает поручение Михаилу:

Сослужи ты мне службу заочную,
съезди ко морю синему,
настреляй гусей, белых лебедей,
перелетных серых малых утачак
ко моему столу княженецкому,
до люби я молодца пожалую.

И богатырь отправляется

ко морю синему, что на теплы тихи заводи.
Как и будет у моря синева,
на его щаски великия
привалила птица к берегу.
Настрелял он гусей, лебедей,
перелетных серых малых утачак
ко ево столу княженецкому.[1]

[1] Сборник Кирши Данилова, под редакцией П. Н. Шеффера, СПб., 1901, стр. 85, 86. (Далее сокращенно: Кирша Данилов).

Возвращаясь с охоты, Михаил встречает татар, у которых отбивает полоняночку-сестру.

Такое же поручение в былине «Потук Михайла Иванович» Владимир дает Потуку (Кирша Данилов, стр. 89—90; текстуально рассказ здесь выражен так же), и тот после охоты встречает «белую лебедушку» — Авдотью Лиховидьевну.

В отдельных вариантах Михаил Потык сам задумывает во время охоты взять «живьем» лебедь белую, которая потом называется «красной девицей». В варианте Маркова[1] Владимир просит Михаила Потыка: «Постреляй-ко хоть ты мне да белых лебедей». Богатырь, встретив «беленьку лебедку золото перье», думает:

«Я не буду-то стрелять этой лебедочки,
Я не буду все ей да я кровавить-то.
Не могу ли изымать ею живу в руки,
Увезти мне-ка живу князю Владимиру».
Он не мог-то поимáть да ей живой в руки.

Лебедь оказалась девушкой.

В другом варианте Михаил, увидев эту «лебедку» «на синем море», спрашивает татар, которые плыли на его корабле:

Можете ли злучить эту лебедку на синем море,
Чтоб не ранену лебедку, не кровавлену?

Татары отказываются:

Долиною море долинешенько,
Шириною море широкошенько —
Не излучить-то нам лебедки на синем море,
Чтоб не раненой лебедки, не кровавленой.
Если б плавала лебедка по быстрой реке,
Излучили бы лебедушку не ранену и не кровавлену.

Богатырь сам нацеливается, но «лебедушка» села на его корабль и «обернулась красной девицей» (Рыбников, I, М., 1861, стр. 207).

Что же было в первоначальном замысле былины — сам ли богатырь, как в тексте Рыбникова, похвалился привезти живую лебедушку или князь дал ему это трудное поручение? Из дальнейшего текста мы узнаем, что богатырь, не найдя на трех заводях птицы, задумался, ехать ли ему, не выполнив обещания, обратно в Киев:

Как поехать мне ко славному городу ко Киеву.
Ко ласкову ко князю ко Владимиру,
Поехать мне, — живу не бывать.

(Рыбников, II, стр. 340).

[1] Беломорские былины, записанные А. Марковым, М., 1901, стр. 74. (Далее сокращенно: Марков).

Итак, богатырь ждет сурового наказания за невыполненное обещание, за хвастовство. Несоразмерность проступка с наказанием наводит на мысль, что в этой завязке былины сохранился лишь след ее первоначального замысла, где задача привезти «не ранену не кровавлену лебедку» была приказанием князя, и, следовательно, богатырь, не выполнивший приказания, ожидал суровой кары.[1]

Вряд ли можно согласиться с С. К. Шамбинаго, что поручение привезти «живьем» лебедь белую связано с мотивом добывания невесты.[2] Когда Владимир в былинах дает богатырям поручение добыть ему невесту, он говорит о реальной девушке, подробно описывает свой идеал красоты и никогда в своей речи не пользуется песенным символом: невеста — белая лебедь. Вероятнее, что это поручение связано с трудными задачами, которыми испытывают героя и в сказке. Приказ привезти добычу с охоты живьем — это одно из трудных испытаний героя, связывающееся иногда с замыслом погубить его. Мотив этот в былины проник, возможно, из сказок.

Н. Е. Ончуков издал былину «Данило Староильевич»,[3] которая начинается картиной пира и жалобой Владимира, что он не женат, вызовом богатырей добыть ему невесту. «Добрый молодец» рассказывает, что у Данилы есть жена — такая красавица, какую хочет иметь Владимир. Визя Лазурьевич советует Владимиру вызвать на пир Данилу и дать ему трудное поручение, чтобы его погубить: из-за «синя моря», с острова Буяна привести «зверища там по вопрыща», «ище не ранена, а не ранена привести да не кровавлена». «Как оттуль ли там Данилку не приехати, уведем мы тогда его молоду жену». Данило подозревает, что его хотят погубить, жена советует не ездить, но Визя настаивает. На пиру Владимир дает это поручение Даниле. Жена наставляет его, как взять зверя живьем, однако на пути с удачной охоты Визя убивает Данилу и сам приводит зверя, но скрывает, что это он убил Данилу. Князь посылает его к вдове, которая догадывается, что Визя погубил Данилу, бежит к убитому и кончает жизнь самоубийством. Князь понял,

---

[1] Подобное трудное поручение дает своим дружинникам Иван Годинович: в благодарность за помощь в сватовстве он хочет послать князю Владимиру «гнедова тура», «лютова зверя» и «дикова вепря» живыми и приказывает «поимать» зверей «бережно, без тои раны кровавыя» (Кирша Данилов, стр. 58—59).

[2] Исторические переживания в старинах о Сухане. Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909, стр. 507.

[3] Печорские былины. Записал Н. Ончуков. СПб., 1904, стр. 161 и сл. (Далее сокращенно: Ончуков).

что Визя виновник двух смертей и приказал его повесить да «расстрелил».

Более соответствующим первоначальному замыслу данного вида былины о Сухане представляется вариант, где трудное поручение богатырю дает князь, а не сам Сухан хвастает обещанием привезти живую лебедушку, — и в том случае, если мы примем толкование всей былины и ее завязки, предлагаемое В. Я. Проппом. Исследователь полагает, что отказ богатыря на пиру хвалиться своими заслугами выражает «скрытую оппозицию» князю.[1] В таком случае более логичным окажется именно тот вариант, где богатырь после вопроса князя не нарушает свой отказ от хвастовства, а лишь принимает трудное поручение князя; тогда конфликт князя с богатырем намечается сразу, и картина пира оказывается действительной завязкой, определившей весь ход былинного рассказа. Именно потому, что Сухан не выполнил поручения князя, он опасается сурового наказания — «живу не бывать», — если вернется в Киев без добычи: именно потому князь, которому не удалось погубить богатыря этим трудным поручением, так жестоко наказывает Сухана.

В редакции былины о Сухане, представленной текстом Гуляева, отсутствует картина пира, начинающая северную редакцию, и соответственно нет ни поручения князя, ни хвастовства Сухана привезти «живьем» лебедь белую. Былина начинается с сообщения, что герой поехал на охоту (в сибирском варианте сама охота изображена уже по-новому: богатырь едет не за птицей в «тихие заводи», а за лесным зверем). Так начинается, как увидим, и повесть о Сухане. Эта завязка построена в обычной традиции былин, согласно которой перед битвой с врагом богатыри выезжают на охоту (см. ряд былин о Добрыне, Илье Муромце, Алеше Поповиче и других богатырях). Такая завязка в дальнейшем не влияет на ход событий. В этом отличие ее от завязки северной редакции былины о Сухане.

Нет основания рассматривать данную завязку былины о Сухане как «искажение» более развитой завязки редакции типа текста Рыбникова. Такая завязка — привычный прием, которым начинается ряд былин о боевых подвигах богатырей, — была свойственна былине о Сухане уже в XVII веке и оказалась усвоенной автором повести о Сухане. При такой завязке не было необходимости рассказывать в последней части былины о столкновении Сухана с князем, отпало описание поездки Добрыни на поле битвы, не было причины богатырю обижаться, и

[1] В. Я. Пропп. Русский героический эпос, стр. 375.

смерть его — не самоубийство, а естественная гибель от тяжелых ран. Отсутствие всей этой заключительной части в алтайской редакции — не результат «запамятования», а логическое следствие иной завязки событий.

Отправляясь за живой лебедушкой, Сухан, по варианту Рыбникова, приходит в конюшню, седлает своего коня и, захватив «для пути-для дороженьки одно свое ножище-кинжалище», отправляется в путь «ко синю морю»... Побывав на трех «тихих заводях», он не встретил «ни гуси, ни лебеди, ни серые малые утеныши».

Тут-то богатырь «пораздумался». Возвратиться в Киев без добычи нельзя — «живу не бывать». И Сухмантий решает поехать к «матушке Непры-реке». Подъехав к реке, он находит ее в необычном состоянии:

> Матушка Непра-река текет не по-старому,
> Не по-старому текет, не по-прежнему,
> А вода с песком помутилася.
>
> (Рыбников, II, стр. 340).

Сухмантьюшка спрашивает Непру, почему она «помутилася». Река отвечает, что за ней стоит «сорок тысяч татаровей». Днем они наводят мосты, а ночью она их срывает и совсем уже выбилась из сил.

Выслушав «матушку Непру», богатырь недолго раздумывает:

> Не честь-хвала мне молодецкая
> Не отведать силы татарския,

говорит он и направляет своего коня через реку («Непру-реку его добрый конь перескочил»).

В вариантах Конашкова, Фофанова богатырь приезжает прямо к Днепру, минуя «тихие заводи». У М. С. Крюковой и П. С. Пахоловой под влиянием былины Аграфены Крюковой появляется еще промежуточная ступень перед Днепром — «Пучай-река». Вообще это место во многих вариантах подается скомканно и чрезвычайно разнообразно: Якушев, например, посылает Сухана за утками в лес.

Есть варианты (Потруховой, Попова, Фофанова), не имеющие разговора Сухана с рекой: у Потруховой богатырь, подъезжая к Днепру, сам видит татарскую силу. В ряде случаев

(Арапов, Конашков, А. Крюкова) река разговаривает с богатырем «человечьим голосом». У Аграфены и Марфы Крюковых Днепр извиняется перед богатырем за неприглядный вид. Иногда сама «Непра» советует Сухану вырвать дубинку (лесинку-вязиночку), указывая, где она находится (Фофанов, Конашков). У Фофанова богатырь переговаривается сначала с «несметной татарской силой», а уже потом с Днепром.

Итак, в данной редакции Сухан едет к «Непру-реке» потому, что на трех заводях он не нашел птицы, а без добычи не решился вернуться. Увидев, что в реке «вода с песком помутилася», Сухан вступает в беседу с рекой и от нее узнает о нашествии врагов:

Стал Сухмантьюшка выспрашивати:
«Что же ты, матушка Непра-река,
Что же ты текешь не по-старому,
Не по-старому текешь, не по-прежнему,
А вода с песком помутилася?».
Испроговорит матушка Непра-река:
«Как же мне течи было по-старому,
По-старому течи, по-прежнему,
Как за мной, за матушкой Непрой-рекой,
Стоит сила татарская неверная,
Сорок тысячей татаровей поганыих?
Мостят они мосты калиновы;
Днем мостят, а ночью я повырою:
Из сил матушка Непра-река повыбилась».

(Рыбников, II, стр. 340).

Хотя в отдельных вариантах былины северной редакции эта беседа героя с рекой отсутствует (например, вариант Гильфердинга лишь пересказывает ее [1]), она сохранена алтайской редакцией, составляя органическую часть сюжета. Вся эта часть в тексте Гуляева изложена иначе, причем в описание реки, как и в начало былины, введены реалии сибирской природы, а рассказ о врагах изложен стилем былин о Калине и Батыге. Однако место всего эпизода в развитии сюжета остается таким же, как и в северной редакции. Во время охоты

Случилось ему доехать до быстра Днепра.
Течет быстрой Днепр не по-старому и не по-прежнему,
Пожират в себя круты бережка,
Вырыват в себя желты, скатны пески,
По подбережку несет ветловой лес,

[1] Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г., изд. 4, Изд. АН СССР, т. I, М.—Л., 1949, стр. 569. (Далее сокращенно: Гильфердинг, и указывается номер тома).

По струе несет крековый дуб,
Со всей приправой молодецкой,
Со всей доспехой богатырской.
«Что ты, батюшка, быстрый Днепр,
Не по-старому что ты течешь, не по-прежнему?».
«Надо мной стоит сила неверная
Того Мамая безбожного:
Идет он на дом пресвятыя богородицы,
На славен батюшко на Киев-град.
Половина силы переправилась,
Другая половина на другой стороне;
Черному ворону в ночь силы не окаркати,
Серому волку в ночь не обрыскати,
Доброму молодцу в день не объехати».

(Гуляев, стр. 119).

Этот диалог героя с рекой — мотив редкий в героическом эпосе. Единственную параллель к нему представляет в одном лишь варианте былины «Илья Муромец и царь Калин», следующая беседа Ильи с «Днепром-рекой»: Илья Муромец «у батюшки у Днепра-реки» ездил, и сам он говорит таковы слова:

«Что ты, батюшка наш, Днепр-река,
Не по-старому течешь ты, не по-прежнему,
Посередь тебя струичка кровавая?».
Будто провещает батюшка Днепр-река
Старому казаку Илье Муромцу:
«Ехал по мне злой Калин-царь,
Злой Калин-царь, сын Смородьевич,
Подступал он под стольный Киев-град,
Становился он на луга на зеленые
И просит он у князя поединщика».[1]

Не связана с воинской темой беседа Садка с Волгой, по которой богатырь «гулял» 12 лет, а потом «захотелось молодцу побывать в Новегороде». Садко опускает в реку хлеб-соль, благодарит Волгу за то, что он на ней «притки-скорби не видывал над собой», и говорит ей, что идет «в Новгород побывать». Волга просит Садка передать от нее поклон «славному озеру Ильменю».[2]

В балладной песне «Когда было молотцу пора время великая» молодец беседует с рекой «Смородиной»; но обстановка,

[1] Русские былины старой и новой записи. Под ред. Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера, М., 1894, отд. II, стр. 31. (Далее сокращенно: Тих. и Мил. и указывается номер отдела).

[2] Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 5, М., 1863, стр. 47—48. (Далее сокращенно: Киреевский, и указывается номер выпуска).

в которой происходит эта беседа, не связана с темой нашествия врагов:

«Как бы будет молодец у реки Смородины,
А и змолитца молодец:
«А и ты мать, быстра река,
Ты быстра река Смородина!
Ты скажи мне, быстра река,
Ты про броды конинныя,
Про мосточки калиновы,
Перевозы частыя».
Провещитца быстра река
Человеческим голосом
Да и душей красной девицей:
«Я скажу те, быстра река, доброму молодцу...

(Кирша Данилов, стр. 125—126).

«Доброму молодцу» в этой песне иногда дается имя богатыря — Добрыня Никитич.[1]

Для старинных казачьих песен характерно эмоциональное отношение к «батюшке тихому Дону Ивановичу».[2] Есть песня, в которой казак беседует с Доном на тему, сходную с содержанием диалога Сухана и Непры. Казак спрашивает Дона, почему он «мутен» течет:

«Ой, ты батюшка наш, славный, тихий Дон!
Ты кормилец наш, Дон Иванович!
Про тебя-то лежит слава добрая,
Слава добрая, речь хорошая,
Как бывало ты все быстер бежишь,
Ты быстер бежишь все чистехунек,
А теперь ты, кормилец, все мутен течешь,
Помутился ты, Дон, сверху донизу!».
Речь возговорит славный, тихий Дон:
«Уж как-то мне все мутну не быть —
Распустил я своих ясных соколов,
Ясных соколов, донских казаков.
Размываются без них мои круты бережки,
Высыпаются без них косы желтым песком».[3]

Или в другой песни казак размышляет:

Как бывало ты, Дон, быстер бежишь,
Быстер бежишь ровно с краюшками,
Вымывал ты, Дон, косы мелкия,

---

[1] Киреевский, вып. 2, М., 1861, стр. 61—63.

[2] См.: А. Н. Робинсон. Из наблюдений над стилем поэтической повести об Азове. Ученые записки МГУ, вып. 118, Труды кафедры русской литературы, кн. 11, М., 1946, стр. 66—71.

[3] А. Пивоваров. Донские казачьи песни. Новочеркасск, 1885, стр. 106, № 107.

На косах-то жили гуси, лебеди,
А ныне ты помутился сверху до низу.[1]

Разин перед смертью идет к «Дунай-реке» и просит переправить его:

Перевезите-ка меня, добра молодца,
На ту сторону, на белый камешек.[2]

Отдельные мотивы, из которых слагается диалог Сухана и Днепра, находят себе многочисленные соответствия в былинах.

В тексте былины о Сухане в записи Рыбникова и сходных с ним тревожное состояние реки выражено одним образом — помутившейся от песка реки, а переезд врагов — образом «калиновых мостов», которые они днем строят, а ночью река их вырывает.

В былинах тревожные явления в природе, и среди них помутнение реки, сопровождают то приезд богатырей на поле боя, например в былине «Камское побоище»:

А как едут богатыри по чисту полю,
Ище мать сыра земля да потрясаитьсе,
А в реках, озерах вода до колыбаетьсе,

(Марков, стр. 437).

то появление на берегу реки «Скимена зверя» при рождении Добрыни или перед его первым отъездом в «чисто поле»:

От того было от рева от зверинова
Быстрой Днепр-река сколыбалася,
С крутым берегом река Днепр поровнялася,
Желты, мелкие песочки осыпалися,
Со песком вода в Днепре возмутилася,
В зеленых лугах разливалася.

(Тих. и Мил., II, стр. 66).[3]

В кенозерском варианте былины «Отъезд Добрыни» «лютой скимер зверь» появляется перед отъездом Добрыни «в чисто поле»: «И побежал тот вор собака по Непру-реки, от его рева и свиста»

---

[1] Там же, стр. 105, № 106.

[2] А. Н. Лозанова. Песни и сказания о Разине и Пугачеве. М.—Л., 1935, № 26, стр. 58. Подбор устнопоэтических примеров к эпизоду — беседа героя с рекой — см. в книге: В. Перетц. Слово о полку Iгоревiм. У Київі, 1926, стр. 318—319.

[3] Там же (стр. 67) кратко: «Оттого-то наша Непречка всколыхалася».

Бережки-то собачкой подломилисе,
И как Смородина-то река с песком смутилосе,
И это синее-то море сколубалосе.
(Гильфердинг, III, стр. 271).

«От крику богатырского» Сокольничка-охотничка также

Тихая заводь сколыбалася,
С песком вода помутилася.
(Рыбников, II, стр. 635).

«Калиновые мосты», по которым переправляется враг, находим в былинах «Илья Муромец и Соловей» (Тих. и Мил., I. стр. 2, 5, 8, 10, 12), «Сказание о трех богатырях» (Тих. и Мил., I, стр. 32, 40). Ср. в былине «Маево побоище»:

Прибегала собака Кудреванко-царь,
Он со тим со зетем со Киршиком,
Он со тим со сыном со Миршиком,
У его, собаки, силы множество.
Прибегала ко матке Елесей-реки.
Он мосты мостил тут калиновы,
Перекладины кладет все дубовыя,
Переносится, собака, перевозится,
Через ту-де матушку Елесей-реку.
(Ончуков, стр. 133).[1]

В северной редакции подсчет сил врага в речи «Непры-реки» ограничивается кратким сообщением, что за рекой «стоит сила татарская неверная, сорок тысячей татаровей поганыих» (Рыбников, II, стр. 340).

Эта цифра повторяется часто в былинных описаниях вражеского войска.

В тексте Гуляева Непра-река определяет численность вражеского войска обычным былинным приемом:

Черному ворону в ночь силы не окаркати,
Серому волку в ночь не обрыскати,
Доброму молодцу в день не объехати.
(Гуляев, стр. 119).

С такой формулой мы встречаемся постоянно в былинах о Батыге и Калине, причем чаще всего этим образом завершается перечень татарских сил. В былине «Василий Игнатьевич и Батыга» нашествие врагов описано так:

---

[1] Ряд примеров к мотиву помутнения воды см. в указанной книге В. Н. Перетца (стр. 194, 285).

Подымается Батыга сын Сергеевич
И со сыном Батыгой Батыговичем,
И со зятем Тороканником Каранниковым,
И со думным дьяком, вором выдумщиком.
У Батыги есть-то силы набрано,
Понабрано-то силы сорок тысячей,
И у сына у Батыга у Батыговича
Набрано силы сорок тысячей,
И у зятя Тороканника Коранникова
Набрано силы сорок тысячей,
И у думного дьяка, вора выдумщика,
Набрано силы сорок тысячей.
Что ль не вешняя вода обмелела,
Обступала кругом сила поганая;
И соколу кругом не облететь,
На меженной долгой день.

(Тих. и Мил., II, стр. 143).

В былине «Василий-пьяница» на Киев

Наступает собака Подольской царь
Со своей силой неверною,
Со неверною силой, бусурманскою.
У него силы много множество:
В меженный день черну ворону не облетати,
В осеннюю ночь серому волку не обрыскати.

(Тих. и Мил., II, стр. 147, Барнаульский вариант).[1]

Узнав от реки о вражеском нашествии, Сухан в северной редакции размышляет:

Не честь-хвала мне молодецкая
Не отведать силы татарския,
    татарския силы, неверныя, —

(Рыбников, II, стр. 341).

и богатырь отправляется навстречу врагу.

Обычно в былинах герой предается размышлениям уже тогда, когда видит врага. Так, молодой Михаил Данилович, увидев «силу рать великую», «устрашился и рече себе: буде поехать мне, молотцу, не побив побоища, к столному граду Киеву и великому князю Владимеру, то принять мне от него кручину великую, а от своей братьи позор мне будет великой, а как побью побоище и с того побоища поеду к столному граду Киеву, к великому князю Владимеру Всеславьевичю киевскому,

---

[1] См. то же в былине «Данила Игнатьевич и Михайла Данильевич» (Рыбников, II, стр. 7), в былине «Батыга Батыгович и Василий Игнатьевич» (Рыбников, II, стр. 411); ср.: Гильфердинг, I, стр. 257, Гильфердинг, II, стр. 681; Марков, стр. 45—46, 409, 481; Ончуков, стр. 345; Рыбников, II, стр. 684 и др.

то будет мне честь и хвала от великаго князя Владимера Всеславьевича киевского и от своей братьи великая» (Тих. и Мил., I, стр. 63). Когда Ермак увидел в поле «татар поганыих», он говорит Илье Муромцу:

И не честь спать русским могучиим богатырям,
Надо ехать ко тым татарам ко поганыим.

(Тих. и Мил., II, стр. 37).

Илья Муромец в былине «Три поездки», встретив «силу-ратище» на одной из дорог, размышляет:

А й мне не честь-хвала молодецкая,
Как мимо силушку да проехати,
А й не побиться мне не пораниться,
А на бою-то мне, стару казаку, да смерть не писана.

(Гильфердинг, III, стр. 75).

В кратком изложении гуляевского текста эти размышления Сухана отсутствуют, но, судя по повести, и в данной редакции былины герой раздумывал.

В вариантах северной редакции Сухан бьется с врагами дубинкой. Он выехал на охоту безоружный и, узнав о приближении татарской силы, подъезжает к «сыру дубу», выдергивает его «со кореньями» и, даже не очистив дерево, бросается в бой. Однако не все варианты в начале четко говорят о том, что, отправляясь на охоту за птицей, Сухан не взял боевого оружия. Только отрывок, записанный в Енисейской губернии, который, как выше указано, лучше сохранил завязку первой редакции, и здесь точнее, чем другие записи. Он особенно подчеркивает, что Сухан выехал налегке: он

И не зауздывал коня и не заседлывал,
Не брал с собой Суханушко ни палицу,
И не брал с собой Суханушко востра копья,
Только взял с собой Суханко плеть шелковую.

(Макаренко, стр. 26).

В варианте Рыбникова этот эпизод читается так:

Взимает палицу воинскую,
Взимает для пути-для дороженьки
Одно свое ножище-кинжалище.

(Рыбников, II, стр. 339).

Если у Сухана была палица, тогда непонятно, почему сказитель подчеркнул, что богатырь взял одно ножище-кинжалище. Не является ли испорченным это место в данном варианте?

«Дубиночкой» Сухан избил врагов, ее на поле битвы нашел и поехавший проверять рассказ Сухана Добрыня; он привез «дубиночку-вязиночку», «разбитую на лозиночки».

В тексте Гуляева нет вовсе упоминания об оружии, которым бился богатырь,[1] но повесть также помнит, что «ратнова оружия» у Сухана не было, и он «наехал сыр-зелен падубок, да вырвал ево и с кореньем». Очевидно эта подробность былины входила в обе редакции, составляя существенный момент в описании битвы.

Былинные богатыри нередко оказываются в таком положении, когда они лишены боевого оружия. В таких случаях они бьются первым попавшимся под руку пригодным предметом: дубом, вязом, осью тележной и даже татарином.

Плененный врагами Михаил Данилович, не имея оружия, «ис под телеги ордынской ось выломил и учал побивать на все четыре стороны» (Тих. и Мил., I, стр. 65). В былине «О женитьбе князя Владимира» Екиму Ивановичу вместо оружия «попала ему ось-та тележная, а и зачел Еким помахивати, прибил он силы семь тысячей мурзы» (Кирша Данилов, стр. 39). Когда Илью Муромца татары Калина-царя не допустили «до ево та до палицы тяшкия, до медны литы в три тысячи, схвотил Илья татарина за ноги... и зачал татарином помахивати, куда ли махнет, тут и улицы лежат...» (там же, стр. 103). В поздней записи былины об Илье и Калине — ситуация, ближе напоминающая повесть-былину о Сухане: при встрече с татарами «у стараго казака Ильи Муромца при соби да не случилось то доспехов крепких, нечем-то ему с татарамы да попротивиться... схватил татарина ён за ноги, тако стал татарином помахивать, стал ён бить татар татарином» (Гильфердинг, II, стр. 31—32). Василий Буслаев (Кирша Данилов, стр. 34) вырывается из «погребов глубоких» на помощь своей дружине безоружным: «не попала палица железная, что попала ему ось тележная», которой он и бьется с «мужиками новгородскими» (в том же тексте

[1] В одной из записей исторических песен, сделанной Гуляевым там же, где была записана для него былина о Сухане, молодец отнимает у донских казаков «золотую казну монастырскую»:

Выдергивал сырой дуб и с кореньями,
И разганивал он донских казаков

(В. Ф. Миллер. Исторические песни русского народа XVI—XVII вв. Пгр., 1915, стр. 459, ср. стр. 460).

девушка-чернавушка «прибила» «до смерти» много «мужиков» «коромыслом кипарисовым»).

Илья Муромец бьется с «погаными татаровьями» («Три поездки»):

А ён как рвал сырой дуб да крякновистый,
А й воротил он дуб из сырой земли со каменьями,
со кореньямы,
А й стал он тут сырым дубом да крякновистым
помахивать.

(Гильфердинг, III, стр. 76).[1]

На помощь сыну Михаилу, который попал в «подкоп» к татарам, выходит отец Данилушка: «Ен ведь выдернул березку-ту, взял с коренем. Он ведь стал этой березочкой все помахивать, он прибил-то ведь всю силу татарскую» (Марков, стр. 93—94).

Вооруженный дубинушкой, Сухан бьется с такой силой и так неутомимо, как и все другие былинные богатыри. Тексты северной редакции подчеркивают опустошительность его ударов:

Начал татар покалачивати;
Махнет Сухмантьюшка — улица,
Отмахнет назад — промежуточек,
И вперед просунет — переулочек.

(Рыбников, II, стр. 341).

Алтайская редакция к этой формуле —

Куда бежит — тут улица,
Заворотится — переулочек —

добавляет традиционное указание на длительность боя:

И бился, дрался трое суточки,
Не пиваючи, не едаючи.

(Гуляев, стр. 119).

Ср. в былинах: Илья Муромец напал на силы Калина-царя

И зачал татарином помахивати:
Куда ли махнет — тут и улицы лежат,
Куды отвернет — с переулками;

(Кирша Данилов, стр. 103).

---

[1] Ср.: Рыбников, II, стр. 150 — «сырый дуб крякновистый»; стр. 477 — «сыро-матер дуб с кореньями».

в другом варианте:

И зачал татар покалачивать,
И куда едет, — делат улицу,
И куда повернет, — переулочки.

(Тих. и Мил., II, стр. 33).[1]

Иногда сказители добавляют и указание на неутомимость богатыря: «Костентинушка Савулович»

он бьетца деретца целой день
не пиваючи, не едаючи,
ни на малой час отдыхаючи.

(Кирша Данилов, стр. 106).

Илья Муромец в схватке с Калином царем

А силу-ту он бьет да трои сутки не едаючи,
А не едаюци Илья да не пиваюци.

(Гильфердинг, I, стр. 530).[2]

В былине о Сухане по тексту Гуляева картина боя усилена изображением обилия трупов и крови на поле:

Навалил трупов — коню до стремени,
Горчей крови — до подчерева.
В трупах конь не может пороскакивать,
Горячей крови прорыскивать.

(Гуляев, стр. 120).

Такие описания в былинах встречаются редко. В «Гистории о киевском богатыре Михаиле сыне Даниловиче» (по списку начала XVIII века), и в других эпизодах сближающейся с былиной о Сухане (см. выше, стр. 23), описание боя богатыря с силами «Бахмета сына Тавруевича» кончается следующими словами: «И уже Михайло сын Данилович уже по колени в крови бродит» (Тих. и Мил., I, стр. 65).

Когда Илья Муромец по приказу князя Владимира едет проверять, действительно ли «млад Михайло Данилович» избил силы Бахмета Тавруевича (Тих. и Мил., I, стр. 66), он ездил «двенатцать дней и не мог он объехать трупу татарскаго; и потом изъехал труп татарской — где пригор, тут по щеку коню

---

[1] Ср. Тих. и Мил., II, стр. 46, 141, 227, 239. См. также: Гильфердинг, II, стр. 737; III, стр. 76; Рыбников, II, стр. 13, 674, 692 и др.

[2] Ср. также: Тих. и Мил., II, стр. 1; Рыбников, II, стр. 10, 111; Марков, стр. 407, и др.

крови, а где привражие, тут по колени коню крови, а где прибрег — тут по чрево коню крови».

В былине «Илья Муромец и Соловей-разбойник» также обычное описание боя («улица-переулочек») дополнено:

Прибил-то он поганых татар до единаго,
Добрый конь скачет в руды до брюха.
(Рыбников, II, стр. 477).

Возможно, что этот редкий образ поля боя появился у сказителей не без влияния сказаний о Мамаевом побоище. «Задонщина» рисует Куликово поле перед выступлением засадного полка именно так: «... в трупе человечье борзи кони не могут скочити, а в крови по колено бродят». В «Сказании о Мамаевом побоище» третьей редакции (по С. К. Шамбинаго) такое описание включено в речь князя Владимира Андреевича, которую он произносит «на костех» после окончания битвы: «... борз конь не может скочити, а в крови по колени бродяху». По указанию А. А. Шахматова, в некоторых списках летописной повести о Куликовской битве также читается, что на поле боя «трупа человеча не може конь скочити» или «трупа человечя никако ж может конь скочити».[1]

В житии Доманта (по тексту Воскресенской летописи под 1265 годом. ПСРЛ, VII, стр. 168) после боя с немцами «коневи не мочи трупием скочити»; после Шелонского побоища 1471 года также «не мочно на кони ездити в трупех» (Софийская 2. ПСРЛ, VI, стр. 192—193).[2]

★

В северной редакции былины о Сухане, как и во всех былинах, изображающих бой богатырей с вражеской силой, противники терпят полное поражение — Сухан «убил он всех татар поганыих» (Рыбников, II, стр. 341).

В тексте Гуляева вместо этой фразы стоит приведенное выше описание заваленного трупами и залитого кровью поля битвы, но в повести отмечено, что Сухан «тех татар всех побил». Уничтожение врагов описывается и в других былинах. Дунай Иванович

---

[1] См. В. П. Адрианова-Перетц. Задонщина. Текст и примечания. Труды ОДРЛ, т. V, 1947, стр. 203, 218—219.

[2] А. С. Орлов. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М., 1902, стр. 24.

Прибил всех пановей улановей,
Всех поганых татаровей.

(Тих. и Мил., II, стр. 119).

Василий-пьяница «выбивает он силу бусурманскую» (Тих. и Мил., II, стр. 148). Илья Муромец

Перебил поганыих татаровей всех дочиста,
Не оставил на симена.

(Тих. и Мил., II, стр. 275).[1]

Северная редакция былины о Сухане рассказывает, как из всего татарского войска осталось «три татарина», они «бежали ко матушке Непры-реке», спрятались здесь «под кусточки под ракитовы», «направили стрелочки каленые» на Сухана, ранили его. Сухан закрыл «раны кровавые» «листочками маковыми», а татар убил «ножищем-кинжалищем» и поехал в Киев.

В тексте Гуляева от этого рассказа осталось только сообщение, что в бою Сухану «дали» тридцать ран «сносных», а «три раны сердечные», «кровавые», от которых Сухан лег на «кочку болотную».

Таким образом, три выстрела в Сухана знает былина обеих разновидностей, раны от них оказались «смертные», но богатырь избивает оставшихся татар и едет в Киев.

В других былинах также герой часто гибнет только после третьего выстрела или падения в третий подкоп, тонет в третьей струе и т. д.

Враги (Калин-царь и другие) готовят три подкопа («шанца», «колодца»), чтобы погубить избивающего их богатыря: первые два богатырь минует благополучно, в третий попадает, его берут в плен, но он снова освобождается и заканчивает разгром врагов (см. «Илья Муромец и царь Калин»: Тих. и Мил., II, стр. 33, 45, 50).

Дунай Иванович трижды стреляет на состязании в золотое кольцо на голове жены — Настасьи-королевичны:

А и первой стрелои он не дострелил,
Другой стрелой перестрелил,
А третьею стрелою в ее угодил.

(Кирша Данилов, стр. 42—43).[2]

---

[1] Ср. также: Гильфердинг, I, стр. 434, 532, 553, III, стр. 15; Рыбников, II, стр. 112, 692; Марков, стр. 94, 407.

[2] Ср. Тих. и Мил., II, стр. 133.

Мать запрещает Добрыне плавать в Днепре, «через третью струичку»:

Через первую ты струичку переплывешь,
Через втору струичку переплывешь,
Через третью струичку не плавай ты, —
(Тих. и Мил., II, стр. 71).

этой третьей струей богатыря унесло к жилищу «змеишша».

В северной редакции былины Сухан, победив вражескую силу, раненый отправляется в Киев. Былина снова возвращается к завязке.

Владимир встречает богатыря вопросом:

Ай же ты, Сухмантий Одихмантьевич!
Привез ли ты мне лебедь белую,
Белу лебедь живьем в руках,
Не ранену лебедку, не кровавлену?
(Рыбников, II, стр. 342).

Богатырь отвечает:

Мне, мол, было не до лебедушки, —

и рассказывает о своей победе над татарами. Но князь Владимир не поверил Сухану и приказал посадить его в «глубок погреб», а «Добрыню Никитинца» послал «проведать заработки Сухмантьевы».

Добрыня, оседлав коня, приезжает через чистое поле к Днепру и видит побитую татарскую силу и брошенную тут же, у реки, «дубиночку-вязиночку», всю разбитую в щепья. Он привозит «дубиночку» в Киев и говорит князю Владимиру, что «правдой хвастал Сухман Одихмантьевич». Дубинка при взвешивани потянула «девяноста пуд».

Киевский князь велит слугам скорее освободить Сухмантия и привести его к себе для награды:

Буду его, молодца, жаловать-миловать,
За его услугу за великую,
Городами его с пригородкамы,
Али селамы со приселкамы,
Аль бессчетной золотой казной до́ люби.
(Рыбников, II, стр. 343).

Княжеские слуги открывают «глубок погреб» и передают Сухмантию Одихмантьевичу о намерении князя «жаловать» и

«миловать» его «за твою услугу великую». Но Сухмантий, выйдя из погреба, отходит «на далече-далече чисто поле» и отсюда выговаривает князю «таковы слова»:

Не умел меня, солнышко, миловать,
Не умел меня, солнышко, жаловать:
А теперь не видать меня во ясны очи.

(Рыбников, II, стр. 344).

После этого он выдергивает маковые листочки из ран, приговаривая:

Потеки, Сухман-река,
От моя от крови от горючия,
От горючия крови, от напрасныя!

(Рыбников, II, стр. 344).

В некоторых вариантах в описании встречи Сухана с князем появляются оговорщики богатыря перед князем, насмешники над ним и завистники. Это по их наветам Сухан попадает в «глубок погреб». Это или бояре, дворяне и дети боярские (Антонов, Мелехова, М. Крюкова), или же богатыри (Конашков, Потрухова) и «храбрый рыцарь Мишутушка» (Арапов). У Мишкина Сухану не поверил «весь Киев-град».

Варианты Павкова и Якушева не помнят о заключении Сухана в темницу. У первого князь изгоняет обманщика богатыря, а у второго вообще нет мотива недоверия: здесь герой, рассказав князю, почему он не привез лебедь, тут же умирает.

В вариантах Арапова и Антонова проверяет рассказ Сухана Илья Муромец, а у Мишкина это выполняет «объездной отряд». Вероятно, под воздействием былины о Святогоре возник в вариантах Конашкова и Фофанова рассказ о том, что Добрыня Никитич (или Илья Муромец) не в силах поднять с земли суханову дубинку. По-разному определяется в былинах и количество вражеской силы, побитой Суханом этой дубинкой. У Аграфены Крюковой, например, называется десять тысяч, у Пахоловой побитой силы «сметы нет», а в одном варианте Конашкова четыреста тысяч.

В варианте Павкова, испытавшем заметное влияние былины об Иване Годиновиче, Сухан после изгнания его с княжеского двора уходит далеко в поле и раскидывает там «бел шатер». Отсюда он сам посылает на проверку своих дел Добрыню и Илью Муромца.

Араповым сделана попытка представить Сухана вольным казаком: несправедливая смерть Сухана вызывает резкий про-

тест богатырей, которые именуют себя «вольными казаками». В варианте Антонова Илья Муромец, проверяющий рассказ Сухана, также называется казаком («старый казак»).

Большинство вариантов, как и рыбниковский текст, оканчивается сообщением о том, что из крови богатыря потекла «Сухман-река». Эта концовка не органична в данном сюжете и перенесена, видимо, некоторыми сказителями из былин «Непр и Дон» (Рыбников, II, стр. 344, 116), «Дунай» (Гильфердинг, II, 108 и др.).

Тексты Конашкова(оба варианта), Дорохиной и Ладиной не имеют совсем упоминания о «Сухман-реке» и завершаются описанием того, как богатырь выдергивает листочки из своих «кровавых ран». В вариантах Потруховой и Якушева нет и этого; у первой богатырь кончает свою жизнь, бросившись на воткнутое в землю копье (влияние былины о Дунае), в варианте Якушева смерть Сухана происходит от тяжелых ран.

Характерное для данной редакции былины о Сухане описание возвращения богатыря (Сухан заключен в тюрьму, так как его рассказу о битве с татарами князь не поверил; Добрыня едет проверить рассказ, возвращается с обломком того «падубка», которым Сухан побил врагов, и подтверждает весть о поражении татар; Сухана освобождают, князь предлагает ему награду, но Сухан отказывается, открывает раны и умирает) напоминает аналогичное окончание «Гистории о киевском богатыре Михаиле сыне Даниловиче двенадцати лет» в отмеченном выше списке начала XVIII века (Тих. и Мил., I, стр. 65—67). Когда «млад Михаила сын Данилович», победив царя Бахмета сына Тавруевича, вернулся в Киев, «оговорщик» убедил Владимира, что богатырь «пил да ел да бражничел, а не у твоего дела царскаго был». Михаила заключают в темницу, а Илья Мурмец едет по поручению князя проверить рассказ богатыря; Илья возвращается и сообщает, что «грозно побил побоище млад Михайло сын Данилович», и описывает поле битвы; Михаила выпускают из темницы, князь предлагает ему награду, но обиженный богатырь просит отпустить его в монастырь.[1]

В отличие от былины о Михаиле, в нашей былине такой ход событий в заключительной части умело связан с завязкой: князь гневается за невыполненное поручение и не доверяет рассказу о битве, расценивая его как придуманную отговорку, оправдывающую неудачу на охоте.

---

[1] Сходство с этой былиной отмечено А. Н. Веселовским, Якуб и Миндалевым без попытки объяснить его (см. Приложение V, стр. 201).

Не исключена возможность, что этот необычный для данного сюжета конец сложился под воздействием былины о Сухане. Во всяком случае наличие эпизода, повествующего о недоверии князя богатырю, в списке начала XVIII века свидетельствует о том, что в XVII веке известна была эта версия былины о Сухане.

Мотив недоверия князя к рассказу богатыря о подвиге нередок в вариантах былины об Илье Муромце и Соловье. Наиболее ярко он выражен в варианте, где обиженный недоверием Илья отказывается от «чары зелена вина», которую ему предлагает Владимир: «На приходе ты гостя не употчивал, на походе ты гостя не учествуешь». Илья уходит «на царев кабак» и только через «трои суточки» по новому зову возвращается к князю (Тих. и Мил., II, стр. 5).

В другом варианте (Тих. и Мил., II, текст XVIII в.) Владимир, выслушав рассказ Ильи, «встает из места своего с великим гневом» и угрожает богатырю: «Не подлежит тебе, мужику, меня, такова великова князя, обманывать, я тебя за то велю злой смерти предать». Илья оправдывается, показав плененного Соловья (Тих. и Мил., I, стр. 20). Следы недоверия к подвигу богатыря есть и в других вариантах этой былины, причем сомнение высказывает не всегда Владимир, а иногда «князи бояре», которые насмехаются над Ильей:

Наехал мужик засельщина,
Засельщина, деревенщина,
Пустым-то мужик похваляется.
(Тих. и Мил., II, стр. 12).

Так же не поверил Владимир Алеше Поповичу, победившему Василия Прекрасного, и «не просил их князь на почестен пир», когда Алеша со своей дружиной сказал, что он приехал в Киев «дорожкой прямоезжею», т. е. победив засевшую на этой дорожке «силу неверную». Обиженный Алеша уехал «во чисто поле». На Киев наступает «Батей Батеевич» и к Алеше едет Добрыня, чтобы помирить его с князем. Алеша отвечает на приглашение к княжескому столу:

На приезде гостя не употчивал,
На отъезде гостя не употчивать.
(Тих. и Мил., II, стр. 106).

В северной редакции былины о Сухане князь Владимир, удостоверившись в том, что богатырь действительно победил татар, через своих «слуг верных» (или «князей-бояр») предлагает

обиженному Сухану награду, от которой богатырь отказывается (см. выше, стр. 31), открывает свои раны и умирает, а от крови его течет Сухман-река.

Вариант Гильфердинга несколько иначе излагает ответ Сухана:

А не часть-хвала молодецкая
Брать города с пригородкамы,
Брать присела до со приселкамы,
Брать мне бессчетна золота казна,
А моя есть смерть напрасная,
От тых от ран от великиих.

(Гильфердинг, I, стр. 573).

Вариант Маркова вводит новые подробности, явно более поздние: обиженный богатырь уезжает от Владимира «во чисто поле», здесь открывает раны, зовет реку Сухман вытечь из его крови, прощается с конем и наказывает ему пить воду из Сухман-реки (Марков, стр. 90). Это обращение к коню в данном варианте очень напоминает обращение Дмитрия Донского к коню в известной сказке «О Мамае безбожном».[1] Отъезд раненого с поля боя и прощание его с конем — характерная черта многих казацких песен.

В героических былинах обычна именно такая встреча князем победившего богатыря.[2] Лишь в «Гистории» о Михаиле Даниловиче богатырь, как и Сухан, совсем отказывается от награды и просит отпустить его в монастырь. В других случаях богатырь отказывается от «сел с пригородками», а просит иной награды; например Алеше Поповичу предлагают

Села с приселками, города с пригородками,
А казна-то была ему не закрыта,

но он отказывается:

Не надоть мне-ко села с приселками,
Не надоть мне города с пригородками,
Не надоть мне золотой казны,
А дай-ко мне волю по городу Киеву,
И чтобы мне-ко кабаки были не заперты.

(Тих. и Мил., II, стр. 108).

---

[1] А. Н. Афанасьев. Русские народные сказки, т. 4. 4-е изд., М., 1914, № 182, стр. 238.

[2] Иногда сообщается лишь о награждении богатырей «городами с пригородками» и «золотой казной безчетной», но ответа их нет — награда принята (см. Гильфердинг, I, стр. 532).

Такой же замены просит Василий-пьяница, победивший «Подольского царя» (Тих. и Мил., II, стр. 148), Михайло Потык (Гильфердинг, I, стр. 373; Рыбников, II, стр. 61). Илья Муромец взамен всех наград просит «село Карачаево» (Рыбников, II, стр. 48).

Характерное только для северной редакции окончание — приказ посадить Сухана «в глубок погреб» и поручение Добрыне проверить рассказ богатыря о его победе над врагом — выражает недоверие и к правдивости Сухана и, может быть, даже к его способности совершить такой подвиг. Вот почему так оскорблен Сухан. Отдельные варианты подчеркивают именно это недоверие, называя в речи бояр Владимиру рассказ Сухана «речами похвальными». В варианте Гильфердинга весь рассказ Сухана изображается боярами как насмешка над князем:

Не над нами Сухман насмехается,
Над тобой Сухман нарыгается,
Над тобой ли нынь как Владимир князь.

(Гильфердинг, I, стр. 570).

Оскорбленный таким недоверием Сухан не только отказывается от награды, но и кончает жизнь самоубийством. Такой необычный для былинного эпоса конец жизни богатыря подчеркивает социальный смысл всего конфликта Сухана с князем (см. об этом подробнее ниже, стр. 40).[1]

Алтайский вариант Гуляева разработал рассказ о раненом Сухане по-своему, с явными реалиями сибирской природы («болото зыбучее», «кочка болотная»), и создал чуждую былинам картину встречи раненого богатыря с князем Владимиром, который поехал «во чисто поле погулять» и здесь не узнал Сухана, предложив ему «побрататься» или «переведаться».

Во время боя Суханьше нанесли тридцать три раны, тридцать из них были «сносные», а три раны, сердечные, «кровавые», вынудили его удалиться с побоища:

Побежит он из силы Мамаевой
На то болото зыбучее,
Ко той кочке болотной.

(Гуляев, стр. 120).

Здесь он ложится на кочку болотную, положив себе под голову «седелышко черкасское», прикрываемый «облоком поплавучим».

---

[1] Из других богатырей только Дунай Иванович кончает жизнь самоубийством («ткнул себя чингалишшем во белы груди згареча» и бросается в «Дунай-реку»), но причина здесь иная — Дунай убил на состязании стрелой свою жену (Кирша Данилов, стр. 43).

В таком положении находит Суханьшу Замантьева князь Владимир, выехавший погулять «во чисто поле». Со стороны князя следует обычный для былинных богатырей вопрос при встрече с незнакомцем:

Какой ты есть и откудова?
Если верной силы — побратаемся,
А неверной силы — переведаемся.

(Гуляев, стр. 120).

В ответ Суханьша Замантьев говорит князю, с некоторой долей упрека: «Неужели ты не узнал Суханьшу Замантьева?». Поняв, кто этот раненый, князь «скоро соскакивал с добра коня» и вез героя в Киев, в соборную церковь:

Тут Суханьша покаялся,
И тут Суханьша переставился.

(Гуляев, стр. 120).

Можно думать, что в прототипе алтайской редакции встреча раненого богатыря с князем произошла, как и в северной версии, в Киеве. Но конец былины и в этой редакции был необычным: богатырь умирал на глазах у князя от боевых ран. Основание предполагать именно такую развязку повествования и в алтайской редакции дает, как будет ниже показано, повесть о Сухане XVII века, где богатырь, как и в северной редакции, узнав «рану смертную», спешит в Киев, а не ложится отдыхать в поле.

Таким образом, вариант Гуляева, повидимому, в этой заключительной части далеко отошел от типичной ее формы, поэтому так много здесь реалий сибирской природы в картине, целиком обработанной вне былинной традиции. В былинах при встрече не узнают иногда друг друга богатыри, но не князь Владимир — своего богатыря; братаются также богатыри, но не князь с богатырем.

Есть еще один богатырь, который, так же как Сухан, умер на глазах у князя от боевых ран, одержав крупную победу над врагами, — это Демьян Куденевич. Подвиг этого богатыря не стал темой былины, но народное предание о нем дожило до XV века, когда оно было занесено в летопись.

Рассказ о подвигах переяславского богатыря Демьяна Куденевича известен по всем спискам Никоновской летописи. В наиболее исправном виде он читается в Патриаршем списке и в списке Оболенского, относимых исследователями ко второй

половине XVI столетия.[1] Он находится также в составе многотомного лицевого свода XVI века («Царственная книга»).[2] Здесь текст рассказа сопровождается шестью миниатюрами, изображающими приход половцев под Переяславль, выезд богатыря на битву, сражение, ранение и смерть Демьяна, паническое бегство врага и др.[3]

Списки летописного рассказа о Демьяне Куденевиче не различаются между собой: некоторые мелкие разночтения их объясняются неисправностью отдельных текстов. Следовательно, рассказ о Демьяне Куденевиче был известен уже до середины XVI столетия, т. е. до времени создания летописного сборника, известного ныне под именем Патриаршей, или Никоновской, летописи, куда он был включен его составителем.

Литературная история этого рассказа начинается с более древнего времени. А. А. Шахматов, изучая источники Никоновской летописи, пришел к выводу, что сказание о переяславском богатыре попало в летопись при посредстве общерусского летописного свода 1423 года (Владимирский полихрон Фотия), в котором это известие находилось также под 1148 годом и куда оно было занесено вместе со многими другими осколками произведений народного эпоса.[4]

Составитель полихрона Фотия, широко используя областные летописи, местные повести, сказания и рассказы, мог, в свою очередь, почерпнуть сведения о подвиге богатыря Куденевича из местных источников, возможно даже из летописца Переяславля южного, в котором впервые и осело это несомненно

---

[1] Д. С. Лихачев. Русские летописи. Изд. АН СССР, М.—Л., 1947, стр. 477.

[2] В так называемом Голицынском его томе (лл. 173 об.—176 об.), хранящемся ныне в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина под шифром F.IV.225.

[3] Интересно отметить, что иллюстратор лицевого свода, изобразив сначала Демьяна выезжающим из ворот города без оружия и доспехов, в бою придал ему меч. Возможно, в понятие «одеяние доспешное» не входило оружие (копье, меч, лук, палица), а имелись в виду кольчуга, шлем, латы, щит, без которых и выехал Демьян. Но художник отчетливо изобразил его сначала невооруженным. В первый выезд Демьяна к врагам, когда не говорится, что он поехал без доспехов, он нарисован в кольчуге. Заметим, что Сухан повести под ратным оружием понимает садок, саблю и др. Как видим, художник, более сообразуясь с действительностью, по-своему прокомментировал это неясное место летописного рассказа.

Половцы здесь изображены стреляющими в Демьяна из луков; четыре стрелы вонзились в него.

[4] А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды XV и XVI веков. Журнал Министерства народного просвещения, 1901, XI, стр. 76, 77.

народное по своей первоначальной основе сказание о Куденевиче.

Жизнь пограничного Переяславского княжества в XI—XII веках давала богатый материал для воспевания народом воинских подвигов своих героев. На протяжении нескольких веков жителям этой земли приходилось вести длительную и упорную борьбу с соседними степными народами, сначала печенегами, торками, потом половцами, а с наступлением усобиц в семье Мономаховичей — защищаться от вторжения русских враждебных князей.

Что в Переяславской земле существовали эпические сказания, прославляющие подвиги ее жителей, свидетельствуют летописные рассказы, известные по Лаврентьевской летописи, о юноше Кожемяке и о юноше, переплывшем на виду у врага Днепр, чтобы доставить в Переяславль известие о приходе врагов к Киеву.

В образе Демьяна Куденевича переяславцы выразили свои представления об идеальном герое-воине, смелом, бесстрашном, ставящем защиту родины превыше всего, даже жизни.

Вот с некоторыми сокращениями этот рассказ из летописи. Князь Глеб Юрьевич с половцами «скоро поиде к Переаславлю. Услышавше же стражие Переаславстии пригнаша в Переаславль, князю Мстиславу, князю же Мстиславу Изяславичю еще лежащу на одре своем, яко пред светом бе». Князь быстро встал и пришел к богатырю Демьяну Куденевичу, говоря ему: «Ныне, о человече божий, время божией помощи, и пречистыа богородици, и твоего мужества и крепости». Демьян Куденевич только с одним своим слугой Тарасом выезжает навстречу врагам. Он разбивает их, обращает в бегство и победителем возвращается в город, «многу честь приа от господина своего». Но «того же лета приидоша мнози половци с Давыдовичи и со князем Глебом Юрьевичем, и взяша град Дегин, и безвестно идоша к Переаславлю на великого князя Мстислава Изяславичя, в нощию придоша к Переаславлю на ранней заре, и посад зажгоша, никому же их ведящу, яко ратнии приидоша; они же оступиша град, и бысть во граде много смущение и плачь. Демьян же Куденевич един выеде из града, не имеа же ничтоже одеаниа доспешнаго на себе, паче же помощи божиа, и много бив ратных, настрелен быв от половець, и изнемог возвратися во град; ратнии же вси страхом обдержими, бежаша спешно, кождо въсвоаси. Демьян же до конца изнеможе от ран, и скоро тече к нему князь велики Мстислав Изяславич, и дары многи дая ему и власти обещевая. Он же рече: „О, суетия человеческаго! кто, мертв сый, желает дарованиа тленаго и власти погибаю-

щиа!“. И сиа рек, усну вечным сном, и бысть по нем от всех плачь велий во граде».[1]

Как видно из этого литературного пересказа предания о Демьяне Куденевиче, богатырь совершил свой подвиг в обстановке, напоминающей схватку Сухана с татарским войском. Оба богатыря оказались на поле битвы без боевого оружия, но одержали победу, а потом, вернувшись к князю с сообщением о победе, умерли от боевых ран. Итак, еще в XV веке настолько хорошо помнили предание о смерти богатыря, завершившей его подвиг, что занесли его в летопись, где окончание предания подверглось, несомненно, обработке. В устах народного богатыря рассуждение о тленности «суетия человеческого» было, конечно, невозможно, — его добавил от себя книжник.

Попытка вывести из предания о Демьяне Куденевиче былину о Сухане хотя бы в том ее виде, следы которого остались в алтайском варианте и в повести о Сухане, вряд ли может быть признана убедительной. Однако предание о Демьяне Куденевиче подкрепляет предположение о том, что алтайский вариант представляет собой не «искажение» былины, сохраненной северной редакцией, а свидетельство существования такой версии былины о Сухане, где отсутствовало столкновение богатыря с князем и смерть Сухана последовала не от самоубийства, а от боевых ран. Если в XII веке, в пору тяжелых столкновений с половцами, в битвах с ними гибли и богатыри, о которых долго помнил народ, то и решительная победа над татаро-монголами на Куликовом поле также далась дорогой ценой — не случайно «Сказание о Мамаевом побоище» ввело в описание битвы рассказ о поединке русского богатыря Пересвета с «печенегом ис полку татарского», поединке, стоившем жизни обоим воинам. Может быть и былина о Сухане, описывавшая смерть богатыря от боевых ран, была одним из художественно обработанных воспоминаний о тех тяжелых жертвах, которыми добыта была победа на Куликовом поле? Может быть эти воспоминания вызвали интерес и к старому преданию о Демьяне Куденевиче и навели на мысль включить его в летопись?

Не решая окончательно вопроса о времени сложения сюжета былины о Сухане в том виде, какой отражен алтайской версией, т. е. редакцией, где отсутствовал основной для северной версии конфликт между князем и богатырем, все же предполагаем, что «воинская» версия старше «социальной» и что последняя со вре-

---

[1] Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. ПСРЛ, т. IX, СПб., 1862, стр. 177—178.

менем стала вытеснять в памяти исполнителей «воинскую». Чем резче становилась борьба закрепощенного крестьянства против господствующего класса, тем больший интерес должна была вызывать та версия былины о Сухане, где изображалось моральное поражение князя и самоубийство богатыря воспринималось как его победа над социальной несправедливостью.

Во всяком случае, как показывает, с одной стороны, «Гистория о Михаиле Даниловиче», известная в списке начала XVIII века, а с другой — повесть о Сухане, в XVII веке существовали уже обе версии былины о Сухане. Основной темой старшей (отголоском ее является алтайский вариант) было изображение победы Сухана над татарами; шире известна, по-видимому, была переработка этой первоначальной версии, в которой главное внимание было перенесено на конфликт между князем и богатырем.

В свете произведенного сопоставления сохранившихся текстов былины о Сухане с сюжетами других героических былин, по преимуществу тех, где речь идет о победе богатыря над «силой неверной» наступающего на Киев врага, выясняется прежде всего, что представление об этой былине, как якобы резко выделяющейся на общем фоне эпической поэзии своим книжным характером, лишено основания.

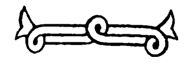
Попытка связать с книжным источником приемы описания многочисленности татарской силы («черному ворону в ночь силы не окаркати...»), помутнения реки, отсутствия в заводях птицы не доказательны. Мы привели выше многочисленные примеры использования тех же приемов в различных былинах. Эти примеры несравненно ближе к тексту былины о Сухане, чем цитируемые в статьях С. К. Шамбинаго и Б. М. Соколова отрывки из воинских повестей, в частности из «Сказания о Мамаевом побоище». Широкое употребление в различных былинах формы «Непр», «Непра» вместо «Днепр» также не вызывает необходимости связывать ее с названием реки на Куликовском поле — Непрядвы.[1]

Таким образом, материал подтверждает высказанную, но не аргументированную П. Миндалевым мысль о том, что даже мотивы, общие алтайскому варианту и воинским повестям, «почти

---

[1] См.: Б. М. Соколов. Непра река в русском эпосе. Изв. ОРЯС, кн. 3, 1912, стр. 209.

все принадлежат обычным приемам эпического творчества и никоим образом не свидетельствуют о книжном характере сибирского варианта»,[1] как добавим, и всего сюжета былины о Сухане.[2] Несомненным в настоящее время представляется заключение о теснейшей связи этой былины со всем циклом былин о борьбе с «неверной силой», о том, что преобладающим типом ее был тот, который строится на остром конфликте Сухана с князем.



[1] П. П. Миндалев. Повесть о Меркурии Смоленском и былевой эпос. Сборник статей в честь Д. А. Корсакова. Казань, 1913, стр. 269.

[2] Ср.: Б. М. Соколов. Непра река в русском эпосе, стр. 208.

Глава II

ПОВЕСТЬ О СУХАНЕ И ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС

1

Публикуемая нами повесть о Сухане — «воинская» повесть. Все внимание ее автора сосредоточено на изображении победы богатыря над войском царя Азбука. Возникает вопрос, сам ли автор отобрал из своего устного источника — былины — материал, относящийся только к «воинской» теме, или ему в этом помогла предполагаемая «старая былина» о Сухане, также разрабатывавшая только эту тему. Другими словами, перед исследователем повести стоит задача определить отношение повести о Сухане к каждой из двух предполагаемых версий-редакций былины об этом богатыре.

Напомним, что в северной редакции внимание сосредоточено на ссоре богатыря с князем, заканчивающейся трагической смертью Сухана. Хотя само столкновение с татарами, победа богатыря и его ранение в обеих редакциях описаны одинаково, но заключительная часть былины в северной версии возвращает слушателей к завязке, не имеющей ничего общего с воинским сюжетом центрального эпизода. Богатырь оскорблен недоверием князя к его рассказу, не идет на примирение с ним, трагическая развязка подчеркивает эту непримиримость. В конечном итоге смерть Сухана в этой версии — это не смерть воина, тяжело раненного в бою за родину, т. е. не завершение его боевого подвига, а самоубийство оскорбленного и уже доказавшего свою правоту героя: Сухан мог выздороветь, если бы он сам не открыл раны и не истек кровью, разлившейся рекой. Весь этот эпизод переводит внимание от темы защиты родины к теме социальной борьбы. Богатырь до конца остается противопоставленным князю как представитель трудового народа, и смерть его — моральное поражение, унижение верховной власти, которой богатырь не захотел простить несправедливость.

Таким образом, Сухан северной версии былины олицетворяет не только воинскую силу народа, охраняющую родину, но и силу социальную, смело вступающую в открытый конфликт со своим классовым врагом. И хотя в этом конфликте исторически закономерна победа народа — победа только моральная, но своей смертью богатырь подчеркивает, что этой моральной победой он не удовлетворен, несправедливость не устранена предложением награды, борьба противостоящих сторон продолжается.

Чтобы выделить из данной версии былины только ее воинский сюжет, автору повести необходимо было бы решительно изменить композицию былинного рассказа, так как все его части органически развивают основной замысел: богатырь получает трудное поручение, не может его выполнить; опасаясь сурового наказания, продолжает охоту и на пути встречает врагов, которых побеждает; тяжело раненный, он возвращается, и первый вопрос к нему князя, привез ли он живую лебедку, возвращает к завязке. Чтобы создать повесть только на воинскую тему, лишенную каких бы то ни было следов конфликта богатыря с князем, надо было изменить завязку, шаг за шагом снимать вытекающие из этой завязки моменты и, наконец, решительно перестроить развязку.

Иначе представится работа над повестью о Сухане — победителе татар, если мы предположим, что он развивал сюжет типа алтайской версии былины. Именно эта версия, сосредоточивающая все внимание на изображении столкновения и победы Сухана на «Непре-реке» над вражеским войском, наиболее отвечала тому интересу к былинам о нашествии «неверной силы», какой обострился в XVII веке в связи с набегами крымских и нагайских татар на южные и юго-восточные границы государства. Мы видели, что в этой версии начисто отсутствует конфликт между князем и богатырем: все внимание отдано воинскому сюжету, завязкой служит выезд богатыря на охоту, не связанный с поручением привезти «живую лебедку»; богатырь в бою смертельно ранен; князь не сразу узнает изменившегося от ран Сухана; богатырь умирает естественно от этих ран. Никаких следов ссоры с князем нет в заключительной части былины. Нельзя согласиться с утверждением П. Миндалева,[1] будто мотив недоверия к князю, развитый в северной редакции, отразился в алтайской версии тем, что князь не узнает раненого Сухана. Сам мотив недоверия так спаян с завязкой и

---

[1] П. П. Миндалев. Повесть о Меркурии Смоленском и былевой эпос, стр. 272.

вместе с тем так естественно влечет за собой дальнейшее развитие заключительной части (богатырь в тюрьме, проверка его рассказа и т. д.), что оторвать его от замысла в целом невозможно.

Можно с достаточным основанием предположить, что, задумав создать на основе былины о Сухане повесть о богатыре, который «умер на службе государеве», автор обратился именно к той разновидности былины, где воинская тема не была связана с острой социальной темой, с резким противопоставлением богатыря князю. Сопоставление повести с былиной о Сухане покажет, что эта социальная тема в таком виде, в каком ее разрабатывает северная редакция былины, ничем не отразилась в повести.

Записи былины о Сухане, сделанные в XIX—XX веках, донесли до нас основные очертания каждой из двух ее версий, однако ни одна из них не может рассматриваться как точное воспроизведение первоначального их вида. Особенно ясны следы позднейшей обработки на алтайской версии, представленной единственной записью, притом ярко окрашенной реалиями сибирской природы. Поэтому при сопоставлении отдельных эпизодов повести о Сухане с ее возможным былинным прототипом мы вынуждены будем прибегать к записям обеих редакций, имея в виду, что в «воинской» части они очень близки друг к другу.

Общими для обеих версий былины о Сухане представляются следующие части ее.

Герой едет «ко тихие заводи» охотиться на «гусей, лебедей, серых утушек», поэтому не берет с собой боевого оружия. На трех заводях Сухан не находит птицы и едет к «Непре-реке», замечает, что река течет «не по-прежнему», и на вопрос его она рассказывает о переправе многочисленных сил врага, описание которых выполнено в обычных образах «неверной силы».

Сухан решает, что «не честь-хвала молодецкая не отведать силы татарской», но у него нет оружия, и он «выдергивал дуб с кореньем». Вооруженный дубиночкой, Сухан неутомимо избивает врагов, как и другие богатыри, уничтожая «неверную силу» до конца. Оставшиеся в живых три татарина из засады наносят Сухану три смертельные раны.

Раненый Сухан едет в Киев; здесь он отказывается от награды, которая ему уже не нужна.

Следуя былинной традиции, автор повести воплощает боевую силу народа в образе богатыря Сухана: Сухан один борется и побеждает врагов. Внешние черты биографии Сухана повести обычны также для былинных богатырей, в частности для Су-

хана былины: он живет в Киеве, при дворе князя (об имени князя «Манамах Владимирович» ниже), любит охотиться, но. видя врагов, бросается смело в бой, избивает врагов, возвращается в Киев. В изложении основного хода событий автор повести идет за былиной о Сухане. Подтвердим это сопоставлением повести с былиной, отмечая в повести все эпизоды, явно перенесенные в нее из былины о Сухане.

Что же сохранила повесть о Сухане из былинного сюжета, известного нам по записям XIX—XX веков?

В повести нет никаких следов завязки, характерной для северной редакции былины о Сухане, — описания пира, на котором богатырь получает поручение (или сам вызывается) привезти живой белую лебедь. Как и алтайская версия, повесть начинается рассказом о выезде богатыря на охоту: «Лучилось ему (Сухану, — *В. М.*) выехать с красным кречятом».

Но в алтайской записи картина былинной охоты на птицу заменена более обычным для Сибири описанием охоты на лесного зверя:

Выезжал Суханьша, Замантьев сын,
За зайцами, за лисицами,
За теми волками рыскучими.
(Гуляев, стр. 119).

Знает поздку на охоту именно за «птицей водяной» и рыбниковский вариант, который передает более подробное описание выезда Сухана:

Садился Сухмантий на добра коня,
Уезжал Сухмантий ко синю морю,
Ко тоя ко тихия ко заводи.
Как приехал ко первыя тихия заводи,
Не плавают ни гуси, ни лебеди,
Ни серые малые утеныши.
(Рыбников, II, стр. 339—340).

Саратовская песня о Сухане, сохранившая отголоски старого былинного текста, начинается тоже с выезда Сухана из Киева, возможно, также на охоту:

Ай как во городе Киеве,
Как по киевской большой дороженьке,
Ни ясен сокол вылетывал,
Вот ни лютый зверь выбегавал,
Выезжал туто Суханушко добрый молодец,
Сухан, Сухан, сын Иванович
На своим на добрым коне богатырскием.[1]

---

[1] М. Е. Соколов. Былины, исторические, военные, разбойничьи и воровские песни, записанные в Саратовской губернии. Петровск, 1896, № 1 стр. 1. (Далее сокращенно: М. Е. Соколов. Былины).

Затем в этой песне сообщается, что Сухан поехал «далече во чисто поле», подъехал к «сыру дубу», и, увидав на нем «черна ворона», хотел убить его, но ворон отсылает его («ты поезжай-ка Суханьушко») на «Ердань-реку», где стоит сила «татарская, бусурманская».

Итак, Сухан в повести, как и в алтайской разновидности былины, едет на охоту, не связанный никакими обязательствами, движимый лишь страстью к ней

Как обычно в былинах не только о Сухане, но и о других богатырях (см. выше, стр. 13), в повести Сухан выезжает на охоту, еще не предвидя встречи с врагом. За этим любимым занятием застает его, как и былинного богатыря, известие о приближении врагов. В былине он

Как приехал ко первыя тихия заводи,
Не плавают ни гуси, ни лебеди,
Ни серые малые утеныши.
Ехал ко другия ко тихия ко заводи:
У тоя у тихия у заводи
Не плавают ни гуси, ни лебеди,
Ни серые малые утеныши.
Ехал ко третия ко тихия ко заводи:
У тоя у тихия у заводи
Не плавают ни гуси, ни лебеди.

(Рыбников, II, стр. 340).

Не найдя птицы, Сухмантий «пораздумался» и решает — «поеду я ко матушке Непры-реке».

Сухан повести сразу, «не доежаючи быстра Непра Слаутича, наехал на малой заводи многия лебеди». Перенеся из былины самый рассказ о том, что Сухан едет искать птицу к «малой заводи», автор повести дал свою мотивировку решения его ехать к Днепру. В былине богатырь едет к реке потому, что не нашел птицы ни на одной из трех заводей,[1] а в повести, наоборот, он сразу, в первой же заводи, где раньше он «не наезживал ни гусей, ни утят», встретил «многия лебеди» и «учал дивитися». Заподозрив неладное, Сухан едет к Днепру. Как ниже будет показано, такая мотивировка введена автором повести в соответствии с его общим стремлением придать рассказу черты реалистичности и связана с военной приметой, именно поэтому он снял типичную для былин троичность этого эпизода — три поездки на заводи заменил одной.

---

[1] В алтайской былине этот эпизод, повидимому, передан неточно: Сухан там сразу приезжает на берег Днепра. Есть два варианта северной редакции, в которых Сухан также сразу оказывается у Днепра (Фофанов, Конашков), но они тоже принадлежат к испорченным текстам.

Сухан повести, приехав к Днепру, видит, что «Непр-река смешалась з желты пески». Он «задумался», пытаясь понять, почему неспокоен «Непр». В этот момент с заречной стороны он слышит голос «человека», который сообщает ему о переправе вражеских войск, называя имя их военачальника, количество татар и пр. В былине Сухан, увидав, что в Днепре «вода с песком помутилася», вступает в беседу с рекой и от нее узнает о переправе татар и о количестве их войска. Наиболее красочно и подробно этот эпизод передан в алтайской былине, дополнившей картину элементами сибирского пейзажа. В алтайской былине подчеркивается, так же как и в повести, огромное количество вражеского войска, которого «доброму молодцу в день не объехати» (ср. в повести: татар «много, бесчисла»), и употребляются одинаковые с повестью эпитеты Днепра и песков (повесть: «быстрый Непр», «желты пески»; былина: «быстрый Днепр», «желты пески»).

Обращает на себя внимание, что повесть о Сухане, заменив в этом эпизоде «человеком» Непр-реку, использует в ответе «человека» не образ «калинового моста», характерный для северной редакции былины, а перечень состава войска Азбука Товруевича, к которому, как выше указано (стр. 22), присоединяется иногда в былинах формула «не облететь — не обрыскать», удержавшаяся в варианте Гуляева. Это наводит на предположение, что редакция былины о Сухане, отраженная в этом варианте, содержала обе части описания вражеского войска, применяемого былиной о Калине, причем первая часть воспроизведена повестью, вторая — вариантом Гуляева.

Как показывает сличение всей первой части повести с соответствующими эпизодами былины о Сухане, и повесть и былина одинаково отмечают в характере богатыря склонность к размышлениям, которые и приводят его к определенным решениям. Сухан и в повести и в былине не случайно едет к Днепру, а потому, что он «пораздумался», «задумался», отчего птицы улетели с тихих заводей или, наоборот, прилетели туда, где раньше он их не встречал; богатырь снова «пораздумался», увидев помутившуюся воду Днепра; узнав о приближении врага, он размышляет о том, не вернуться ли ему в Киев за оружием. Хотя содержание размышлений Сухана в повести и былине не всегда совпадает,[1] но самый способ связывать отдель-

---

[1] Например, узнав о нашествии врагов, безоружный Сухан повести размышляет:

Поехать мне х Киеву для ратнова оружия —
И богатырей в Киеве умножилось,

ные поступки богатыря с помощью его размышлений, очевидно, в данном случае роднит автора повести со сказителями, раскрывавшими слушателям через раздумья былинных героев мотивы их поведения.

Как и былинный богатырь, Сухан повести оказывается перед врагом невооруженным и, подобно ему, вынужден сражаться дубинкой. Но Сухан повести, перед тем как поехать в лес за дубком, размышляет о том, что неосторожный выезд в поле без оружия — его «грех»:

По грехом есми запросто выехал,
Саадака и сабли нет на мне
И никакова ратнова оружия.

В старших текстах былины этой ссылки на «грехи» нет, но самый мотив раскаяния в своей неосторожности встречается в некоторых поздних записях. У М. С. Крюковой читаем:

Только горе мне, Сохматию Сохматиевичу,
Как нет у меня с собой сабли вострою,
Не случилось у меня с собой копья славного
богатырского,
Нету, нету у меня паличи тяжелою,
Как тежолой славной богатыркою.[1]

В варианте Арапова: «Ах, — говорит, — что я теперь стану делать со злыми татарами, когда я не взял с собой доспехи богатырские!».[2]

И в правосте своей под старость не прослыть сиротиною.
И поехал Сухан ко дуброве зеленой.

Былинный Сухан идет навстречу врагам —

Раздумался Сухмантий Одихмантьевич:
Не честь-хвала мне молодецкая
Не отведать силы татарския,
Татарския силы, неверныя.
(Рыбников, II, стр. 340).

[1] Про богатыря Сохматия Сохматьевича. Неопубликованный текст Архива Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. (Далее сокращенно: Крюкова. Архив ИРЛИ). Подробнее см. Приложение III, где этот текст публикуется. У М. С. Крюковой, впрочем и в других былинах, когда богатыри попадают в такое же положение, встречаем повторение этого эпизода — как бы общего места в ее стиле. См.: Былины М. С. Крюковой. (Летописи государственного литературного музея). Вып. VI, М., 1939, стр. 379 (Михаил Игнатьевич), стр. 682 и др. (Далее сокращенно: М. С. Крюкова. Летописи, VI).

[2] П. Шереметьев. Зимняя поездка в Белозерский край. М., 1902, стр. 73. (Далее сокращенно: Шереметьев).

Само добывание оружия в повести изображено вслед за былиной о Сухане, с сохранением даже мелких былинных подробностей этого эпизода. В былине:

Приезжает Сухмантий ко сыру дубу,
Ко сыру дубу крякновисту,
Выдергивает дуб со кореньямы,
За вершинку брал, а с комля сок бежал,
И поехал Сухмантьюшка с дубиночкой,

(Рыбников, II, стр. 341).

или:

Как ехал Сохман сын Рехмантьевич
Ко дубиночке да к вязиночке,
За вершинку брал да с камля сок бежал,
Сорвал деревцо да ён со корешком.[1]

В повести то же:

И наехал сыр-зелен падубок,
Да вырвал ево и с кореньем,
Да едег с ним не очищаючи.

В большинстве вариантов былины не говорится о том, очищал ли Сухан свой дубок. Только Павков, Якушев и М. С. Крюкова заставили богатыря очистить свое оружие — «сделал себе дубиночку» (М. С. Крюкова). Однако дубинка в большинстве вариантов понимается именно как дерево: «вырвал он дубинушку цяжелую»,[2] «стоит как тут дубиночка-вязиночка» (Фофанов, так же у Антонова, Конашкова, Мишкина, Дорохиной, Пахоловой и др.). Вероятнее всего указание на то, что Сухан поехал драться с неочищенной дубинкой, было забыто сказителями, и они передавали это место неточно, что и дало повод позднейшим пересказчикам добавить новую подробность — богатырь очищает дубинку. В данном случае повесть о Сухане сохранила старую деталь былины.

Началу боя в повести предшествует подсчет богатырем силы врагов: «а не как богатырю людей сметить». Взята ли эта подробность автором повести из былины — сказать трудно. В старших вариантах былины такой мотив отсутствует, но отдельные варианты подсчет врагов вводят; например, в ва-

---

[1] Сказитель Ф. А. Конашков. Подготовка текстов, вводная статья и комментарий А. М. Линевского. Под редакцией А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1948, № 8, стр. 116. (Далее сокращенно: Конашков, 1948).

[2] Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг., т. III. СПб, 1910, стр. 144. (Далее сокращенно: Григорьев, и указывается номер тома).

рианте Арапова Тюхмень Адихментьевич «посмотрел на силу татарскую — и сметы нет» (Шереметьев, стр. 73). У М. С. Крюковой:

Зачел Сохматий силы пересчитывать,
Насчитал-то он силы в первых полных сорок
тысячей.
Достальней-то силы не стал пересчитывать.
(М. С. Крюкова. Архив ИРЛИ).

В изображении всего боя и отдельных боевых эпизодов автор повести шел за былиной. Он также более подробно описывает первую часть битвы, до ранения Сухана, когда были уничтожены главные силы врага, и коротко сообщает об окончании сражения, когда раненый богатырь добивал оставшихся татар. Но и по рассказу повести именно среди врагов, уцелевших от первого удара, нашлись те, кто смертельно ранил Сухана.

Бой Сухана «середи острогу татарскова», опустошительность его ударов переданы в повести по-былинному гиперболически, хотя и с помощью иных образов:

И Сухан бьет татар падубком
На все четыре стороны.
Куды Сухан ни оборотится —
Тут татар костры лежат.

Ср. в былине:

Куда бежит — тут улица,
Заворотится — переулочек,
Навалил трупов — коню до стремени;
(Гуляев, стр. 120).

И начал он дубиночкой помахивати,
Начал татар покалачивати;
Махнет Сухмантьюшка — улица,
Отмахнет назад — промежуточек.
И вперед просунет — переулочек;
(Рыбников, II, стр. 341).

Куда махне, тут лежит их как улочка,
Перемахне, тут их переулочком.[1]

---

[1] Былины Пудожского края. Подготовка текстов, статья и примечания Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова. Предисловие и редакция А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1941, стр. 227, ср. стр. 447. (Далее сокращенно: Пудожские былины).

Сухан повести налетел стремительно на татар: «Загаркал, напустил на них». В былине Сухан тоже

Напустил он своего добра коня
На тую ли на силу на татарскую.
(Рыбников, II, стр. 341).

В варианте Старикова:

Он пустил коня да на татаровей.[1]

Возможно былинный богатырский скачок боевого коня Сухана вспомнился автору повести, когда он описывал скачок Сухана на середину татарского острога: «Конь его скочил через телеги ордынские». В былине богатырский конь Сухана перескакивает то через Днепр (Рыбников и большинство других вариантов), то через «стену городовую» и «башню-ту высокую» (М. С. Крюкова), то скачет через горы и полевое раздолье (Попов). В сибирской былине об Иване Годиновиче,[2] сохранившей какие-то отголоски былины о Сухане, богатырь Сухан при въезде в Киев «перескакивает заплот он, железной тын».

Первая часть боя в повести, как и в былине, завершается полным разгромом врага. И здесь автор в построении сюжета следовал за былиной, в той ее разновидности, где сообщалось, что ко времени появления Сухана на берегу Днепра какой-то части татарского войска уже удалось переправиться через реку. Отголосок такой версии слышится в алтайской былине «Суханьша Замантьев», где сообщается:

Половина силы переправилась,
Другая половина на другой стороне.
(Гуляев, стр. 120).

Соответственно этому в повести описание первой схватки заключается отлично от северной редакции. В то время как в северной былине Сухан «убил он всех татар поганыих» (три спрятавшихся в кустах татарина в счет не идут), в повести он только побил «тех татар», которые были на его берегу, а для того, чтобы убить «всех татар», он должен был переправиться через Днепр (в алтайской былине не говорится, что Сухан побил всех татар, но перед сообщением о его ранении дается опи-

[1] Сухан-богатырь. Неопубликованный вариант Архива Карело-Финского филиала Академии Наук СССР. (Далее сокращенно: Стариков, Архив К-Ф). Подробнее см. Приложение III, где этот текст публикуется.
[2] См. Приложение IV, стр. 196.

сание заваленного трупами и залитого кровью поля сражения). Поэтому и бой в северной редакции, хотя и состоит также из двух моментов, но происходит лишь на одном берегу (Днепр размывает переправы и не позволяет татарам перебраться на другой берег). Но, как и в северной редакции былины, Сухан повести, разбив врага, возвращается на берег Днепра; с этого момента начинается в повести и в северной былине второй этап борьбы богатыря с врагами.

Итак, автор повести, расширяя былинный текст, вводя новые эпизоды в описание боя, не отходил от былинной общей схемы боя. Это подтверждается и дальнейшим сопоставлением былины и повести.

Идя вслед за былиной, автор повести рассказывает, что Сухан был ранен не в открытом бою, а из засады, подчеркнув этим, вслед за своим образцом, невозможность победить русского богатыря один на один, в честном бою. В былине в богатыря стреляют три татарина из луков, Сухана повести ранят из трех пороков, скрытых в глубоком овраге. Этот эпизод ранения из засады имеется почти во всех полных текстах былины, хотя и передается там с некоторыми мелкими различиями. Ближе всего к повести он разработан в былине М. С. Крюковой. Здесь, как и в повести, в Сухана попали лишь после третьего выстрела и ранили его в сердце:

Злые татарове спустили стрелочки каленые:
Перва стрелочка мимо пролетела-то,
Друга стрелочка до Сохматьюшка не долетела-то,
Третья стрелочка ведь пала всё Сохматьюшку,
Как ведь пала-то Сохматьюшку во левой бок,
Вот во левой-от во бок да к ретиву́ сердцу́.[1]

Ср. в повести:

И скоро мечютца к оврагу глубокому,
И зарядили борзо три порока,
А в пороке по рогатине.
И Сухан переплыл через быстрой Непр,
Не переехал скоро с обломчишком на берег,
И татаровя ис порока стрелили да грешили;
Из другова стрелили — грешили;
Из третьева стрелили — убили богатыря
Против серца богатырскова,
Отрезали коренье сердечное.

---

[1] Марфа Крюкова. Беломорские былины. Записи Э. Г. Морозовой-Бородиной. Предисловие А. Морозова. Архангельск, 1953, стр. 83. (Далее сокращенно: Марфа Крюкова).

В алтайской былине не говорится о том, что Сухана поразили из засады, но тоже сообщается, что его ранили в сердце:

Тут Суханьшу прибранили,
Дали Суханьше тридцать ран;
Те раны были сносные,
А три раны — сердечные,
Сердечные раны, кровавые.

(Гуляев, стр. 120).

В варианте Рыбникова, так же как в повести, татары ждали богатыря в засаде, наготове, направив на него стрелы:

Бежали ко матушке Непры-реке,
Садились под кусточки под ракитовы,
Направили стрелочки каленыя.
Приехал Сухмантий Одихмантьевич
Ко той ко матушке Непры-реке, —
Пустили три татарина поганыих
Тыя стрелочки каленыя
Во его в бока во белыя.

(Рыбников, II, стр. 341).

Таким образом, вариант Рыбникова восполняет утерянные в алтайской былине подробности (засада и приближение богатыря к ожидающим его наготове врагам). После этого действие в повести и былине развивается одинаково: татары спешат в укрытие; изготовившись к стрельбе, они ждут богатыря, поражают его в самое опасное место — сердце. Как видно, автор повести и в этом эпизоде придерживался былинной схемы рассказа.

В повести дано объяснение причины ранения Сухана — он «не переехал скоро с обломчишком на берег». Старшие и устойчивые былинные варианты не знают этой подробности. Только в варианте М. С. Крюковой сделана точно такая же попытка объяснить причину ранения Сухана: богатырь был «настрелен» потому, что

Приутомилсе-то его, сказать, да доброй конь,
Он ведь шёл-то ведь да шагом тихим-то.

(Марфа Крюкова, стр. 83).

В другом своем варианте М. С. Крюкова еще более уточняет, по сравнению с повестью, причину ранения Сухана:

Вот устал, устал у Сохматия его доброй конь,
Заходил-то он ведь ступью очень тихою,
Приустали у Сохматья ручки белые,
Приустали у Сохматья ножки резвые.

(М. С. Крюкова. Архив ИРЛИ).

Не исключена возможность, что в том тексте, который был у автора повести о Сухане, содержалось такое объяснение ранения богатыря, а автор повести, вводя его, только шел по следам былинной схемы. Позднейшие пересказчики былины забыли этот факт как малозначительный в развитии сюжета, и, очевидно, лишь М. С. Крюкова, склонная к пояснениям, уловила необходимость именно в этом месте объяснить причину ранения богатыря.

Раненый Сухан в повести действует так же, как раненый Сухан в былине: он истребляет всех оставшихся татар. Зависимость повести от былины и в этом эпизоде ощущается явственно. В повести:

И богатырь забыл рану смертную,
Загаркал, напустил, да и тех побил всех татар.

В былине:

Тут Сухмантий Одихмантьевич
Стрелочки каленые выдергивал,
Совал в раны кровавыя лисгочики маковы,
А трех татаровей поганыих
Убил своим ножищем-кинжалищем.

(Рыбников, II, стр. 341).

Былинный оригинал виден и в следующем за этим эпизоде повести — в рассказе о возвращении героя с поля боя. Сухан повести, подобно былинному богатырю, спешит в Киев:

И богатырь узнал рану смертную,
Учал борзо спешить ко граду...

Сухан в былине:

Тут ведь скоро он садился на добра коня;
Приезжает ко городу ко Киеву,
Он ко ласковому князю ко Владимеру;

(Марков, стр. 88).

Садился Сухмантий на добра коня,
Припустил ко матушке Непры-реке,
Приезжал ко городу ко Киеву,
К тому двору княженецкому.

(Рыбников, II, стр. 341).

Алтайская былина иначе описала возвращение богатыря с побоища, но сохранила из старой былины мотив спешного отъезда Сухана с поля боя после того как он почувствовал на себе смертельную рану («побежит он из силы Мамаевой»).

В списке повести о Сухане есть пропуск: утерян лист, содержавший около двадцати двух строк текста, примерно по 20 букв в строке (страницы в рукописи имеют от 10 до 12 строк). Текст обрывается на сообщении, что после боя «богатырь узнал рану смертную, учал борзо спешить ко граду», а возобновляется изложение рассказом о том, как Владимир князь «узрел на Сухане рану смертную», послал «по лекари», велел служить молебны и начал предлагать Сухану «города и вотчины» («за твою великую службу»).

Совершенно очевидно, что на утерянном листке не только описывался обратный путь Сухана в Киев, но непременно содержался и рассказ богатыря о его окончательной победе над татарами, т. е. о той его «великой службе», за которую князь и хочет его «жаловать». «Борзо» спешивший в Киев богатырь, конечно, не ложился «на ту кочку болотную», как сделал это Суханьша алтайской былины.[1] Рассказ Сухана князю был близок в повести к содержанию северной редакции, но в нем не было упоминания о поручении привезти «лебедь белую» «живьем». Алтайская былина, значительно вообще переработавшая обычный ход действия былин о Сухане, ввела в описание его поведения после боя такие же реалии сибирской природы, как и в начале — в завязке, где богатырь едет на охоту за лесным зверем.

Хотя Сухан повести в своем ответе князю, предложившему ему награду, просит у него «прощения», но эту просьбу нельзя связывать с какой бы то ни было ссорой его с князем. В этой просьбе богатыря «простить» его звучит память о старом русском обычае — перед смертью просить прощения у всех, кто в эту минуту находится перед умирающим. Вместо награды Сухан как воин, выполнивший свой долг перед родиной, просит у князя только «жалованного слова», т. е. справедливой оценки своей службы, а как человек он просит у князя прощения в своих земных грехах.

Вероятно на утерянном листке повести описывалось, как Сухан приехал к князю Владимиру и, успев рассказать ему в нескольких словах о битве с врагами, упал от истощения сил. Тут-то и «узрел» князь на Сухане «рану смертную». О том, что князь успел узнать от Сухана о его подвиге, свидетельствует забота князя о сохранении жизни богатыря и желание как можно лучше наградить героя за «великую службу». Князь Владимир предлагает Сухану:

---

[1] Сказитель алтайской былины под влиянием былины об Илье Муромце, Ермаке и Калине-царе завел своего Суханьшу Замантьева после боя отдыхать на «кочку болотинную».

Сколько тебе, Сухanушко, городов и вотчин
надобе,
Тем тебя пожалую за твою великую службу.

Ведь если бы князю не было известно о подвиге Сухана, то непонятным осталось бы «жалование» богатыря. Что Сухан предстал перед князем именно в Киеве, доказывается также появлением около умершего богатыря матери и такими словами повести, передающими городскую обстановку:

И послал по лекари многия,
И у Софеи велел молебны петь за Суханово
здоровье.

Такого конца в былинах о Сухане нет, хотя в варианте Якушева Сухан, объяснив князю, почему он не привез лебедушку, тут же на глазах у всех «скончался ведь». Но по варианту Якушева явно чувствуется, что сказитель забыл всю вторую половину былины. Однако сам приезд былинного богатыря в Киев после побоища подтверждается приведенными выше примерами из вариантов северной редакции. Былина знает также и предложение награды богатырю за подвиг, причем в повести это предложение выражено такой же формулой, как в былине:

Буду его молодца жаловать-миловать,
За его услугу за великую,
Городами его с пригородкамы,
Али селамы со приселкамы,
Аль бессчетной золотой казной дó люби.
(Рыбников, II, стр. 343).

Отказ героя повести от княжеской награды тоже имеет прямую связь с былиной. Эпический богатырь также отказывается от княжеских даров, правда, мотивируя свой отказ другими причинами, чем Сухан повести. Последнему уже не до наград, он чувствует, что стоит на пороге смерти, и хочет лишь одного, чтобы «государь» правильно оценил его «службу» и простил за возможные грехи перед ним. Он говорит «государю» в ответ на предложение наградить его бесчисленным богатством:

Дошло, государь, не до городов, ни до вотчин.
Дай, государь, холопу жалованное слово и прощенье.

Сухан северной редакции былины отказывается от княжеских «милостей» и погибает потому, что его оклеветали, не оценили во-время по достоинству его великий подвиг. В заключительной части северной редакции былины его поведением руководит оскорбленное самолюбие и возмущение несправедливым поступ-

ком князя. Полный чувства человеческого достоинства, он гордо отвечает князю на его запоздалые «милости»:

Не умел меня, солнышко, миловать,
Не умел меня, солнышко, жаловать:
А теперь не видать меня во ясны очи!

(Рыбников, II, стр. 344).

Или:

А по приезду нас, молодцов, жалуют,
А по заслугам молодцов нас чествуют,
А ведь Владимир-князь столнё-киеськой
А насмеялся надо мной-то ведь.[1]

В варианте Гильфердинга этот эпизод явно испорчен. Сказитель Антонов помнил текст этой былины не твердо и очень туманно и путанно изложил вторую половину былины, перенеся, в частности, слова Сухана «не честь-хвала мне молодецкая, не отведать силы татарския», сказанные им перед боем (ср. вариант Рыбникова и др.), в самый конец былины, придав тем самым отказу несколько другой смысл. Однако нетрудно заметить, что эти слова введены сюда случайно и не согласуются с последующими строками былины и общим ее настроением в данном тексте. Вот это место в варианте Антонова:

Говорит Сухман таково слово:
«А не честь-хвала молодецкая,
Брать города с пригородкамы,
Брать присела да со приселкамы,
Брать мне бессчетна золота казна.
А моя есть смерть напрасная
От тых от ран от великиих.

(Гильфердинг, I, стр. 573).

Искаженность этого места в варианте Антонова выступит еще явственнее, если его сопоставить с концом варианта шальского лодочника (запись Рыбникова), который перенял былину от того же сказителя, что и Антонов.[2] Показательно, что при первом прослушивании Гильфердингом этой былины от Антонова она имела совсем другой конец, более близкий к рыбниковской записи. Только при повторении этот конец получил настоящий вид, и разночтения повторной записи собиратель вписал тут же, поверх первоначального текста, приняв их за основу в своем

---

[1] Сохман. Вариант Ф. А. Конашкова. Онежские былины. (Летописи государственного литературного музея, книга тринадцатая). Под редакцией Ю. М. Соколова и В. И. Чичерова, М., 1948, № 84, стр. 382. (Далее сокращенно: Конашков. Онежские былины).

[2] Сопоставление этих мест см. выше, стр. 34.

издании, и в таком виде былина перешла в позднейшие издания. Сохранившаяся полевая карандашная запись рукой Гильфердинга наглядно показывает, что Антонов знал былину очень нетвердо и при исполнении припоминал ее содержание.

Первоначальный вариант отказа Сухана от даров выглядел так:

Говорит Сухман таково слово:
«Не надо городов с пригородками,
И присела не надо со приселками,
Не надо мне золотой казны».
От тых от ран от великиих
Выдергал он листочки маковыи.[1]

Мы остановились несколько подробнее на описании отказа Сухана от награды в варианте Антонова, чтобы рассеять представление исследователей о своеобразии этого ответа и показать настоящее соотношение его с другими текстами былины о Сухане.

Таким образом, при всем различии обстановки, в какой происходит отказ богатыря от награды в былине и в повести, самой формы отказа и внутреннего содержания его, зависимость и этого эпизода повести от былины несомненна. Вводя мотив отказа богатыря от даров, автор повести и в данном случае придерживался былинной схемы рассказа. Алтайская былина позабыла это место, а по содержанию ее можно предполагать, что мотивировка отказа Сухана в данной версии могла быть очень близкой к повести.

Былина о Сухане в обеих разновидностях заканчивается смертью богатыря от полученных в бою ран. Но в северной редакции незаслуженно обиженный Сухан, отказавшись от княжеских даров, выдергивает из своих кровавых ран «маковые листочки» и умирает, приговаривая:

Потеки, Сухман-река,
От моя от крови от горючия,
От горючия крови, от напрасныя.
(Рыбников, II, стр. 344).

В алтайской былине князь Владимир привез смертельно раненного Сухана в Киев в соборную церковь, где богатырь «покаялся» и «переставился».

И повесть о Сухане заканчивается смертью богатыря от ран в Киеве, в присутствии князя «Манамаха». В ней Сухан Дамантьевич, попросив у князя прощения (это было последнее слово умирающего богатыря), «в том часу и умолкнул». Последняя часть повести (плач матери Сухана) совершенно не зависит от былины.

---

[1] Гильфердинг. I, стр. 728.

Итак есть основание предполагать, что, вводя в повесть описание приезда богатыря к князю, рассказ Сухана о битве и речь князя, предлагающего наградить его за подвиг, автор шел за былиной. Однако сохранившиеся тексты былины о Сухане показывают, что былинный оригинал повести в этой части резко расходился с северной редакцией, где встреча богатыря с князем привела к ссоре, оскорблению Сухана и его самоубийству. Такая развязка, как выше показано, уже намечалась завязкой (богатырь получил поручение от князя), где, однако, конфликт между князем и богатырем еще не получил ясного выражения. В заключительной части этот конфликт приводит к трагической развязке и к моральному поражению князя. Вместе с тем и единственный текст алтайской версии былины, несомненно подновленный в последней части, не позволяет восстановить описание возвращения богатыря в этой редакции былины. Повидимому, именно повесть в данном случае лучше, чем алтайская запись, сохранила общую схему этого описания. Но и в повести, как мы видели, есть пробел — утерян листок, где изображался самый приезд богатыря к князю. И все же, сопоставляя алтайскую былину и повесть, мы хотя бы предположительно можем представить себе заключительную часть прототипа алтайской версии. В ней сообщалось, что раненый богатырь приезжает в Киев, ко двору князя, рассказывает о битве с татарами и победе над ними, отказывается от предложенной князем награды и умирает от «смертной раны». Сохранив общую схему такого рассказа, автор повести дополнил его целым рядом подробностей (князь посылает за лекарями, велит служить молебны у Софии, богатырь просит прощения и жалованного слова, мать причитает над умирающим Суханом).

Именно заключительная часть повести о Сухане особенно наглядно показывает, что автор никак не отразил социальную тему северной редакции былины, сосредоточив исключительное внимание на теме «воинской».

Сличение повести с сохранившимися вариантами былины о Сухане позволяет представить в основных чертах облик той былины, которая определила развитие сюжета повести. Эта былина начиналась с картины выезда богатыря на охоту за птицей. Былинный Сухан проехал три «тихие заводи». Не найдя там птицы, он «пораздумался» и поехал к «быстрой» «Непререке»; увидел, что в ней вода с «желтым песком» помутилась, и снова задумался. Река рассказывает о переправе врага, причем многочисленность вражеского войска представлена была

в ее речи обычными формулами былин о Батыге, Калине-царе и т. п., в которых не только отмечается многочисленность вражеского войска и делается попытка представить строй войска, но указывается нередко имя главного военачальника и состав командования.

Пораздумав, Сухан решает ехать навстречу врагу. Вспомнив, что у него нет боевого оружия, Сухан выдергивает «дуб с кореньем» и, не очистив его, бросается в бой. Часть вражеского войска, переправившаяся через Днепр, уничтожена Суханом. Три татарина прячутся у берега, нацеливают стрелы и, когда богатырь медленно подъезжает к переправе, чтобы и на другом берегу разбить врага, стреляют в него; третья рана — смертельная.

Сгоряча богатырь не замечает опасности, с новой силой набрасывается на татар и истребляет их всех, до единого. Остановившись, он видит смертельную рану и спешит в Киев. В городе он рассказывает князю о битве; князь предлагает ему богатые дары, но Сухан отказывается от них и умирает от полученных ран. Повесть о Сухане опустила некоторые детали старого текста былины, но в то же время она донесла до нас отдельные черты, бывшие в этом старом тексте и утраченные позднейшими сказителями. Таким образом, повесть имеет важное значение для выяснения первоначального облика одной из разновидностей былины, бытовавшей уже в XVII веке рядом с версией типа северной редакции позднейших записей. В свою очередь былина о Сухане позволяет нам выделить из повести все то новое, оригинальное, чем отличается это произведение от сложившейся к XVII веку традиции устного героического эпоса.

Чтобы своеобразие повести о Сухане выступило с полной отчетливостью, необходимо не ограничиваться сопоставлением ее только с былиной о Сухане. Целый ряд мотивов в повести убеждает нас в том, что ее автор владел приемами былинного повествования вообще, даже и не отраженными в былине о Сухане, что он умело применял их, вводя новые, по сравнению со своим основным источником, подробности в характеристику богатыря и в описание его подвига.

2

Взяв за основу своей повести былину о Сухане, автор, владея приемами былинного стиля, внес некоторые дополнительные черты в самое описание Сухана. В повести — это старик 90 лет, как отцы Добрыни, Василия Буслаева, Михаила Данильевича.

Число девяносто в былинах, как и в повести, применяется для определения длительного времени вообще, для обозначения старости человека, большого количества чего-либо. Описанные в повести происшествия случились тогда, когда «был богатырь стар добре, больше ему девяноста лет».[1] В отличие от былин автор повести уточняет определение, не довольствуясь круглой цифрой «90».

В записи начала XVIII века былины о Михаиле Даниловиче отец его, старый богатырь, так говорит о себе: «Аз я в Киеве жил девяносто лет, выезжаючи ис Киева побивал девяносто побоищев» (Тих. и Мил., I, стр. 63; ср. также: К и р е е в с к и й, III, стр. 43). В записи Киреевского Данило Игнатьевич просит Владимира отпустить его в монастырь, говоря: «Теперь от роду мне стало девяносто лет» (К и р е е в с к и й, III, стр. 43). Так же определяется возраст отца Добрыни Никиты Романовича в тексте М. Д. Кривополеновой: «девеносто он лет жил, пристарилса».[2] Отправляясь против «Кудреванка царя», Василий-пьяница хвалится: «А еще был я старик да девяноста лет, еще стал молодец я двадцати годов» (Г р и г о р ь е в, III, стр. 81). В былине о Василии Буслаеве «век долгий» отца богатыря «Буслая» определяется тем же числом: «А и жил Буслай до девяноста лет... состарелся и переставился» (Кирша Д а н и л о в, стр. 31; Тих. и Мил., II, стр. 221). Такой же возраст имеет отец Вольги Святослав (Г и л ь ф е р д и н г, I, стр. 75; II, стр. 4).

Илья Муромец говорит о себе:

> Я-то как богатырь очень старой стал,
> Мне-ка от роду сейчас же девяносто лет.
>
> (М. С. К р ю к о в а, Летописи, VI, стр. 188).

В «девяносто пуд» нередко определяется в былинах оружие богатыря, костыль, шалыга, кандалы.[3] Кораблей у богатыря также иногда бывает девяносто (Кирша Д а н и л о в, стр. 5). Так же, как Илья Муромец, Добрыня, Суровец, Вольга, Михаил Казаринов, Сурога, Поток Михайлович, Ставер Годинович, Дюк

---

[1] В былинах нередко так начинается рассказ: «Быт в славном гораде Муроме, жил тут стар матер человек», (Этнография, 1927, № 1, стр. 109).

[2] О Э. О з а р о в с к а я. Бабушкины старины. Пгр., 1916, стр. 46. См. также: Г у л я е в, стр. 81 (№ 9).

[3] Р ы б н и к о в, 1-е изд., ч. II, стр. 35 (кандалы Добрыни); ч. III, стр. 225 (сабля Василия Игнатьевича), стр. 37 (шалыга Ильи Муромца). — Г и л ь ф е р д и н г, III, стр. 59 (костыль «калики»), стр. 129 (шишак Ильи), стр. 345 (кулья).

Степанович и другие богатыри русского эпоса,[1] Сухан повести любитель «потехи кречатные» («Да охочь был до потехи кречатные, не покинул он потехи и до старости»), — так привычным для XVII века термином названа охота за птицей и мелким зверем «с красным кречятом».[2]

Подобно другим богатырям — любителям охоты, Сухан повести при известии о приближении врагов из мирного охотника становится богатырем — защитником родной земли.

В повести о Сухане появились и новые подробности, расцветившие описание встречи богатыря с врагами. Так, в повести «человек», извещающий Сухана о переправе войск Азбука, начинает свой рассказ как бы с упрека в адрес богатыря, намекая на его беспечность в такой решающий для страны момент:

Ой еси, Сухан Дамантьевич!
Ты славен в Киеве велик богатырь,
А по ся мест не ведаешь,
Уж тому девятой день как перевозитца
Через быстрой Непр царь Азбук Товруевич.

В былинах с упрека в беспечности тоже нередко начинается сообщение о приближении опасности. Например, в былине «Дунай» «слуги верные» приносят королю Литвы весть о появлении «детины» Дуная:

Ай же, ты батюшка, король хороброй Литвы!
Ешь ты, пьешь, утешаешься,
Над собой невзгодушки не ведаешь:
На дворе детина не зна́й собой.

(Гильфердинг, II, стр. 187).

«Посланник великий» говорит Михаилу Потыку:

Ах ты Михайла Потык Иванович,
Что ты пьешь, ешь, прохлаждаешься,

---

[1] См. Рыбников, I, стр. 259—261; II, стр. 333—335 (Вольга-охотник); I, стр. 189, 355, II, стр. 20, 537, 642 (Дюк-охотник); I, стр. 82—88, II, стр. 57—58 (Потык-охотник); Кирша Данилов, стр. 86—88 (Михаил Казаринов-охотник), стр. 19—20 (Волх Сеславьевич-охотник), стр. 11 (Дюк) и др.

[2] См., например, «Книгу глаголемую урядник сокольничья пути», царя Алексея Михайловича, в которой слово «потеха» не раз употребляется применительно к соколиной и кречатной охоте («Древняя российская вивлиофика», ч. III, изд. 2, М., 1788, стр. 431, 443 и др.). В письмах царя Алексея Михайловича к А. И. Матюшкину несколько раз называется «красной кречет», добывавший коршаков (Собрание писем царя Алексея Михайловича, М., 1856, стр. 80 и др.).

Над собой невзгоды не ведаешь:
Наехал царь Бухар заморский.

(Рыбников, изд. 1, вып. IV, стр. 64).

«Человек поля» сообщает князю Владимиру о выступлении против него «Бахмета сына Тавруевича»: «Государь велики князь Владимер Всеславьевич киевской, пьешь ты и ешь и тешисся, а над собою, государь, кручины не ведаешь: идет из большия орды царь Бахмет сын Тавруевич».[1]

Приехавшие «ис поля станишники» говорят Владимиру Всеславьевичу о приближении «незнаемых людей»: «... пьешь и ешь, проклажаесся, а того ты, государь, не ведаешь: за городом у нас в поле... люди незнаемыя».[2]

Эта постоянная формула, с которой начинается сообщение о приближении врага или о какой-либо другой «невзгоде», применяется в самых разнообразных былинах, в самых различных ситуациях, но всегда для одной и той же цели — предупредить своевременно об угрожающей опасности. Автор повести не мог сохранить ее полностью при описании встречи Сухана с «человеком» на берегу реки, так как богатырь здесь не «прохлаждался». Но и он начал свое сообщение с этого традиционного мотива — хоть ты де «славен велик богатырь», а «не ведаешь» о такой опасности. Как и в других случаях, автор повести придал этому традиционному мотиву реалистический оттенок, в соответствии с общим направлением, в каком разработан данный эпизод: «человек», очевидно страж-воин, заменил в повести рассказывающую о переправе врагов реку былины.

«Человек» называет в своем сообщении имя татарского царя Азбука Товруевича. Это искаженное имя Азбяк (Азвяк) — Узбек, которое носили несколько татарских ханов и военачальников в XIV—XVII веках.[3] В форме «Азбук» оно, кроме повести, нигде не встречается. В других же вариациях оно известно в русском эпосе. Еще чаще встречается в былинах отчество Товрулович, берущее, возможно, свое начало от имени

---

[1] «Гистория» о Михаиле Даниловиче: Тих. и Мил., I, стр. 61.

[2] Повесть об Илье Муромце по списку второй четверти XVIII века Сб. «Славянский фольклор», М., 1951, стр. 250. Ср. также: Рыбников, II, стр. 234; Гильфердинг, I, стр. 165, 391; II, стр. 417; III, стр. 34 и др.

[3] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, т.т. I—II, СПб., 1884, 1895 (см. именные указатели к томам, под этим словом), «Указатель к первым восьми томам полного собрания русских летописей». СПб., 1898, стр. 320 (указатель лиц), Указатель к Никоновской летописи. ПСРЛ, т. XIV, 2 пол., Пгр., 1918, стр. 138.

главного богатыря Батыя, нахвальщика Хвостоврула (или Таврула).[1]

Азвяк Таврулович — герой старинной тверской песни о Щелкане Дудентьевиче. В известных вариантах этой песни имя и отчество татарского царя передается по-разному. У Кирши Данилова — Азвяк Тавруевич, в записях Гильфердинга — Возвяк, Везвяк, Возвяяк, Звяга Таврольевич (Таврульевиц), Везвяк Везьякович.[2]

В «Гистории о киевском богатыре Михаиле Даниловиче» татарский царь называется «Бахмет сын Тавруевич» (Тих. и Мил., I, стр. 61). Былина «Волх Сеславьевич» и «Саул Леванидович» знают имя царицы Азвяковны, Елены Александровны (Кирша Данилов, стр. 22, 104). Отечество Ставрульевич имеет индийский царь Салтыка в указанной былине «Волх Всеславьевич» (Кирша Данилов, стр. 20).[3]

В повести о Сухане подсчет сил царя Азбука содержится в сообщении «человека с прапором»:

Ужь тому девятой день как перевозитца
Через быстрой Непр царь Азбук Товруевич,
А с ним 70 царевичей,
А со всяким царевичем
По семидесяти по две тысячи.
В правой руке и в левой,
И в сторожевом полку не успел сметить.
Добре с ним людей много, бес числа.

Сухан перед боем не мог «людей сметить».

Выше (стр. 18 и сл.) показано, что былина о Сухане в описании вражеского войска следовала обычной эпической традиции. Повесть не отступила от нее, но уточнила разрядную терминологию,[4] добавив «сторожевой полк» к упоминающимся

[1] Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском. Труды ОДРЛ, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 294, 315, 336, 404.

[2] Кирша Данилов, стр. 13—14 — Гильфердинг, III, стр. 274 (№ 235), 341 (№ 254), 405 (№ 269), стр. 451 (№ 283). См. также Онежские былины (Летописи Государственного Литературного музея, кн. XIII), М., 1948, стр. 831 (№ 253). См. еще Шамбинаго, тексты, стр. 339.

[3] В. Ф. Миллер полагает, что имя Таврулович могло проникнуть в эпос через старинные исторические песни о Евпатии Коловрате и Батые (Миллер. Очерки, I, стр. 322, 449).

[4] См., например, разряды походов в Литву, под Полоцк и др. в кн.: П. Н. Милюков. Древнейшая разрядная книга. М., 1901, стр. 232—233 и др., «Симбирский сборник», т. 30, М., 1845, стр. 1—4. В «Сказании о Мамаевом побоище» русское войско также разбито на «правую руку», «левую руку» и «сторожевой полк» (Шамбинаго, тексты, стр. 149). Разбивка на разряды («руки») имеется также в летописной повести о Довмонте (Никоновская летопись) и других воинских повестях.

в былинах полках «правой» и «левой» «руки». Для такого уточнения нет необходимости искать литературные источники: эта терминология была хорошо знакома каждому служилому человеку.

Но повесть гораздо шире, чем былина о Сухане, разработала эпическое описание вражеского войска, использовав при этом применяемые в былинах о вражеском нашествии подробные перечни сил врага.

Поскольку центральное место в былине и повести о Сухане занимает изображение вражеской силы и битвы с ней богатыря, проследим подробнее, из каких элементов слагается это описание в повести, в чем оно сближается с обычной традицией изображения воинских картин в группе былин о Сухане, в чем отходит от нее.

Очень близкое к повести описание татарской рати имеется в «Гистории о киевском богатыре Михаиле Даниловиче» по списку начала XVIII века. Здесь под Киев идет «царь Бахмет сын Тавруевич, а с ним идут богатыри три брата братовича, а с ними силы со всяким богатырем по три тысечи; да с ними жь идут семь князей ширских, а с ними силы идут со всяким князем по семи тысяч; да с ними же идут сорок царевичей, а со всяким царевичем силы по сороку тысеч, а всей силы с царем Бахметом сыном Тавруевичем сметы нет» (Тих. и Мил., I, стр. 61). В этом описании татарского войска оба автора пользуются одинаковыми формулами и лексикой.

Много сходного также имеется в изображении татарской рати в старинной записи былины «Калин-царь», по сборнику Кирши Данилова: «Калин-царь под стеною стоит, а с Калином силы написано не много не мало на сто верст во все четыре стороны. Еще со Калином сорок царей со царевичем, сорок королей с королевичем, под всяким царем силы по три тмы по три тысячи. По праву руку ево зять сидит, а зятя зовут у нево Сартаком, а по леву руку сын сидит, сына зовут Лоншеком». Эта сила «у быстра Непра збиралася... зачем мать сыра земля не погнетца, зачем не раступитца. А от пару было от конинова а и месец, сонцо померкнула, не видить луча света белова, а от духу татарскова не можно крещеным нам живым быть» (Кирша Данилов, стр. 100—101).

В поздних записях этой былины вражеское войско описывается так же. В варианте Леонтия Тупицына из Барнаульского округа читаем:

Подымался собака злой Калин-царь,
И с ним было силушки сорок царей со царевичем,
И сорок королей с королевичем,

У каждого царя силы по три тысячи,
И с самим царем силы несказано.
(Тих. и Мил., II, стр. 30).

Ср. вариант Щеголенкова:

Приехал Каин — собака поганой
. . . .
И привез сорок королей, королевичей,
Привез сорок царей, сорок царевичей.
У королей, у королевичей силы е по тысящи,
У царей, у царевичей по сту тысящ.
(Тих. и Мил., II, стр. 34).[1]

Былинным приемом описано в повести поведение Сухана в момент получения им известия о приближении татар:

И Сухан стал, закручинился
И мечет кречата с руки далече
И рукавицу о землю бросает.
Не до потехи стало Сухану кречатные,
Стало до дела государева.[2]

---

[1] Ср. Гильфердинг, II, стр. 23:

Нагнано-то силы много множество,
Как от покрику от человечьего,
Как от ржанья лошадиного,
Унывает сердце человеческое.

Ср. также: Тих. и Мил., II, стр. 37, 39, 41, 44, 48; Рыбников, I, стр. 264, 406; II, стр. 104, 110, 119, 304, 668; Гильфердинг, I, стр. 525, 625, III, стр. 542; Ончуков, стр. 18, 27. Ничего нового не дают также описания вражеского войска в старых записях других былин (XVIII в.), опубликованных в журнале «Этнография» (№ 1—2, 1926, стр. 97—123; № 1, 1927, стр. 107—122; № 2, 1927, стр. 301—314), в «Трудах» ОДРЛ (т. IV, стр. 241—246; т. VI, стр. 339—371) и в сборнике «Славянский фольклор» (М., 1952, стр. 241—250), хотя в них и встречаются интересные фразеологические и лексические совпадения с повестью, например: «а со всяким царевичам по сту. . .» (ср. повесть: «А со всяким царевичем по. . .»), «ажно», церковь «София Киевская» и др.

[2] Любопытно, что в одном из списков «Сказания о Мамаевом побоище» XVII века (Исторический музей, собрание И. Е. Забелина, № 261, лл. 264—265) Дмитрий Донской на известие стража о неожиданном нападении Мамая отозвался также своеобразно: «Князь же великий Дмитрий Иванович о том воскорбися и, ударив чашю златую о стол дубов и бысть в недоумении велице, взем на себя смирения образ, желая небеснаго жития получити будущих от бога благ вечных». Интересно, что страж, застав князя на пиру, укоряет его, так же как в повести, в беспечности: «Ныне не подобает тебе, государю Руския земли, веселитеся и сладких медов испивати. . . идет на тебя, государь, царь Мамай».

В некоторых былинах богатыри поступают так же. Збут королевич перед поединком с Ильей Муромцем

Отвязывал стремя вожья выжлока
Со руки опускает ясна сокола,
А сам ли та выжлуку наказыват:
А тепере мне не до тебе пришло.

(Кирша Данилов, стр. 154—155).

В былине «Илья Муромец поехал на горы Аравийские» Илья перед поединком с богатырем, братом «Маринки Кандаловны», «забавлялся» соколиной и кречатной «утехой». Перед схваткой он отпустил сокола и кречата.[1]

По-былинному выражено в повести раскаяние богатыря, выехавшего в поле невооруженным. Оказавшись перед лицом врага без «ратнова оружия», Сухан размышляет:

По грехом есми запросто выехал,
Саадака и сабли нет на мне
И ник[ак]ова ратнова оружия.

Выражение «по грехом» употребляется иногда в былинах и в исторических песнях для придания рассказу некоторого религиозного оттенка, из-за желания поставить действие в зависимость от воли «небесной силы». Этим выражением, например, в былинах начинается рассказ о появлении врага под стенами Киева, когда все богатыри были в разъезде. Батыга наступает на Киев —

А по греху ли-то тогда да учинилосе,
А й богатырей во Киеве не лучилосе.

(Гильфердинг, I, стр. 550).

Или в другом варианте — Владимир горюет:

По грехам надо мной солучилоси,
Молодцев у меня не случилоси.

(Гильфердинг, II, стр. 682;
ср. Рыбников, I, стр. 352).

Формула «по грехом» применяется не только при изображении похода вражеских сил под Киев, но и в ряде других случаев. И здесь она выполняет ту же функцию, обвиняя человека, в то же время и как бы оправдывает его. Вот Еким Инанович, приняв Алешу Поповича за Тугарина, выстрелил в него, а потом загоревал, объясняя свой поступок грехом:

[1] М. С. Крюкова. Летописи, VI, стр. 142.

По грехом надо мной, Екимом, учинилося,
Что убих своего братца родимово.

(Кирша Данилов, стр. 77;
ср. стр. 67, 127—128).

Царь Азбук Тавруевич повести изображен самоуверенным, хвастливым военачальником, имеющим «сердце нечестивое» и «стремление безумное»:

Похваляся бусурман,
И горд пошел пленить землю Рускую,
Разорить веру крестьянскую,
Разрушить место церкви божии,
Осквернити место чюдотворное.

При изображении характера царя Азбука, целей его похода автор также придерживался былинной схемы, хотя, как увидим ниже, местами отступал в пользу книжной стихии больше, чем в других случаях. Былинные враги, наступая на Русскую землю, на Киев тоже похваляются, угрожают, обещают смести с лица земли русские церкви и монастыри, уничтожить «веру хрестьянскую». В повести сохранены все основные элементы этой традиционной схемы. Приведем примеры.

Василий Прекрасный, осадив Киев,

Нехорошими словами похваляется,
Хочет крашен Киев в полон взять,
Святыя церкви в огонь спустить,
А силу киевску с собою взять,
А князя Владимира повесить,
Евпраксию Никитишну в замуж взять.

(Тих. и Мил., II, стр. 104).

«Тит Фарфонтьевич» «хвалится и похваляется»:

Стольный Киев я град без щита возьму,
Божии церкви во огне спалю,
Как девиц и вдовиц всех на блуд спущу,
Еще мелкую сошку повырублю,
Солнышка Владимира во котле сварю,
Душеньку Евпраксию за себя возьму.

(Миллер. Очерки, I, стр. 417—418).

Индийский царь «хвалитца похваляется», хочет «Киев-град за щитом весь взять, а божьи церкви на дым спустить и почестны монастыри розарить» (Кирша Данилов, стр. 19). «На словах похваляется», «Идолище», подступившее с несметной силой под Киев:

Давайте мне поединщика!
Если нет у вас поединщика,
Я божьи церквы все на дым спущу,
А й весь Киев-град я в полон возьму.

(Гильфердинг, II, стр. 700; ср. стр. 218—219).

★

Былинного, а не книжного происхождения в повести, повидимому, также мотив молитвы богатыря перед боем, хотя, как отметим ниже, автор повести и воспользовался фразеологией молитв отдельных воинских повестей. Былинные богатыри молятся перед боем часто и именно в такой почти форме и в такой обстановке, какая описывается в повести. Вот как, например, действует Илья Муромец перед сражением с Калином царем:

И сам ставал на коленочки,
И поднимал свои руце ко верху:
И за тебя, мать пресвятая богородица!».
Пособи ты мне согнати зла Калина-царя,
За твой я дом стою — церковь соборную,
И за тебя, мать пресвятая богородица!».

(Тих. и Мил., II, стр. 32).

Алеша Попович «взмолился» перед схваткой со Змеем Горынычем:

Ах ты мать пресвятая богородица!
Ты нашли, нашли тучу грозную,
Тучу грозную со крупным дождем.

(Миллер. Очерки, I, стр. 431).[1]

Василий Казимирский, соглашаясь на поединок с Батуром, говорит:

Я надеюся на мати пресвятую богородицу,
Да надеюсь на родимаго на брателка,
На того на братца названаго
На того Добрыню Никитича.

(Тих. и Мил., II, стр. 139).

Михаил Данилович «помолился честным образом и стал призывать господа бога на помощь, и стал напущать он на полки татарские, что ясен сокол на стада на галечья» (Тих. и Мил., I, стр. 63). Сухан повести, помолившись, тоже «загаркал, напустил на них».

---

[1] Ср. также: Тих и Мил., II, стр. 75.

Сухан повести, обращаясь за помощью к богородице, понимает свое дело как защиту земли Русской, веры христовой, церквей божиих и мест чудотворных. На первом плане у него стоит забота о сохранности Русской земли. Почти так же определяется задача былинных богатырей, когда они выступают против «неверной силы».

При наступлении на Киев Калина князь горюет, что нет Ильи Муромца —

Тот бы постарался ради дому пресвятой
богородицы,
Ради киевских чудотворцев-угодников,
И ради церквей соборныих,
И ради матери святорусской земли.

(Тих. и Мил., II, стр. 40).

Обиженные на князя Владимира богатыри отказываются идти на помощь Илье против Калина, и тогда он просит их:

Не ради князя Владимира
И княгини Апраксы королевичны,
Ради дому пресвятыя богородицы
И чудотворцев киевских,
И ради матушки свято-Русь земли.

(Рыбников, II, стр. 673).

Богородица обращается к «детушкам родимым» при нашествии врагов:

Постойте за стольной Киев-град,
За дом пресвятыя богородицы
За ту ли церковь соборную.

(Тих. и Мил., II, стр. 147).

Сами богатыри так излагают свои обязанности: Илья Муромец зовет богатырей против Калина:

Вы постойте-тко за веру, за отечество,
Вы постойте-тко за славный стольний Киев-град,
Вы постойте-тко за церквы ты за божии,
Вы поберегите-тко князя Владымира,
И со той Опраксой королевичной!

(Гильфердинг, II, стр. 25).

Во время боя с Подсокольником, обращаясь за помощью к «спасу пречистому», Илья Муромец перечисляет свои заслуги:

Стоял я за церкви божии,
За те же честны монастыри.

И хранил я стольный Киев-град,
Да ещё хранил я Чернигов-град,
Да еще очистил я дорогу прямоезжую.

(Тих. и Мил., II, стр. 113, ср. стр. 46).

Вражеское войско живописно изображено в повести через сравнение белых доспехов воинов с белыми каменьями, разбросанными на высоком берегу Днепра. Сухан выехал из «добровы зеленые» и видит:

А не белое каменье на горах белеются,
Белеютца доспехи их во всех полках.

Отрицательный параллелизм с использованием эпитета «белый» в соединении со словом «снег» нередко применяется в былинах и исторических песнях при описании русского и вражеского войска. Наделяя эпитетом «белые» слово «каменья», автор повести стремился достичь большей наглядности: действительно, белые татарские стеганые одежды и блестящие кольчуги более напоминали разбросанные по берегу каменья, чем снежный покров. Приведем примеры былинного использования отрицательного параллелизма с эпитетом «белый» применительно к описанию вида войска.

Русское войско под Азовом наблюдает:

Не белы снеги в поле забелелися,
Забелилися белы груди бусурманския.[1]

Данила Ловчин смотрит в даль:

Не белы снеги забелелися,
Не черныя грязи зачернелися,
Забелелася, зачернелася сила русская
На тово ли на Данилу на Денисьича.[2]

Иногда этот параллелизм, но уже без отрицания, используется в исторических песнях для изображения показавшихся вдали предметов. Казаки видят неожиданно появившиеся турецкие купеческие корабли: «Как бы бель забелелася, будто чернь зачернелася, забелелися на кораблях парусы полотняныя и зачернелися на море тут двенатцать караблей» (Кирша Данилов, стр. 45).

---

[1] Русские народные песни, собранные в Саратовской губернии А. Н. Мордовцевой и Н. И. Костомаровым. Летописи русской литературы и древности, том четвертый, М., 1862, стр. 29. (Далее сокращенно: Мордовцева и Костомаров).

[2] Орест Миллер. Илья Муромец и богатырство киевское, СПб., 1869, стр. 622. (Далее сокращенно: О. Миллер. Илья Муромец).

Нет сомнения в том, что сравнение высадившегося на берег татарского войска с белыми каменьями на берегу было опять подсказано автору приемами устной народной поэзии.

Приведем еще несколько примеров, подтверждающих связь повести с былинной традицией.

В повести Сухан, перебив всех татар, переправившихся на берег, насмешливо обещает привезти подарки Азбуку Товруевичу, находящемуся на противоположной стороне и приготовившемуся бежать:

Вели меня подождати малехонько,
Яз тебе ис Киева вывезу поминки многия,
От царя и великаго князя Владимера,
И всем твоим князьям и татаровям,
И мурзам и улановям без выбору.
По грехом есми запросто выехал.
У падубка коренье обломалося,
Одно лишь осталось обломчишко.

В этих словах богатыря звучит издевка над врагом, как и в словах его, сказанных также по адресу татар, когда они начали спасаться от него за изгородью из телег:

А ныне, а ныне со мною
Они без городу не умеют битися!

Былинные богатыри тоже нередко выражают презрение к врагу, даже когда они оказываются в худшем положении, чем Сухан. Когда «царище Кудриянище» приглашает пленного Илью к себе на службу: «Станешь ли мне служить верой-правдою», Илья отвечает:

Не сладилось у мня сабли вострыи,
Не сладилось у мня палочки боевыи,
Послужил бы я тебе верой-правдою.
Сейчас отсик бы буйну голову.

(Тих. и Мил., II, стр. 274).

На такое предложение татарского царя Михайло Данильевич отвечает:

Как была бы у меня сабля вострая,
Так служил бы я на твоей шеи татарской
Со своей саблей вострою.

(Рыбников, II, стр. 13; ср. Тих. и Мил., I, стр. 65).

Князь Семен Пожарский говорит крымскому хану:

Я бы рад тебе служить, самому хану крымскому,
Кабы не скованы мои резвы ноги,
Да не связаны белы руки во чембуры шелковыя,
Кабы мне сабелка вострая,
Послужил бы тебе верою на твоеи буинои голове,
Я срубил тебе буину голову.

(Кирша Данилов, стр. 122; ср. Киреевский, вып. 8, стр. 137).

Во всех этих случаях богатыри не только безоружны, так как попали в плен, но и закованы по рукам и ногам. Не вооруженным «по грехам» оказался и Сухан перед Азбуком: у него всего-навсего был в руках молодой дубок, да и то после боя весь обитый.

Более близко к повести выражение насмешки над врагом русских воинов в поздних исторических песнях, главным образом XVIII—XIX веков. Здесь презрение к врагу передается в виде предложения угостить, наградить противника. Эти мотивы в исторических песнях имеют целью, как и в повести, подчеркнуть, что похвальба гордого и самоуверенного врага везде наказывается по заслугам. Следующие примеры наглядно показывают одинаковое содержание этого мотива в повести и в исторических песнях.

На заносчивые слова Мухтар-паши, обещающего легко разбить «русских хватов», солдаты отвечают:

Мухтар-паша, ожидай,
Мы к тебе в гости придем,
Восмифунтовых арбузов
И орехов привезем.[1]

В песне об Отечественной войне 1812 года Кутузов обещает послать Наполеону подарки:

Мы пошлем-то ему
Наедочки дюжа горкия —
Ядрочки ему чугуннаи
. . . .
Напиточки дюжа крепкия —
Вот пулечки ему быстраи,
Ой, на закусочку ему —
Донских-то казачушков
Да сы пиками длинными.[2]

---

[1] Исторические песни. (Библиотека поэта, Малая серия), второе издание. Вводная статья, подготовка текста и комментарий Л. С. Шептаева. Изд. «Советский писатель», Л., 1951, стр. 365. (Далее сокращенно: Исторические песни, БП).

[2] А. М. Листопадов. Донские исторические песни. Ростов-Дон, 1946, стр. 90.

В песне «Ай вот хвалится, француз, выхваляется» Платов говорит государю:

Вот приготовим ему сладки кушанья —
Да и бомбочки со ядрами,
Ох, и на закусочку мы пошлем ему
Пушки медные со лафетами,
Ой, а квартирушки приготовим ему
Во чистом поле середи пути.

(Исторические песни, БП, стр. 314).

Там же (стр. 225—226) Петр собирается хорошо «попотчивать» Карла в ответ на его дерзкое письмо с угрозой прийти в Питер и Москву.

Сходство приведенных примеров очевидно, хотя в повести речь идет иронически о «поминках» — подарках вообще, а в песнях — об угощении врагов оружием. В обоих случаях перед нами иронический ответ на слова самоуверенного, зазнавшегося врага (Азбук тоже при походе на Русскую землю похвалился разрушить ее до основания). Самая мысль дополнить этим эпизодом былинный рассказ, может быть, была поддержана и литературными припоминаниями. Так, в повести о разорении Рязани Батыем, в эпизоде, несомненно отражающем народную песню или предание о Евпатии Коловрате, «пять человек воинских» от «полку Еупатиева» отвечают насмешливо Батыю на вопрос: «Коея веры есте и коея земли, что мне зло творите?». «Веры есмя християнския, а рабы есмя великаго князя Юрья Ингоревича Рязанского, а полку Еупатиева Коловратова. Посланы есмя тебя, царя сильнаго, почтити и честно проводити».[1] Могло припомниться автору и обширное описание посольства Захария Тютшева к Мамаю с дарами от великого князя Дмитрия (см. четвертую редакцию «Сказания о Мамаевом побоище»). Но разработан этот дополнительный эпизод в повести независимо от данного литературного источника, в традициях народного эпоса.

Под влиянием эпического стиля возник не только мотив насмешки над врагом, но и тесно связанный с ним эпизод перебранки русского богатыря с вражеским военачальником, — это видно уже по приведенным примерам. Сошлемся еще на былину о Василии-пьянице. В некоторых вариантах этой былины перебранка между русским богатырем и татарским царьком происходит в очень сходной обстановке и имеет одинаковый конец:

[1] Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском. Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР, г. VII, 1949, стр. 354.

татарский царь, увидав бесплодность борьбы, обращается в бегство. Правда, в повести Азбук, «видя свою неминучюю» и отступая, все же пытается еще оказать сопротивление и добивается некоторого успеха, поразив богатыря из пороков. В былинах, если татары во главе со своим ханом побежали, они уже не оказывают сопротивления.

★

Возможно, также к устнопоэтической, точнее былинной, традиции относится в повести описание постепенного развития боя. В героических былинах о борьбе с татарами такой способ описания боя встречается нередко. Василий Игнатьевич, например, не сразу разбивает татарскую силу, а постепенно, по частям (Тих. и Мил., II, стр. 148).

В героических былинах есть случаи, когда в борьбе с русским богатырем со стороны татар применяются сани, устраиваются засады и заграждения. В былине Илья Муромец и Калин-царь «телеги ордынские» служат ловушкой для богатыря. Калин-царь использовал однодневное перемирие с богатырем для того, чтобы вырыть глубокие ямы — западни для его поимки:

Да-де в эту пору, в это времечко
Да копали-то копи глубокие,
Да спущали телеги ордынские,
Становили-то копья бурманецкие,
Зарывали песочками желтыма.
(Гильфердинг, III, стр. 508).

«Разбойнички и подорожники», не выдержав натиска Ильи, «стали» от него «ставиться островьямы» (Рыбников, II, стр. 371). Если слово «островьямы» есть испорченное слово «острогами», то тогда мы имеем очень близкую параллель к словам повести:

И учали татаровя острог ставить
Одернулися телегами ординскими.

В картотеке словаря древнерусского языка Института языкознания АН СССР слово «островьямы» так и раскрыто, как «острогами». Следовательно, это место былины надо понимать в том смысле, что «разбойнички» начали чем-то огораживаться, строить какие-то укрепления для спасения от русского богатыря. Наиболее распространенным видом укрепления была постройка тына с частоколом, кольца укреплений из телег, саней, бревен и т. д. Сооружение этих укреплений почти всегда определялось термином «ставить город». Былина поэтому правильно применяет и глагол «ставиться» в смысле «укрепляться», «ого-

раживаться». Эта подробность в былине «Три поездки Ильи» сохраняет воспоминание об одном из действительных военных приемов далекого прошлого.

Таким образом, если эпизод с огораживанием телегами от русского богатыря в повести и не восходит непосредственно к героическим былинам, то хорошее знание автором этих былин, свободное владение былинным стилем, близкие в былинах к этому эпизоды могли поддержать его мысль изобразить тактический прием защиты от конницы, широко применявшийся как у русских, так и у татар и иноземцев в условиях открытой местности. Особенно широкое применение находил этот способ защиты от врага в пустынных южных степях, где телеги были чуть ли не единственным материалом для устройства заградительного сооружения.

В XVII веке отмечается широкое использование казаками укрепления из телег в борьбе с вражеской конницей. «Казаки искусно в бою применяли вагенбург. Повозки крепко между собой связывались железными цепями. За повозками размещались лучшие стрелки из пищалей, за которыми в несколько шеренг выстраивались остальные казаки. Атака противника встречалась дружными залпами из пищалей».[1] «Тележный городок» был опорой походного и боевого строя казачьих полков.

Как один из надежных способов защиты от врага «тележный городок» был внесен в военное руководство XVII века, — книгу «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей», где говорится, что «полковой сторожеставец около полку полковыми телегами обоз обдернет».[2]

Приказные документы XVII века донесли до нас немало известий об использовании в то время как русскими, так и татарами телег и повозок в качестве защитного средства от врага. В воеводской отписке 1601 года сообщается, что у татар «обдернуто около изб телегами кочевными большими для крепости от приходов».[3] В другой отписке 1654 года сказано об астраханских татарах, что «около их юртов два рва копаны и тележной городок поставлен».[4]

---

[1] Е. Разин. История военного искусства с древнейших времен до первой империалистической войны 1914—1918 гг., часть вторая. М., 1940, стр. 318.

[2] Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. М., 1647, л. 173 об.

[3] Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. II, М.—Л., 1941, стр. 167.

[4] Отписка головы Астраханских конных стрельцов, от 7 февраля 1654 г. Акты астраханской воеводской избы, Рукописное отделение Ленинградского отдела Института истории Академии Наук СССР, № 2869, став 26.

Интересный случай постройки русскими заграждения из телег описан в статейном списке московских посланников И. Спешнева и Б. Нестерова в Крым. Здесь под 21 апреля 1615 года рассказано, как одному из служилых людей, сопровождавших царские «поминки» в Крым, в степи, около города Валуйки, «помаячило живо в поле в трех верстах неведомо человек или зверь». Тотчас были приняты меры к обороне и охране царских подарков: «с государевою казною («поминками», — *В. М.*) стали телегами городком, и другой городок около казны зделали тележной же в провотых (провожатых, — *В. М.*) телегах и около телег рвы покопали, а землею велели приметывать изо рва к телегам, и поделали из городков бои и поставили в обозе по городку с пищальми казаков и стрельцов».[1]

Таким образом, в рассмотренном эпизоде повести, сообщающем о постройке татарами «тележного городка», отразилась одна из черт военной практики XVII столетия. Включение этой реалистической подробности, отсутствующей в былине о Сухане, в рассказ о битве было поддержано былинной традицией.

Былинам и историческим песням знаком и кажущийся книжным образ повести:

Не злата труба вострубила,
Восплакала мать Суханова.

«Злата труба» как образ человеческого голоса, примененный в отрицательном сравнении, встречается в былинах и особенно в исторических песнях. Этот фольклорный образ почти всегда выполняет определенные функции. Со звуком «златой трубы» сравнивается речь царя, реже царевича, еще реже царевны и уже совсем редко других знатных лиц (бояр, генералов и т. д.). Этим сравнением как бы подчеркивается важность, торжественность содержания речи. Образ «златой трубы» в данном применении закрепился в военно-служилой среде, где «злата труба» — военно-сигнальный инструмент — занимала важное место

---

[1] Крымские дела, 1615 г. Центральный Государственный архив древних актов, № 3, л. 5. Документ любезно указан А. А. Новосельским. Несколько примеров постройки «тележного городка» приводится в книге А. А. Новосельского «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века» (стр. 136—137 — о запорожцах, которые, защищаясь от татар, «отаборились»; стр. 240 — о бесплодных попытках татар взять «тележный городок» донских казаков и др). См. также в Львовской летописи под 1559 годом сообщение о том, что ливонский магистр около городка Рынголу «окопався великим рвом и обозом обдернувся кругом» (ПСРЛ, т. XX, 2-я половина, СПб., 1914, стр. 606).

в жизни, где нередко голос ее действительно предшествовал голосу царя или военачальника. Проследим это на примерах:

В песне о царе Алексее Михайловиче:

Что не золота труба да вострубила,
Не серебряная полочка звенела,
Зговорила наша надежда государь-царь
Алексей сударь Михайлович московский.
(Гильфердинг, I, стр. 80).[1]

В песне о поездке царя в Стокгольм:

Что не золотая трубушка вострубила,
Да что взговорит наш батюшка православный царь
(Киреевский, вып. 8, М., 1870, стр. 161).

Этот же образ в песне о взятии Азова:

Не золотая трубонька вострубила,
Не серебряна силовочка возговорила, —
Возговорит Иванушка Заморянин.[2]
(Исторические песни, БП., стр. 203).

В сборнике Кирши Данилова образ «златой трубы» встречается несколько раз,[3] причем труба во всех случаях (подобно повести) называется по-книжному «златой», а не «золотой», как в приведенных выше песенных вариантах. Здесь этот образ опять связывается с речью царя, и только в одном случае говорит царевич.

Повидимому, уже в эпоху феодализма звук военной трубы сопоставлялся и с оплакиванием убитых на поле брани. Поэтому, например, в повести о Николе Зарайском плач князя Ингвара Ингоревича по своим убитым воинам всегда сравнивается со звуком военной трубы: «Жалостно возкричаша, яко труба рати глас подающе». Или: «Гласом же, яко труба ратным весть подающи».[4] Характерно, что в рязанской повести, так же как и в повести о Сухане, вслед за таким сравнением сразу идет текст плача-причитания.

Однако для изображения горюющей матери и особенно невесты в устнопоэтической традиции, в частности в былинах, иногда использовали образ белой лебедушки. В «Сказании о киевских богатырях» о матери Тугарина Змеевича говорится:

[1] См. еще «Царица голосом кричит, как в трубу трубит» (Гильфердинг, III, стр. 34).
[2] Ср. также: Киреевский, вып. 8, стр. 53.
[3] Кирша Данилов, стр. 16—17, 127, 133—134, 138—139 и др.
[4] Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском, стр. 296, 367.

«Не бела лебедь воскликала, восплакалася мати Тугарина Змиевича».[1] Слезы ее были вызваны пленением сына русскими богатырями.

В донской казачьей песне «Ой, не на морюшке» образ плачущей по сыне матери опять связывается с образом «белой лебедушки»:

Ой, не на морюшке то было на синем,
Ой, не лебедь белая там выплывала;
Ой, да не черный то ворон во темных лесах воскаркнул,
Ой, да не в сыром то бору рябая кукушечка воскуковала, —
То родимая матушка моя рыдала.[2]

Вводя в повесть не этот традиционный интимный образ горюющей матери, а «воинское» сравнение — «Не злата труба вострубила, восплакала мать Суханова», — автор повести, видимо, подчеркивал этим сравнением, что мать Сухана не столько оплакивала его смерть («не о том я плачю, что вижу тебя смертнаго»), сколько восхваляла его боевой подвиг:

Плачю я о твоем доротцве во истинной храбрости,
Что еси дорос человечества,
Умер на службе государеве.

Эта тема плача побудила автора отказаться от традиционных устнопоэтических сравнений тоскующей матери с «белой лебедью» или «кукушечкой», интимность которых не соответствовала торжественному тону похвалы богатырю. Автор прибег к постоянному в исторической поэзии сопоставлению торжественой речи со «златой трубой».

Воспоминания матери о том, что Сухан когда-то был бражником, сближают его с некоторыми былинными богатырями. О Сухане мать говорит:

Хотя тебя, Суханушко, звали бражником
И охоч был пропиватися,
А ныне ты над собою, видишь, совершенье учинил.

---

[1] Е. В. Барсов. Богатырское слово в списке начала XVII в. СПб., 1881, стр. 24. Есть и в других двух списках «Сказания о киевских богатырях» (см.: Тих. и Мил., I, стр. 51; Труды ОДРЛ, т. XI, стр. 389).

[2] Фольклор Дона и Кубани. Сборник первый. Ростов-на-Дону, 1938, стр. 55.

Василия Игнатьевича так характеризуют князю Владимиру:

А может со Батыгою он поправиться,
Только пропил Васильюшко житье свое,
Житье свое бытье, все богачество,
А теперь нечем Василью опохмелиться.

(Тих. и Мил., II, стр. 144).

Бражничал Василий с молодости:

Молодые Василей Игнатьев сын
Да в младые лета он во двенадцать лет,
Да он пропил житье-бытье отеческо богачество.

(Гильфердинг, III, стр. 360).[1]

Любил пображничать и Добрыня:

Уж как три года Добрынюшка бражничал,
На четвертый год Добрыня погулять захотел.

(Тих. и Мил., II, стр. 79).

Описывая выступление Ирины Федосовой на ярмарке в Нижнем Новгороде, М. Горький приводит слова Добрыни к матери из исполненной Федосовой былины об этом богатыре:

Надоело мне пить да бражничать,
Отпусти меня во чисто поле.[2]

«Лихой» оговорщик доносит князю Владимиру на Михаила Даниловича: «Млад Михайло сын Данилович ездил по деревням да по вотчинам, пил да ел, да бражничел, а не у твоего дела царскаго был» (Тих. и Мил., I, стр. 66). Гулякой в молодости был и Василий Буслаев: «Поводился веть Васка Буслаевичь со пьяницы з безумницы, с веселыми, удалами добрыми молодцы, до пьяна уж стал напиватися» (Кирша Данилов, стр. 31). В этой же былине «молодцы» — друзья Василия — называют его «мот и пьяница» (Кирша Данилов, стр. 35).

Даже Илья Муромец в некоторых былинах изображается любителем покутить и погулять широко. Когда он, в былине

---

[1] Ср. в записи А. Д. Григорьева: «Еще есть у нас Вася, горька пьяница; да и коницек у Васеньки весь пропитой, да и збруюшка у Васеньки призаложена» (Григорьев, III, стр. 80); на «кружале» находит Василия Илья в былине «Калин-царь» (Кирша Данилов, стр. 104).

[2] М. Горький. О литературе, изд. «Советский писатель», М., 1953, стр. 17, статья «Вопленица» В изданном О. Э. Озаровской тексте этой былины Федосова опустила первый стих.

«Илья Муромец и голи кабацкие», приезжает в Киев и «с дороженьки» ему не удается «опохмелиться безденежно», он разбивает винные погреба и устраивает с «голью кабацкою» попойку на весь город.[1] Разобидевшись на князя Владимира, Илья, в былине о ссоре его с князем, идет в «дома питейные» и здесь предается разгулу:

Сидит Илья Муромец да сын Иванович,
За столом сидит да за дощатым,
За дощатым столом да скородельныим,
А сидят тута да кругом около,
Сидять пьяницы да и пропоицы,
Сидят голюшки да все кабацкие.

(Пудожские былины, стр. 87).

Итак, образ былинного богатыря — любителя погулять и пображничать имел сравнительно широкое распространение в эпосе. Характеристика Сухана как охотника в прошлом выпить и погулять несомненно в повести стоит в прямой зависимости от этих былинных образов, но самое введение этой биографической подробности в плач матери имело, как будет показано ниже, особую цель.

Повидимому, также от былин идет и последний эпизод повести — погребение богатыря матерью в каменной пещере:

И отнесла ево в пещеру каменну.
Тут тебе, Суханушко, смертной живот во веки.

В былинах нет прямых параллелей к эпизоду, но он несомненно появился в повести при посредстве традиции устных эпических произведений. Эта связь прослеживается не только в деталях, но и в общем характере, настроении эпизода, который, возможно, сам вошел в эпос из книжной, может быть, даже житийной литературы.

В русском эпосе описания похорон богатыря встречаются неоднократно, правда, в несколько иной обстановке, чем в повести. Василия Буслаева хоронят его слуги, перенося его несколько раз с места на место.[2] В былине «Камское побоище» Илья делает для Добрыни колоду «белодубову» и зарывает в ней в землю своего «брателька крестового» (Марков, стр. 491). Сам Илья Муромец или каменеет вместе с конем,

---

[1] Гильфердинг, III, стр. 354, № 257.
[2] А. М. Астахова. Былины Севера, т. I, М.—Л., 1938, стр. 204.

превращаясь в глыбу (былина «Камское побоище»),[1] или же, по некоторым вариантам былины «Три поездки Ильи Муромца», почувствовав приближение смерти,

Сам заехал во пещеры во глубокие.
Тут-то Илья уже преставился.
Поныне теперь мощи нетленные.
(Гильфердинг III, стр. 396).[2]

По некоторым вариантам былины «Последняя поездка Ильи Муромца», умирающего Илью, так же как и в повести, но только не мать, а «сила ангельска» заносит в киевские пещеры:

И прилетала невидима сила ангельска,
А взимали-то его да со добра коня
И заносили во пещеры-ты во киевски,
И тут же ведь старый опочив держал.
(Гильфердинг, I, стр. 537).

Мотив похорон Ильи в киевских пещерах не новый в эпосе. Предание о том, что тело Ильи лежит в пещерах Киево-Печерской лавры, известно было с XVI века и, возможно, уже тогда входило в былины об этом богатыре.

Сравнение подтверждает высказанное выше предположение о связи этого эпизода повести с народным эпосом. Автор повести сохранил характерный строй и содержание концовок былины. Даже завершающая текст фраза выдержана в повести в обычном для былин стиле: «Тут тебе, Суханушко, смертной живот во веки».[4] Нельзя, однако, утверждать, что именно из былин об Илье Муромце попал в повесть эпизод с перенесением Сухана в «пещеру каменну», он мог войти сюда и под воздействием других устноэпических произведений.

Мы установили, что повесть о Сухане имеет в своей основе одну из разновидностей былины об этом богатыре, что все по-

[1] Рыбников, I, стр. 407; Григорьев, III, стр. 506:

И как окаменел Илья да на добром коне.
И тут же Ильюшочки славы поют,
Еще нонь же старого в старынах скажут.

[2] В варианте былины «Камское побоище» М. С. Крюковой Илья также едет умирать в пещеры «глубокие», чтобы душу «спасать да как во рай зайти» (М. С. Крюкова. Летописи, VI, стр. 349).

[3] А. Н. Веселовский. Южнорусские былины, т. II, СПб., 1884, стр. 64. Более подробно об этом см.; А. М. Лобода. Русский богатырский эпос. Киев, 1896, стр. 16—18.

[4] Ср, например, концовки в указанных выше былинах о поездках Ильи: «Тут-то Илья уже преставился. Поныне теперь мощи нетленные»; или: «И тут же ведь старый опочив держал».

строение рассказа о боевом подвиге Сухана определяется развитием воинской темы в былине, что повесть украсила свой рассказ мотивами других героических былин, по преимуществу тех, в которых описывалась борьба богатырей с «неверной силой». Изучение отголосков устнопоэтической традиции в повести о Сухане показало, что отдельные ее стилистические элементы находят соответствие уже не в былинах, а в более поздней форме исторического эпоса — в исторических песнях.

Внешний облик повести — ее фразеология, ритмическое строение — сохраняет теснейшую связь с былинами. Несмотря на явную испорченность текста повести, отдельные эпизоды выдержаны в ритме былинного стиха (см. ниже, стр. 86 и сл.).

Что же в итоге сохранила повесть о Сухане из своих устнопоэтических источников, кроме самой композиции рассказа о победе над «неверной силой»? В чем идейно-художественное сходство ее с этими источниками и в чем она разошлась с ними?

Основываясь на алтайской записи былины о Сухане, в которой совершенно отсутствует тема конфликта между князем и Суханом, мы предположили, что автор повести в своем изложении опирался именно на такой тип этой былины, т. е. что он не сам устранил из былинного своего оригинала все связанное с этим конфликтом. Чем бы, однако, ни объяснять отсутствие в повести этой темы конфликта — наличием ли в памяти автора версии типа алтайской или его собственной работой над былиной типа северной версии, — одно несомненно: в задачу автора входила разработка только воинской темы, и отношение богатыря к князю как к представителю враждебного народному герою господствующего класса в данной теме им не было отражено. Если он знал обе версии былины, он выбрал ту, в которой социальная тема не была затронута; если он знал только былину типа северной версии, он сам исключил из нее все, что относится в ней к этой теме. Таким образом, самая яркая особенность былины о Сухане, отличающая ее от других былин о борьбе с «неверной силой», не нашла отражения в литературной обработке этого сюжета.

Такое отстранение автора от социально острых моментов былины о Сухане не было случайным. Объяснения следует искать в самом понимании автором подвига богатыря, характерном для иной среды, чем та, в которой сложился рассказ о богатыре-победителе, незаслуженно оскорбленном князем. Подвиг богатыря рассматривался автором, служилым человеком, со своих позиций. Тема конфликта с князем для него не представляла интереса.

Сухан повести, как и Сухан былины и герои других былин о борьбе с «неверными», — «богатырь», в котором воплощено представление о воинской силе народа, охраняющего свою родину от захватчиков. Повесть сохранила полностью «исполинскую мощь» (Белинский) самого образа богатыря, который один, без всякой помощи, притом с дубинкой вместо оружия, побеждает многочисленную татарскую рать. Необыкновенная сила Сухана даже подчеркивается в повести тем, что богатырь представлен уже стариком — ему больше девяноста лет. В таком возрасте обычно изображаются отцы богатырей.

Как и былинный герой, Сухан повести раскрывает свою необыкновенную силу только в бою. До встречи с врагом он изображен стариком, «охочим» «до потехи кречатные», который мирно едет к «малой заводи». Он размышляет, кручинится. Но, встретившись с врагом, Сухан сразу пускает в ход свою исполинскую силу: он вырывает «с кореньем» «сыр-зелен падубок», он «загаркал», кидаясь на врагов. Самое описание сражения выдержано в обычном для былин тоне гиперболизма: «падубок» «свищет в руке богатырской», головы татарские с «шоломами» валяются, «древа копейные» ломаются, щиты «щепляются». Гиперболически, по-былинному, в повести рассказано и о ранении богатыря: не стрелы, а «рогатины», которыми зарядили «три порока», понадобились для того, чтобы третьим выстрелом нанести Сухану «рану смертную». И конь у Сухана в повести — богатырский конь, с его необыкновенным «скоком»: он «скочил через телеги ордынские».

Сухан повести с такой же презрительной насмешкой обещает царю и всем «татаровям» «поминки», с какой былинные богатыри, а за ними герои исторических песен, отвечают на предложение перейти к врагу на службу или на хвастовство захватчиков.

Но Сухан повести, при всей своей близости к другим богатырям — победителям захватчиков, уже отличается от них некоторыми чертами и, прежде всего, оценкой своей борьбы с врагами как «государева дела».[1] Узнав о приближении рати Азбука, Сухан «мечет кречата с руки далече и рукавицу о землю бросает. Не до потехи стало Сухану кречатные, стало

[1] В «Сказании о киевских богатырях» по списку третьей четверти XVII века, т. е. современному повести о Сухане, появляется термин «государева служба» в последних словах богатырей Тугарину, которого они отпускают в Царьград: «Скажи... царице Елене... государева служба верно служена» (Труды ОДРЛ, т. IX, 1953, стр. 370). Ср. также по другому списку «Сказания»: «...еще есьмы в правде устояли и царское все исполнили; государева служба служена и честь получена». (Миллер. Очерки, I, стр. 441).

до дела государева». И мать, оплакивая Сухана, ставит ему в заслугу «истинную храбрость» и смерть «на службе государеве». Именно этой верностью «службе государевой» Сухан «дорос человечества». «Жалованное слово» государя заменяет ему «города и вотчины», и он сам просит у «государя» этого слова в награду за «великую службу». Служба родине — «государево дело», патриотический подвиг богатыря — «служба государева».

Как служилый человек XVII века, Сухан называет себя «холопом» своего «государя». «Великий князь Манамах Владимерович» — это тот «хороший царь», который в представлении народа XVII века заботится о своем «холопе»: он зовет «лекарей многих», велит «молебны петь у Софеи» «за Суханово здоровье», «жалует» его «своим жалованным словом», зовет к умирающему мать. Никаких следов не только открытого столкновения с «государем», но и противопоставления ему богатыря в повести нет. «Царистская» идеология автора отделяет «государя» от бояр — их нет рядом с «государем», они не ссорят с ним Сухана, как в былине.

К тому времени, когда была сложена повесть о Сухане, былинный князь Владимир уже совершенно утратил черты «хорошего» царя. Привычные его эпитеты «солнышко», «ласковый» стерлись, их первоначальное значение именно в применении к нему забылось, и даже оскорбленный князем богатырь все еще называет его «солнышко», не вкладывая, конечно, в это обращение прежнего его смысла. Не случайно, может быть, автор повести рядом с Сухановым поставил не былинного князя Владимира, с которым богатыри, в частности тот же Сухан, вступали в острые конфликты, а заменил его «Манамахом Владимировичем». Имя последнего князя было широко известно в XVI—XVII веках в исторической литературе и дипломатической переписке.[1]

Историческая действительность подсказала автору эти дополняющие образ былинного богатыря черты. Его отношение к государю — это отношение служилого человека XVI—XVII веков, для которого представление о «государе» неотделимо от мысли об отечестве.

Есть, однако, в повести о Сухане и такие отличающие ее от героического эпоса черты, которые вошли в характеристику

[1] В статейном списке князя Василия Васильевича Тюфякина (1595—1599 гг.) читаем: «И тем царьским венцом и диадемою великий государь Владимер Мономах государя нашего прародитель венчан бысть царем всея Русии» (Труды Восточного отделения Русского Археологического общества, т. 20, СПб., 1890, стр. 367).

богатыря и в рассказ о его подвиге уже не из самой жизни, а из литературных припоминаний автора. Они, как будет показано ниже, восходят к традиции литературных воинских повестей. В то же время, сохраняя основные черты былинного стиля в рассказе о богатыре, автор повести обнаруживает стремление в отдельных эпизодах приблизить свое изложение к действительности, ослабить условность былинных приемов.

3

Теснейшей связью с былинным эпосом объясняется и своеобразная стихотворная форма повести о Сухане.

Несмотря на то что единственный сохранившийся список повести о Сухане представляет собой копию, в которую вкралось уже немало ошибок, ритмический строй произведения ощущается совершенно отчетливо.

Не до потехи стало Сухану кречатные,
Стало до дела государева. . .

А не белое каменье на горах белеются,
Белеютца доспехи их во всех полках. . .

Свищет падубок в руке богатырской
Ломаются древа копейные,
Щепляются щиты татарские,
Валяются шоломы их з головами татарскими. . .

И татаровя ис порока стрелили да грешили;
Из другова стрелили — грешили;
Из третьева стрелили — убили богатыря
Против серца богатырскова,
Отрезали коренье сердечное. . .

Не злата труба вострубила,
Восплакала мать Суханова. . .

Не о том я плачю, что вижу тебя смертнаго,
Плачю я о твоем дороцтве во истинной храбрости,
Что еси дорос человечества,
Умер на службе государеве. . .

Нельзя не заметить, что в повести чередуются стихи длинные с короткими. Что же это за стих? Совершенно ясно, что он не имеет ничего общего с современным ему силлабическим стихом, который внедрялся в литературу последних десятилетий XVII века учениками Симеона Полоцкого, был модным по преимуществу в литературе верхов феодального общества. Выделяя ритмические единицы в повести о Сухане, мы видим, как тесно связаны они с синтаксическим строением рассказа, замечаем, что отдельный стих дает или законченное синтакси-

ческое целое или синтагму, часть предложения, в котором отдельные элементы представляют крепко спаянное словосочетание. Ни «переносов», ни «инверсий», которые широко практиковались силлабистами и узаконивались пиитиками, в повести о Сухане мы не обнаружим.

Для определения природы стиха в повести о Сухане обратимся к записям былин XVII века, так как повесть, основанная на былине, естественнее всего могла воспользоваться именно былинным стихом.

Исследователи былинного эпоса полагают до сих пор, что проблема былинного стиха еще не решена до конца. Однако некоторые общие наблюдения над его структурой могут считаться правильно отражающими сущность своеобразной былинной ритмичности. Вышедшие за последние два года общие обзоры устной народной поэзии так определяют былинный стих: «Для былин характерен тонический стих с неравносложными строками от 7 до 16 слов (очевидно слогов, — *В. М.*) и отсутствие рифмы».[1] Былинный стих «многосложный стих (в 11—15 слогов в среднем), ритмические единицы которого (т. е. ударный слог с тяготеющими к нему неударными) неравносложны. Чаще всего эти ритмические единицы состоят из четырех слогов, иногда из трех или пяти, вследствие чего в одном и том же произведении чередуются стихи с разным количеством слогов. Стих вне музыкального его исполнения обычно трехударный с анапестическим или ямбическим зачином и дактилическим (иногда гипердактилическим) окончанием».[2]

В новейших записях былин такое членение на стихи подтверждается мелодией, определяющей при исполнении музыкальные единицы. Совпадение синтаксических и музыкальных пауз, установленное всеми собирателями,[3] позволяет именно на

---

[1] (П. Д. Ухов.) Былины. В книге: Русское народное поэтическое творчество. Пособие для вузов. Под общ. ред. проф. П. Г. Богатырева. М., 1954, Учпедгиз, стр. 286.

[2] (А. М. Астахова). Эпическая поэзия (Былины и исторические песни). В кн: Русское народное поэтическое творчество, т. II, кн. 1, Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 195.

[3] Например, былинные стихи, дающие законченное синтаксическое целое:

Как тут-то молодцы да поразъехались:
Добрынюшка уехал за сине море,
Михайла ён уехал ко корбы ко темныи,

или синтагму — словосочетание, все части которого крепко связаны между собой:

А й старый казак он Илья Муромец,
А говорит Ильюша таково слово:
Да ай же мои братьица крестовыи,

этом пути искать былинный стих в старых записях былин и в таких стихотворных произведениях, как повесть о Горе-Злочастье и повесть о Сухане.

Если мы обратимся к записи XVII века той же былины о Михаиле Потыке, стихи которой известны нам по цитированной выше записи А. Ф. Гильфердинга, то увидим, что и в этой старинной записи, сделанной сплошным текстом, можно выделить аналогичные по своей ритмической структуре стихи, которые сохранились, несмотря на то, что писец вряд ли мог точно воспроизвести эту былину, — вероятно у него найдутся и перестановки слов и словосочетаний, нарушившие стих, и пропуски отдельных слов, а может быть, и замены их.

В славном граде Киеве
У великава князя Владимера Киевьскава Всеславьевича
Было пированье великое
На многие князи и бояры и сильныя могучия богатыри.
Как будет у них пир навеселе,
Что зговорит великий князь Владимер Киевьский:
«Ой еси, князи и бояры и силныя и могучия богатыри!
Есть ли кто у меня служить три службы великия:
Хто бы ехал в землю Турскую,
Взял бы дани и выходы;
Хто бы ехал в землю Задонскую,
Взял бы дани и выходы;
Хто бы ехал в землю Алевицкую,
Взял бы дани и выходы
За тритъцать лет и за три годы?».

Но в дальнейшем запись начинает походить на пересказ и ритмическая четкость в ней стирается:

И живет с нею два годы.
А охотник был Михайла ездить во чисто поля тешитца
По два месяца, и по три, и по пяти.
И поехал во чисто поля Михайла
Тешитца на два месяца.
И без нево пришол купчина Залатой арды
С тавары заморскими;
И прослышала Михайлова жена про купчину,
Что пришол с тавары заморскими,
И пошла Михайлова жена
Смотрить таваров заморских,

Крестовыи то братьица назваными,
А молодой Михайла Потык сын Иванович,
Молодой Добрынюшка Микитиничь...
Приехал тут Михайло сын Иванов-он,
А на тое на далечо на чисто поле...

(Цитаты приведены из былины «Потык», Гильфердинг, I, № 62, стр. 461 и др.).

И увидел купчина красату лица ея
И почал разпрашивать киевлен:
«Чья де то жена
И как завут ея по имяни?».[1]

В тех частях записи XVII века, где стихотворная природа текста передана сравнительно точно, наблюдается сочетание коротких и длинных стихов, как и в записях позднейшего времени, причем связь стиха с самым построением фразы очевидна, и в записи XVII века каждый стих представляет собой синтаксическую единицу. Тот же строй стиха обнаруживается в списке XVII века «Сказания о киевских богатырях»: [2]

Во столном славнем граде Киеве
Говорит князь Владимер Всеславич киевской
Своим богатыремь, Илье Муромцу с товарыщи:
«Или то вамь несведомо, богатыремь,
Что отпущает на меня царь Костянтин
Из Царяграда 42 богатырей,
А велит имь Кеевь изгубити.
И вы б нынеча никуды не розежалися,
Берегли бы естя града Киева
И всее моеи вотчины».
Бьют челомь в столе 7 богатырей:
«Государь князь Владимер киевской Всеслаевичь,
Отпусти нас в чистое поле.
Мы тебе, государю, прямыя вести отведаем
И приведем тебе, государю, языка добраго,
Тебе, государю, славу великую учинимь
И себя, государь, в честь введемь,
И всему твоему государству похвалу великую учиним,
И многия орды ост[рас]тимь».
А взго[во]рят богатыри таково слово:
«Государь князь Владимер киевской!
Сторожем мы в земле не извадились жить,
Не доведетца нам сторожами слыть»...

В стольном граде Киеве[3]
Говорит государь князь Владимер
Киев[с]киим богатырем,
Что «на меня отпущает царь
Из Царяграда сорок два богатыря,
А велит им изгонею в Киев град итьти.
И вы, багатыри, никуды бы не выежели,
Ни на какую потеху,
Берегли бы есть столняго града Киева
И всея моея вотчины».

---

[1] Тих. и Мил., I, стр. 25, 27.
[2] П. Симони. Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII ст. Сборник ОРЯС, т. 100, № 1, Пгр., 1922, стр. 1—3.
[3] Л. Н. Пушкарев. Новый список «Сказания о Киевских богатырях». Труды ОДРЛ, т. IX, 1953, стр. 365.

И в те поры от великого государя князя Владимера
Били челом семь богатырей.

То же чередование коротких и длинных стихов характеризует стихотворную речь «Повести о Горе-Злочастье»:[1]

Друговя к молотцу прибивалися,
Род-племя причиталися...

Зазвал его на кабацкой двор,
Завел ево в ызбу кабацкую,
Поднес ему чару зелена вина,
И крушку поднес пива пьянова.

Но рядом читаются и длинные стихи:

Будет молодец уже в разуме, в беззлобии...
Не доспели бы тебе позорства и стыда великаго..
Молодец был в то время се мал и глуп,
Не в полном разуме и не совершен разумом...

Пошел он на чюжу страну, далну, незнаему...
Чара ли зелена вина до тебя не дохаживала,
Или место тебе не по отчине твоей?

Как видим, и в записях XVII века былин и в списке начала XVIII века повести о Горе-Злочастье текст, при разбивке его на стихи, обнаруживает сочетание коротких и длинных строк, ритмически организованных чаще всего тремя ударениями. Первое ударение в стихе сдвигается от первого слога до третьего, изредка — до пятого.

Ту же систему ударений имеет стих повести о Сухане. В большинстве стихотворных строк эта система выступает вполне четко, но там, где автор отходил от былинного стиля, ему не всегда удавалось добиться необходимого ритма. Например, в следующем отрывке из четырех стихов три первые выделяются четким ритмом, последний же, дающий необычное для былин название праздника, теряет эту четкость:

Да охо́ч был до поте́хи кречя́тные,
Не поки́нул он поте́хи и до ста́рости.
Лучи́лось ему вы́ехать с красным кре́чятом
На пра́зник на усекнове́ние чесны́я главы Ива́на
Предоте́чи.

Другой пример:

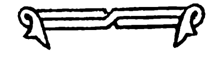
Нае́хал на малой за́води многия ле́беди.
И бога́тырь тому уча́л диви́тися:

[1] П. К. Симони. Повесть о Горе и Злочастии. Сборник ОРЯС, т. 83, СПб., 1907, стр. 30, 31, 34, 35.

На то́й на ма́лой за́воде
Не нае́живал я ни гусе́й, ни утя́т,
Ан ны́неча вижу мно́гия ле́беди:
А все́ то не да́ром.

Последний стих этого отрывка — двухударный. Если в этом стихе при переписке не произошел пропуск какого-либо слова (например, «лучилось», «видится» и т. п.), на которое падало третье ударение, то придется допустить, что автор не справился здесь с трехударным стихом и прибег к двухударному, свойственному, по наблюдениям исследователей, исполнению «былин-баллад и шутливых эпических песен-скоморошин».[1]

В приложении к настоящей работе мы даем опыт восстановления стихотворного строя повести о Сухане.[2]



[1] См.: (А. М. Астахова). Эпическая поэзия..., стр. 196.

[2] Первый опыт такого восстановления дан был нами в статье «Повесть о Сухане» (Известия АН СССР, Отделение литературы и языка, 1954, т. XIII, вып. 3, стр. 286—288).

Глава III

ПОВЕСТЬ О СУХАНЕ И ВОИНСКИЕ ПОВЕСТИ

1

Как отмечено в предыдущей главе, Сухан в повести представлен в отличие от былинного своего прототипа служилым человеком, хотя внешне и сохраняет все признаки эпического богатыря. Такое изображение воина было подсказано самой исторической действительностью XVII века. Ряд других отступлений от эпических норм является также следствием стремления автора в описании ближе держаться реальной действительности. Однако не всё в повести, отличающее ее от былин, вошло непосредственно из жизни. Отдельные черты в характеристике Суханом князя «Манамаха Владимировича» и татарского царя «Азбука Товруевича» в изображении воинских картин повести восходят к определенным литературным источникам.

В большей своей части «литературные» элементы повести о Сухане представляют собой приемы, характерные для целой группы так называемых воинских повестей древней Руси. Во многих случаях поэтому трудно определить непосредственный литературный источник, отраженный повестью о Сухане. Однако есть основание отвести видную роль в сложении литературного стиля ее автора одному из наиболее характерных и наиболее распространенных в XVII веке образцов воинской повести — «Сказанию о Мамаевом побоище». В этом произведении идея воинского долга нашла особо яркое выражение, и, наделив былинного богатыря чертами военно-служилого человека, автор повести о Сухане в изображении его подвига, естественно, ближе всего подошел именно к «Сказанию». Нельзя, впрочем, отрицать того, что стилистическое его воздействие было поддержано всей традицией воинских повестей, сложившейся преимущественно, как увидим, не позднее первой поло-

вины XV века, т. е. до того, как украшенный хронографический стиль проник в исторические жанры, в том числе и в воинскую повесть.

★

Тема борьбы с татарами в XVII веке не переставала волновать русских людей всех сословий, борьба с ними все еще сохраняла значение весьма важного фактора в жизни Русского государства. «Сказание о Мамаевом побоище» вселяло в русского человека XVII столетия чувство уверенности в своих силах и веру в благополучный исход этой тяжелой и длительной борьбы; в нем русский народ, на примере прошлого, находил для себя ободряющие ответы на многие вопросы, волновавшие его в ходе борьбы с «полем». Теперь это произведение воспринималось на фоне борьбы с Крымом и Турцией, в обстановке постоянных стычек с татарами на южных окраинах Русского государства. Именно этим объясняется в значительной степени особо широкое распространение «Сказания» в XVII веке среди читателей разных социальных слоев. К XVII веку относится наибольшее число рукописных текстов «Сказания»; в 1680 году оно было включено в третье издание «Синопсиса», приписываемого Иннокентию Гизелю. В списках XVII века «Сказание» подверглось значительной переработке, отразившей черты времени (новая оценка татар, иное понятие о «государевой службе» и др.), и испытало влияние былин и народно-исторических песен на тему о борьбе с татарами и, в частности, о борьбе с крымцами в XVII веке.

«Сказание о Мамаевом побоище» разрабатывает тему борьбы с чужеземным нашествием, противопоставляя наглости и самоуверенности захватчиков мужество и отвагу людей, вставших на защиту своей земли, их решимость ответить сокрушительным ударом на удар горделивого и самодовольного врага. Служба отечеству как главный долг перед ним, призыв к разгрому захватчиков, защита родины от иноземного вторжения — главная и определяющая тема произведения.[1]

Служение родине в «Сказании» связывается с «государевой службой», которая рассматривается как служение не только князю, но всей родной стране, отчизне. Произведение показывает, что во имя служения родине русский народ на Куликовом поле под водительством московского князя совершил героический подвиг в борьбе с татарами. Это был поистине дерзкий шаг на «страх» ради «славного имени во веки». Сам

---

[1] См. подробнее: Л. А. Дмитриев. Публицистические идеи «Сказания о Мамаевом побоище». Труды ОДРЛ, т. XI, 1955, стр. 140—155.

Дмитрий, по «Сказанию», служение отечеству ставит превыше всего, даже жизни. За «землю нашу рускую... — говорит он воинам, идя вместе с ними в первых рядах на врага, — за сию православную веру... и аз бо, братия моя, хощу пострадат. даже и до смерти».[1]

Ратуя за верную службу родине воинов, «Сказание» показывало, как должен относиться к своим «служилым людям» великий князь, и предлагало, чтобы воины «поощрялись и награждались по стоянию». Эти основы, на которых должны держаться взаимоотношения между князем и служилым человеком, наиболее четко определены в четвертой редакции «Сказания» (по классификации С. К. Шамбинаго) в обращении Дмитрия к своим воинам после победы над врагом. Великий князь московский в таких выражениях передает эту мысль: «Братия моя возлюбленная, князи и боляре местныя, воеводы силныя и вси сынове всеа земли Русския, вам подобаеть такожде и впредь служити, а мне службы вашеа тешитися и по стоянию хвалити вас: внегда упасет мене бог, буду на своем столе, на великом княжении московском, имам вас дарити изобилно».[2]

Безупречная служба родине должна сочетаться, по «Сказанию», с высоким понятием о воинской чести. Каждый служилый человек в своем служении государству должен стараться заслужить похвалу современников и потомства, добыть себе «славное имя во веки». В «Сказании» была сделана попытка дать в лице великого князя московского образ идеального героя-воина, доблестного и бескорыстного защитника родной страны.

Ни одна воинская повесть того времени не ставила так четко и заостренно вопросы о «государевой службе», о взаимоотношении между князем и воином, о воинской чести, как это делалось в «Сказании» и особенно в поздних редакциях памятника. Яркость и многообразие изобразительных средств, применяемых при этом, усиливало впечатление от «Сказания».

В «Сказании» проводится мысль о превосходстве русского народа над татарами, об утере последними их боевой славы и мысль о том, что за русских стоит божественная сила, помогающая добывать победу над врагом, в частности отводится большая роль богородице в деле помощи и спасении русского народа.

---

[1] С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906. Приложение, тексты, стр. 140. (Далее сокращенно: Шамбинаго, тексты. При ссылке на исследовательскую часть дается заглавие книги).

[2] Шамбинаго, тексты, стр. 163. При определении редакции в работе всюду применяется классификация С. К. Шамбинаго.

Это наложило сильный религиозный отпечаток на повествование о Куликовской битве.

Самая возможность перенесения отдельных мотивов из «Сказания» в повесть, основанную на былинном изображении борьбы богатыря с «неверной силой», объясняется значительным идейным сходством между былинным и свойственным «Сказанию» пониманием целей и задач борьбы, с одной стороны, и вражеских намерений — с другой, между героями былин и Дмитрием Донским и воинами «Сказания». Именно это сходство и позволило автору повести о Сухане дополнить характеристику своего героя чертами, выделяющими его среди других былинных победителей татар, и внести новые оттенки в самое понимание богатырем своих воинских обязанностей. Отсюда же идет и усвоение автором повести о Сухане отдельных стилистических приемов «Сказания».[1]

«Сказание о Мамаевом побоище», где изображение защиты родины как защиты веры христианской, церквей и монастырей разработано детально, в запоминающейся художественной форме, усилило в повести о Сухане религиозный момент в понимании защиты Русской земли от насилий врагов. Излагая в молитве намерения «бусурмана» («пошел пленить землю Рускую»), богатырь связывает это пленение с разорением «веры крестьянской», церквей и «чудотворных мест». Еще в период борьбы русского народа с татаро-монгольским нашествием былины на тему этой борьбы объединяли два понятия — «вера христианская» и «земля русская».[2] Это объединение особенно ярко выражено в исторической литературе XV—XVII веков, где борьба за веру христианскую символизирует защиту национальной независимости родины.

Опираясь на давнюю былинную традицию объединения двух понятий — веры и родины, автор повести о Сухане не ограничился былинными указаниями на то, что богатырь защищает «церкви соборные», «дом пресвятыя богородицы и чудотворцев киевских», «веру христианскую», «честные монастыри» (см. выше, стр. 68 и сл.). Автор развил эту тему, используя фразеологию «Сказания».

---

[1] Ввиду того, что повесть обнаруживает близость к такому типу «Сказания», особенности которого сохранились в списках, стоящих на грани третьей и четвертой редакций или представляющих переделку четвертой редакции, для сравнения будем привлекать отдельные чтения разных списков этих разновидностей памятников.

[2] В. Я. Пропп. Русский героический эпос, стр. 311.

Вслед за «Сказанием» автор повести о Сухане наделяет своего героя религиозностью, изображая его молящим о помощи. Этот мотив не характерен для героического эпоса, во всяком случае он не бывает так старательно разработан в былинах, как это сделано в повести. В «Сказании» автор нашел опору для его развития. Благочестивые князья в «Сказании» обращаются с молитвой о «помощи божьей» во все ответственные моменты столкновения с Мамаем, проливая при этом иногда слезы.[1]

Включив в молитву богатыря перед боем просьбу его к богородице защитить не только землю Русскую от пленения, но и «веру крестьянскую» от разорения, в самом выражении этой просьбы автор обнаружил явную зависимость от воинских повестей и особенно от «Сказания».

В повести молитва Сухана изложена в привычной для воинских повестей форме, с характерными для нее риторическими восклицаниями и с обычным для этих повестей перечислением насилий, которые несут христианству завоеватели:

О, царице богородице!
Утоли стремление безумное,
Смири сердце нечестивое.
Похваляся бусурман
И горд пошел пленить землю Рускую,
Разорить веру крестьянскую,
Разрушить место церкви божии,
Осквернити место чюдотворное.

Сопоставление этой молитвы Сухана с молитвой Дмитрия Донского и с другими эпизодами «Сказания», где речь идет также о намерениях врага, идущего на Русскую землю, показывает, что автор повести развил былинную тему защиты «веры христианской» именно в литературном стиле, характерном для «Сказания» и других воинских повестей.

Молитва Дмитрия Донского: «О, чюдотворная госпоже царице богородице, человеческая заступнице... не предаждь, госпоже, в разорение града сего поганым еллином, да не осквернят святых твоих церквей и веры християнские, и моли сына своего, той смирит сердца врагом нашим, да не будет рука их высока» (разрядка наша, — *В. М.*).[2]

В некоторых списках «Сказания» Димитрий при обращении за помощью ко «христу и богородице» называет Мамая «окаян-

[1] Шамбинаго, тексты, стр. 13, 59, 69, 137, 158.

[2] Список XVII века Государственного Исторического музея, собрание И. Е. Забелина, № 261, л. 271 об. Список открыт академиком М. Н. Тихомировым и любезно предоставлен нам для пользования. (Далее цитируем его сокращенно: Забелин, № 261).

ным», его стремление, как и в повести, именует «безумным»; он решительнее просит «низложить» врага Русской земли, идущего разорить не один град, как в приведенной молитве, а «грады наши».

В сходных с молитвой Сухана выражениях передаются в «Сказании» речи Димитрия Донского, новгородского архиепископа Евфимия и Мамая.

Московский князь говорит митрополиту Киприяну: «Веси ли ты, отче, настоящую на ны скорбь, понеже идеть на нас горд царь, имянем Мамай, с восточныя страны, от силныя орды, со многими силами, и хощет нашу землю роскую пленити и род християнский погубити и церкви божия разорити» (разрядка наша, — *В. М.*).[1]

Евфимий на вече сообщает новгородцам: Мамай «идет на Рускую землю... и хощет веру христову осквернити и святыя божия церкви разорити, а род християн искоренити».[2]

Мамай так определяет цели похода своим приближенным: «Пойдем на рускаго князя и на всю Рускую землю, яко же при Батыи-царе было, християнство потеряем, а церкви божии попалим огнем, закон их погубим, а кровь християнскую пролием».[3] В другом списке «Сказания» Мамай размышляет о том, «како бы раззорити веру християнскую и церкви божия осквернити и разрушити и вес род християнский потребити и в конец погубити». Мамай хочет «поревновать» Батыю, который «пленил Российскую землю», «места святые опщежителныя раззорил и осквернил и святую церковь златоверхую разграбил».[4]

В соответствии с тем, как представлены в повести о Сухане намерения Азбука, он наделен теми же эпитетами, какие дает «Сказание» Мамаю. Азбук — «бусурман», у него «стремление безумное», «сердце нечестивое», он «горд». Теми же словами «Сказание» определяет характер Мамая — «бусурмана»: у него «сердце нечестивое», «помысл безумный», он «горд вельми».[5] В некоторых списках «Сказания» особенно подчеркивается горделивость, хвастовство и безумие Мамая: он «вознесся гордостию своею выше всех в безумии своем», «начат хвалитися», что быстро покорит русского царя.

Автор повести не только усилил религиозность богатыря, но — на этот раз уже в разрез с былинной традицией — на-

[1] Шамбинаго, тексты, стр. 137.
[2] Там же, стр. 98.
[3] Забелин, № 261, л. 262.
[4] Шамбинаго, тексты, стр. 130.
[5] Там же, стр. 80.

делил Сухана и чувствительностью. В. Я. Пропп справедливо указывает, что «слезы перед опасностью совсем не в духе эпоса».[1] Между тем Сухан в повести «учал плакати и горячи слезы ронить», вспомнив перед боем, что у него нет оружия, причем он пожаловался на это той же «царице богородице», у которой только что просил помощи против врага:

О, царице богородице!
По грехом есми запросто выехал,
саадака и сабли нет на мне,
никакова ратнова оружия!
только у меня сыр-зелен падубок,
и тово мне очистить нечем.

Как и у героев «Сказания», слезы у Сухана сопровождают молитву. В «Сказании» плачут все и по самым различным поводам, даже Мамай перед боем проливает слезы.

Видимо, эта особенность «Сказания» подсказала автору повести мысль наделить Сухана чувствительностью, необычной для былинных богатырей. Может быть, и он хотел, так же как и автор «Сказания», подчеркнуть напряженность душевного состояния богатыря, сознающего ответственность за исход боя, в который он вступает даже без настоящего оружия, и потому отступил от эпической традиции.[2]

В повести о Сухане герой, обороняющий родную землю от врага, представлен в образе одного из тех военно-служилых людей, которые и в действительности стояли на страже границ государства. Этот рядовой «пограничник» наделен в наибольшей степени теми же положительными качествами, какие «Сказание» сосредоточило в характеристике главы русского войска — великого князя Димитрия, его приближенных и русских воинов: он храбрый воин, беззаветно преданный родине, он с таким же пониманием долга относится к своим обязанностям служилого человека, как и герои «Сказания». Сухан не имеет рядом с собой, подобно Димитрию, многочисленного войска, он один воплощает в себе представление о воинской силе русского народа, потому что основу произведения, как показано выше, составляет былина. Однако этот богатырь определяет свое отношение к защите родины как служилый человек XVII века: для него оборона границ страны — «дело госуда-

---

[1] В. Я. Пропп. Русский героический эпос, стр. 294.

[2] Слезы во время молитвы перед опасностью нередко встречаются и в других воинских повестях: например, молится со слезами Иван Грозный (Повесть о Стефане Батории), Александр Невский в некоторых редакциях его «Жития».

рево», «служба государева». Эта «деловая» терминология введена не только в авторскую речь («Не до потехи стало Сухану кречатные, стало до дела государева»), но и в плач матери («умер на службе государеве»).

Приказная формула «государево дело» имела широкое распространение в наказных документах XVII века и употреблялась для обозначения и определения особо важной государственной службы. Городовым воеводам, послам, едущим в чужеземные страны, ратным людям, стоящим на охране государственных границ, и вообще служилым людям обычно предписывалось блюсти «дело государево». Так, в царской памяти 1651 года Касимовскому воеводе Ивану Литвинову о надзоре за касимовским царевичем и его людьми указывалось: «И Ивану, будучи в Касимове, государево дело делать по государеву наказу» (разрядка наша, — *В. М.*).[1] В наказе (от 1633 г.) послу в Крым Тимофею Анисимову и подъячему Калистрату Акинфиеву писалось, что направляются они туда «для своего государева дела».[2] Для «государева дела» вызывался в 1659 году в город Константинов гетман Иван Беспалый.[3]

Другая приказная формула — «служба государева» — также была широко распространена в XVII веке. Приведем несколько примеров употребления этой формулы в служебной переписке того времени:

«Ему, Савелью, за нашею порукою служить служба государева царева... зимняя и летняя полевая и береговая и посылиная з головою или с сотником или с кем государь ни пошлет».[4]

«Мы, холопи твои, шли на твою государеву службу на великую реку Лену».[5]

«Грек Николай... с нами на твою государеву службу ходил».[6]

Бескорыстие при исполнении службы — черта, характерная для героев обоих произведений. Совершив подвиг, Сухан не ду-

---

[1] Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел, часть третья, М., 1822, стр. 461, № 142.

[2] В. М. Базилевич. Из истории москвско-крымских отношений в первой половине XVII века. Киев, 1914, стр. 16.

[3] Акты, относящиеся к истории южной и западной России, т. IV, СПб., 1863, стр. 226.

[4] Акты Астраханской воеводской избы, поручная 1645 года, сентября 2. Рукописное отделение Ленинградского отдела Института истории Академии Наук СССР, № 1649.

[5] Дополнение к Актам историческим, т. III. СПб., 1848, стр. 20; 1645—1646 гг.

[6] Донские дела, кн. V, Пгр., 1917, стр. 38, войсковая отписка 1655 г., ноября 10.

мает о награде, его заботит лишь то, чтобы правильно была оценена его деятельность: он просит «жалованного слова». Приказная формула «жалованное слово» имела в обиходе точно такое же значение, с каким она известна в повести. Она обозначала не только награду, но и похвалу, справедливую оценку деятельности. Через «жалованное слово» нередко выражалось отношение царя к действиям его подчиненных. В повести этот термин употреблен со знанием его значения. Вот два примера его применения в деловых документах XVII века: 1) из письма к царю Михаилу Федоровичу — «К Москве ж приехали Иван Кондырев да диак Сергей Матвеев, и подали в Посольском приказе письмо об отпуске астороханских мурз и татар и русских людей, как им, по твоему государеву указу, сказано твое государево жалованное слово и в Асторохань отпущены» (разрядка наша, — *В. М.*);[1] 2) из царской грамоты на Пелым, воеводам Ивану Годунову и Петру Исленьеву, о ясаке с пелымских ясачных людей, 1609 года — «... да как они на Пелым приедут, и вы б им сказали наше царское жалованное слово, что мы, великий государь, их, пелымских и кондинских ясачных людей, пожаловали» (разрядка наша, — *В. М.*).[2]

В «Сказании» великий князь обещает «хвалити» и «дарити изобильно» всех, кто будет верно «служити», сам же он хочет лишь заслужить «славное имя во веки». Сухан, как и большинство русского войска на Куликовом поле, защитившего своей жизнью отчизну, не нуждается уже в награде, — он умирает, и ему «не до городов, ни до вотчин». Однако и перед лицом смерти он хочет признания своих заслуг — «жалованного слова», как Димитрий надеялся на «славное имя во веки». Оба произведения как бы символизируют таким концом бескорыстное служение русского народа своей родине.

«Сказание» в его поздних редакциях, вместе с другими воинскими повестями, поддержало замысел автора повести о Сухане включить в описание смерти богатыря плач его матери. Оплакивание умерших, в том числе убитых воинов, и в XVII веке еще было широко распространенным во всех слоях русского общества обычаем, поэтому и в литературе, особенно в исторических повестях, плачи часто применялись как своеобразная форма выражения горестных настроений, с одной стороны, и общественной оценки умершего, с другой.

В композиции «Сказания о Мамаевом побоище» «плач» как литературная форма занимает большое место. В нем плачут та-

---

1 Письма русских государей и других особ царского семейства, т. 1. М., 1848, стр. 296.

2 Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. II, М.—Л., 1941, стр. 214—215.

тарские матери по убитым «чадам», жены по мужьям, даже побежденный Мамай, убегая с Куликова поля, причитает, досадуя на то, что ему больше не придется получать княжеские «выходы». При въезде Димитрия Донского в Москву русские женщины встречают его ликованием и плачем (причитанием) по убитым воинам.

В некоторых списках четвертой редакции в плаче княгини Евдокии, жены Димитрия, содержатся элементы похвалы князю, упоминаются отдельные личные качества его. Все это сделано для лучшего раскрытия образа князя, для внесения индивидуальных черт в этот образ. Княгиня плачем-причитанием провожает мужа в поход, со слезами и причитанием встречает его, победителя. В ее словах, обращенных к князю-победителю, наряду с выражением радости слышится оценка его полководческой и государственной деятельности.

Плачи-похвалы, притом связанные с устной народной причетью, занимают видное место в композиции повести «О преставлении и о погребении князя Михаила Васильевича Шуйского, рекомого Скопина» и в «Сказании о царстве Федора Иоанновича» — произведениях первой четверти XVII века.[1]

Насколько в XVII веке, даже во второй его половине, прочно сохранялся интерес к лирическим эпизодам в виде плачей, видно, например, из текста так называемой «Сказочной» повести об Азове, где, в отличие от «поэтической» повести о том же осадном сидении казаков, введен плач-причитание вдовы-татарки по убитом турками есауле Иване Зыбине. Впрочем, этот плач представляет собой типичную вдовью причеть, выражающую одно личное горе.

Автор повести о Сухане, дополнивший былинное описание смерти богатыря плачем его матери, следовал той традиции плачей исторического повествования древней Руси, которая восходит еще к XI—XII векам. В соответствии с этой традицией он делает плач формой выражения не столько горя матери, сколько похвалы умирающему герою. Именно это преобладание похвальной оценки умершего мы можем наблюдать еще в летописных плачах по князьям XII века, в княжеских житиях с XIII века, в «Слове о житии» Димитрия Донского, сохраняющих при этом в своих лирических частях связь с похоронными народными причитаниями.

Плач матери Сухана — не только причеть горюющей матери, но и выражение высокой оценки совершенного богатырем под-

---

[1] В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси. Изд. АН СССР, М.—Л., 1947, стр. 137—154.

вига, связанное с тем определением этого подвига как «государева дела», «государевой службы», какое дает и сам автор повести. Поэтому плач и сравнивается автором со звуком «златой трубы» (см. выше, стр. 77).

Не злата труба вострубила,
Восплакала мать Суханова:
Хотя тебя, Суханушко, звали бражником
И охочь был пропиватися,
А ныне ты над собою, видишь, совершенье учинил.
Не о том я плачю, что вижу тебя смертнаго,
Плачу я о твоем доротцве во истинной храбрости,
Что еси дорос человечества,
Умер на службе государеве.

Выполнив свой долг — отдав жизнь на «службе государеве», — Сухан, по признанию его матери, «дорос человечества». Такой высокой оценки общественного значения «службы государевой» мы не найдем ни в одном из возможных литературных источников автора: она несомненно отражает его собственное представление о долге «служилого человека». Воспользовавшись плачем как обычным в литературе его времени литературным приемом прославления героя, автор развил ведущую патриотическую идею всей повести: защита родины от врагов — «дело государево», воин должен бескорыстно выполнять свою «службу», не щадить жизни, тогда он будет награжден «жалованным словом», в котором будет признана высшая его заслуга: он «доростет человечества», а «храбрость» его будет «истинной».

Обращает на себя внимание тот факт, что это «жалованное слово» автор вложил в уста не князя, у которого его просит Сухан, а его матери. Слово матери оказывается выше «государевого». И хотя в повести о Сухане нет следов конфликта богатыря с князем, характерного для большинства вариантов былины о Сухане, но сама фигура князя несколько отодвигается на второй план благодаря тому, что высшую оценку подвига богатыря дает не он, а мать Сухана. «Человечество», которого «дорос» Сухан, — это народ, устами матери прославивший его подвиг.

В плаче матери заложена еще одна значительная мысль автора: мать вспоминает, что в прошлом Сухана «звали бражником», что он «охочь был пропиватися». Выше было показано, что сама по себе эта биографическая подробность известна и былинам о других богатырях (см. стр. 79). Однако в повести о Сухане она имеет свое назначение: вспоминая о разгульной молодости сына, мать подчеркивает этим, что такое прошлое не

помешало ему обнаружить «дородство», «истинную храбрость», умереть на «службе государеве» и «дорости человечества». Итак, патриотический подвиг может и должен совершить каждый человек. Для этого он может и не быть воплощением всех добродетелей. Если у него и есть свои слабости, то в условиях, когда интересы родины потребуют от него подвига, он совершит этот подвиг, притом бескорыстно, и заслужит то «славное имя во веки», о которой мечтал Димитрий Донской.

«Сказание о Мамаевом побоище» дало материал автору повести о Сухане не только для дорисовки образов героев, но и для расширения описания боя. В одном из списков XVII века «Сказания» С. К. Шамбинаго обнаружил необычное описание Куликовской битвы, ритмическое строение которого навело его на предположение, что оно было создано на основании образов, взятых из народных песен, причем в нем, как и в ряде аналогичных эпизодов этого списка, «даже самый песенный склад не нарушен».[1] Приводим полностью текст этого описания: «И ступишася велици полцы и крепко бьющеся; напрасно щепляются щиты богатырские от вострых копеев, ломаются рогатины булатныя о злаченыя доспехи, льется кровь богатырская по седельцам покованным, сверкают сабли булатныя около голов богатырских, катятся шеломы злаченые с личинами добрым коням под копыта, валятся головы многих богатырей з добрых коней на сырую землю. И потоптаны быша, не едины бо руские богатыри побьени быша, но да и татарских вдвое» (здесь и далее разрядка наша, — *В. М.*).

В других воинских повестях не встречается подобного описания боя, хотя имеются отдельные его образы — «лом копейный» и щитов «скепание». Приводимые А. С. Орловым примеры из воинских повестей — ломания копий и разрушения щитов — далеки от приведенной картины боя.[2] И уже совершенно не похоже на нее изображение стычек богатырей с неверной силой в эпических произведениях.

Не ставя своей задачей в настоящей работе пересмотреть вопрос о происхождении этой боевой картины в списке «Сказания», согласимся с С. К. Шамбинаго в том, что «песенный склад» в ней действительно ощущается. Возможно, что именно эта особенность привлекала к ней внимание автора повести о Сухане, который, в отличие от былины об этом богатыре, так изобразил схватку Сухана с войском Азбука:

---

[1] С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище, стр. 292, 298.

[2] А. С Орлов. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М., 1902, стр. 13.

Свищет падубок в руке богатырской,
Ломаются древа копейные,
Щепляются щиты татарские,
Валяются шеломы их з головами та[та]рскими.

Сопоставляя этот эпизод повести с соответствующим местом «Сказания», мы обнаруживаем, во-первых, что автор повести стремился, сокращая описания битвы, все же сохранить его ритмический строй. Во-вторых, механически сократив свой источник, автор допустил смысловую неточность: по «Сказанию» «шеломы» и «головы» татарские валятся на землю от ударов «сабель булатных»; в повести о Сухане богатырь бьется «падубком», и тем не менее «шеломы з головами татарскими» тоже «валяются» (или «валются»), хотя очевидно, что отсечь головы «падубком» нельзя было, их можно было лишь разбить. Невнимательно сокращая свой источник, автор неудачно сохранил глагол «валются», неточно определив им результат действий «падубка». Но эта ошибка подтверждает связь данного описания битвы именно с эпизодом «Сказания», который разъясняет неуместное в этом случае применение глагола «валятся!».[1]

Есть основание думать, что «Сказание» навело автора повести о Сухане на мысль переработать завязку своего рассказа. Напомним, что в былине Сухан, отправившийся за живой лебедью, проехал три заводи и ни на одной не нашел птицы. Удивленный этим, не решаясь вернуться без добычи в Киев, богатырь едет к Днепру. В повести Сухан на первой же «малой заводи» сразу встретил «многия лебеди», решил, что «все то недаром», и поехал к Днепру:

И не доезжаючи быстра Непра Слаутича,
Наехал на малой заводи многия лебеди.
И богатырь тому учал дивитися:
«На той на малой заводе
Не наеживал я ни гусей, ни утят,
Ан нынеча вижу многия лебеди:
А все то не даром.
Поеду, поеду посмотрю быстра Непра Слаутича».

В данном случае нельзя объяснить такое изменение былинного рассказа лишь тем, что в повести снято обычное в народно-

[1] В сохранившемся дефектном списке первоначально было написано «валются», причем буква «ю» оказалась в конце строки, при переносе писец поставил после нее «ъ», затем приписал к нему «а» и, соединив черточкой «ъ» и «а», сделал из них йотированное «а». Так создалась форма «валяются».

эпическом стиле утроение эпизода. Появление птиц в необычном месте Сухан расценивает как признак какой-то тревоги, заставившей птиц перелететь («а все то не даром»), как своего рода примету, и он отправляется искать причину этой тревоги. Такая ситуация знакома воинским повестям, где воины перед битвой иногда встречают испуганных передвижением войск птиц. Значение приметы — признака продвижения войска — такое появление «гусей и лебедей» или «лебедей и утят» имеет и в «Сказании». Мы читаем здесь: «По реце ж Непрядве гуси и лебеди крылми плещуще, необычную грозу подающе. Рече ж князь великий Дмитрею Волынцу: „Слышим, брате, гроза велика есть велми“»,[1] «птицам, прелетающим от места на место... лебеди и утята».[2] Дважды употребляется в «Сказании» и слово «примета» — «добра примета», «примета сия», — когда речь идет о перелете птиц или передвижении зверей, испуганных близостью огромного войска.[3]

Сухан в повести, как и герои «Сказания», воспринял появление «многих лебедей» в необычном для них месте как знак неблагополучия, «учал дивитися» этому и отправился искать причину беспокойства птиц. Создается впечатление, что ему знакома эта связь перелета птиц с их встревоженностью, что он знает военную примету — птиц волнует движение войска. Стремление приблизить рассказ к реальному ходу событий побудило автора повести, сняв утроение эпизода, сразу поставить богатыря перед лицом этого необычного поведения птиц и ускорить его встречу со стражем («человеком с прапором»), известившим его о приближении вражеского войска. Встреча Сухана с «многими лебедями» на первой же «малой заводи» оказалась завязкой дальнейших событий, и былинное утроение эпизода оттянуло бы эту завязку, замедлило бы развитие действий богатыря.

В рассказе «человека с прапором» о войске царя «Азбука Товруевича» среди типично былинного описания многочисленности отрядов, из которых состоит это войско, выделяется самой лексикой фраза, в которой напоминаются прежние весенние походы на Русь татар за данью:

И наши прародители тем царем служивали
И царские приходы весно чинили.

---

[1] Шамбинаго, тексты, стр. 60.
[2] С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище, стр. 271.
[3] Шамбинаго, тексты, стр. 60, 154 и др.

Упоминание «приходов», возможно, связано со следующим местом «Сказания»: «князи ж русския посла его отпустиша с честию и з дары, а сами на весну ту за ними послаша в Орду ко царю коиждо своих киличеев со многими дары» (разрядка наша, — *В. М.*).[1] Это место повести именно так и следует понимать, в том смысле, что здесь говорится не о «приходах» татарских ханов на Русь за данью, а о том, что русские князья в старину каждую весну выезжали в орду с данью, выполняя условия татарских царьков. Царские «приходы» — это выезды князей по приказанию татарских царей в Орду. У автора XVII века замена титула «князь» привычным названием главы государства — «царь» вполне объяснима. В других списках «Сказания» этот эпизод посылки в Орду послов разработан более подробно. Вообще же в содержании «Сказания» тема дани, посольств в ханскую ставку занимает большое место. Послов с данью в Орду посылают Ольгерд, Олег рязанский; сам Димитрий, по поздним редакциям памятника, узнав о нападении татар, снаряжает к хану посольство во главе с Захарием Тютшевым. Слово «прародитель» встречается в «Сказании» во всех почти редакциях: Димитрий Иванович с братом Владимиром Андреевичем молятся у гроба прародителей своих».[2]

Зачем вставлена эта фраза в речь стража? Повидимому, автор повести стремился связать поход царя Азбука с теми походами на Русь татар, которые бывали еще при «прародителях», т. е. во времена татаро-монгольского ига. В XVII веке борьба с крымцами и турками рассматривалась как продолжение давней борьбы русского народа за свою независимость с восточными соседями.

В повести о Сухане есть подробность, расширяющая былинное описание выезда богатыря навстречу вражескому войску:

> И как выезжает из добровы зеленые,
> а не белое каменье на горах белеются,
> белеютца доспехи их во всех полках.
> А некак богатырю людей сметить.

Эта попытка «сметить» — сосчитать врагов является как бы ответом Сухана «человеку с прапором», который в своем рассказе богатырю о составе вражеского войска признался, что он

> в сторожевом полку не успел сметить.
> Добре с ним людей много, бес числа.

---

[1] Шамбинаго, тексты, стр. 37.
[2] Там же, стр. 14, 126 и др.

В некоторых былинах богатыри (Илья Муромец, Суровец, Сухман и др.) тоже иногда перед тем как вступить в бой с врагом рассматривают его (в «трубочку подзорную», отверстие кулака, приложив ладонь к глазам и т. п.) или подсчитывают его силы. Богатырям, подобно Сухану повести, так и не удается сосчитать («сметить») число врагов. Однако ни в одной из былин не встречается картинного изображения вражеского войска. Обычно (см. стр. 65) описание ограничивается сведениями о числе врагов, военачальников, царевичей, князей и т. п., реже дается изображение самого военачальника. В былинах некоторая условность, схематизм изображения боевых картин, в том числе и противостоящего богатырю вражеского войска, не дает простора для образных сравнений этого войска, помогающих наглядно представить его внешний вид. Несколько иначе разрабатываются описания вражеского войска в исторических песнях XVI—XVII веков. Уже в записанной для Ричарда Джемса в 1619—1620 годах песне о набеге крымского хана раскинутые «у Оки реки» «белы шатры» создают картину его войска. В песне о Ермаке впечатление от приближающихся кораблей «гостей турецких» передано так:

Как бы бель забелелася, будто черзь зачернелася,
забелилися на кораблях парусы полотняные,
и зачернелися на море тут двенадцать кораблей.[1]

В другой песне казаки Ермака видят издали на Волге лодки «посланника царева»:

Тут не черныя черни зачернелися,
не белые снежочки забелелися,
зачернелись лодки коломенки,
забелелись парусы бязинные.[2]

Такой способ изображения вражеского войска применен автором «поэтической» повести об Азовском осадном сидении, который стремился всеми художественными средствами создать впечатление многочисленности хорошо вооруженного турецкого войска: в степи турецкие шатры и палатки «яко горы высокия и страшные забелелися».[3]

---

[1] В. Ф. Миллер. Исторические песни русского народа XVI—XVII вв., стр. 478.

[2] Там же, стр. 497.

[3] См. издание текста повести в книге: Воинские повести древней Руси. Серия «Литературные памятники». Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 61. (Далее сокращенно: Воинские повести).

Рядом с таким способом изображения войска, восходящим к традиции исторических песен, существовала и хорошо разработанная издавна в воинских повестях система зрительных образов, применявшихся при описании преимущественно русского войска. Блеск оружия чаще всего подчеркивается сравнениями его с сиянием солнца, зари, луны, звезд, золота, льда и воды, освещенных солнцем; многочисленность вражеского войска, наблюдаемого издали, создает впечатление, что оно «покрыло поля», выросло, как темный лес, разлилось, как вода. скрыло небо, как тучи, и т. д. Эти войска нельзя сосчитать, им конца не видно.[1]

Автор повести о Сухане, видимо, знал и народноэпический образ «белых шатров» вражеского лагеря и книжные сравнения, с помощью которых блеск оружия — «доспехов» выделялся как главный признак сильного вражеского войска. Из соединения этих двух способов художественного изображения и создалась приведенная выше картина: белизной наделены не шатры, а доспехи, поэтому и для сравнения с оружием взяты «белые каменья». Может быть, автора повести побудило сосредоточить все внимание именно на зрительном образе оружия «Сказание о Мамаевом побоище», где красота, блеск вооружения русского войска (прапоров, доспехов и т. д.) представлены в развернутой картине.[2]

2

Литературная традиция воинских повестей проникала в повесть о Сухане не через одно «Сказание о Мамаевом побоище». Ряд подробностей в рассказе о битве Сухана с татарами и в заключительной части повести показывает, что начитанность автора в исторической литературе древней Руси не ограничивалась одним «Сказанием». Само воздействие этого образца воинского стиля было поддержано его типичностью, тем, что он напоминал автору и другие летописные и внелетописные исторические повести.

В ряде случаев именно эта литературная традиция помогала автору перевести изложение в более реалистический план, избежать иногда условной гиперболичности былинного стиля.

В повести о Сухане встречаем необычное для былин сравнение — трупы татар лежали на поле битвы «кострами»:

---

[1] См.: А. С. Орлов. Об особенностях формы русских воинских повестей, стр. 14—18.

[2] Шамбинаго, тексты, стр. 108.

И Сухан бьет татар падубком
На все четыре стороны.
Куды Сухан ни оборотится,
Тут татар костры лежат.

В былинах для обозначения количества убитых вражеских воинов применяются другие формулы, из них наиболее распространенная — сравнение с «улицами» и «переулочками»: куда замахнется эпический герой, здесь простираются «улочки», «переулочки». Это сравнение имеется и в обеих редакциях былины о Сухане (см. выше, стр. 26—27). Но в данном случае автор последовал не за былиной, а за привычными образами воинских повестей. Именно в них находим мы попытки представить массы трупов на поле битвы в виде горы, копны, стога сена, моста. Имеется и сравнение трупов с «костром»; это слово обозначало в народном языке поленицу дров и крепостную башню.[1] Приведем примеры сравнения трупов с «кострами».[2]

Во время знаменитой битвы 1216 года новгородцев с владимирцами было «многое бо множество избытих, яко ни умь человеческий не может смыслити; не токмо на боищи костры мертвых, но и многым местом лежаше трупие».[3]

По сведениям Никоновской летописи, после взятия Казани приступом войсками Ивана Грозного в городе было так много убитых, что «по всему граду не бе где ступити не на мертвых: за царевом же двором... костры мертвых лежаще с стенами градными ровно».[4] Этот же образ был сохранен в рассказе о взятии Казани, находящемся в Львовской летописи.[5]

Стремление к реалистическим подробностям, делающим изложение более наглядным, наблюдается у автора повести о Сухане неоднократно (богатырь-старик, любитель «потехи кречатной», выезжает на охоту не случайно в праздник Ивана Предтечи — об этом см. ниже, — встречает «человека с прапором» и т. д.). Оно могло побудить его отказаться в данном случае от гиперболического условного образа былины и при-

---

[1] См. В. Даль. Толковый словарь, том второй. М., 1935, стр. 177; И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, том первый. СПб., 1893, стр. 1298.

[2] Другие сравнения приведены в книге А. С. Орлова «Об особенностях формы русских воинских повестей» (стр. 23).

[3] Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. ПСРЛ, т. XV, СПб., 1863, стр. 322.

[4] Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. ПСРЛ, т. XIII, первая половина, СПб., 1904, стр. 219.

[5] Львовская летопись, ПСРЛ, т. 20, часть вторая, СПб., 1914, стр. 530.

менить традиционное в воинских повестях, в частности летописных, бытовое сравнение с «костром».

Может быть, к той же традиции воинских повестей восходит и одна деталь в речи Сухана, обращенной, видимо, к татарам, которые, испугавшись сокрушительных ударов богатырского «падубка», «одернулися телегами ординскими»:

Которые татаровя на Руси не бывали,
Те про Сухана не ведают,
И оне у товарищев своих слыхали в ордах смолода.

Если мы вспомним, что автор повести представил Сухана старым «добре» («больши ему девяноста лет»), то станет очевидно, что Сухан напоминает татарам свои давно минувшие боевые встречи с ними, когда татары и «без городу» умели сражаться с богатырями.

Воинские повести уже с XIII века рассказывают о том, что сначала половцы, а потом татары у себя на родине долго помнили об устрашающей силе русских воинов, пугали детей именами их предводителей-князей, предупреждали молодых о трудностях борьбы с русскими. Так, в «Слове о погибели Русской земли» вспоминается, что половцы пугают своих детей именем Мономаха — «которым то половицы дети своя ношаху (описка, вместо «страшаху») в колыбели».[1] В житиях Александра Невского и Даниила Галицкого рассказывается, что имена этих князей служили для устрашения детей: Даниилом «половцы дети страшаху», а об Александре говорится, что «начаша жены Маявидскиа полошати дети своя, рекуще: едет князь Александр Ярославич».[2] В рассказе о Евпатии Коловрате, входящем в повесть о разорении Рязани, приближенные Батыя сообщают своему царю о «храбрости и мужестве» «рязанского господства» в таких словах: «Мы со многими цари, во многих землях, на многих бранех бывали, а таких удальцов и резвецов не видали, ни отци наши возвестиша нам» (разрядка наша, — *В. М.*).[3]

Таким образом, можно думать, что воинские повести поддержали намерение автора включить этот мотив в повесть.

---

[1] В. И. Малышев. Житие Александра Невского (по рукописи середины XVI в., Гребенщиковской старообрядческой общины в Риге). Труды ОДРЛ, т. V, 1947, стр. 188.

[2] Д. С. Лихачев. Галицкая литературная традиция в Житии Александра Невского. Труды ОДРЛ, т. V, стр. 44.

[3] Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском, стр. 295; см. также стр. 315, 336, 375.

Не отступая от былины о Сухане и былинной традиции вообще, автор повести о Сухане рассказывает, что в богатыря стреляли трижды и третья рана оказалась смертельной; причем и в былине и в повести враги стреляют из засады. В былине «три татарина поганыих бежали ко матушке Непры-реке, садились под кусточки под ракитовы» (алтайский вариант здесь меняет ситуацию — богатыря поражают в открытом бою тридцатью ранами «сносными» и тремя смертельными), в повести засада устроена «в овраге глубоком»:

И татаровя ис порока стрелили да грешили;
Из другова стрелили — грешили;
Из третьева стрелили — убили богатыря
Против серца богатырскова.

Необычная для былин подробность рассказа повести о ранении богатыря заключается в том, что его ранят не мечом или копьем, стреляют в него не стрелами, а «рогатинами» из «пороков». «Пороки» — крепостное стенобитное оружие. Стремясь подчеркнуть неодолимость русского богатыря, страх царя Азбука, увидевшего, что в бою никто не мог убить Сухана и что татарам грозит «неминучья» беда, автор и заставил врагов нацелить на богатыря то оружие, которым разрушали крепостные стены. Этот гиперболизм выдержан и дальше: даже раненный из порока рогатиной, Сухан все же «загаркал, напустил да и тех побил всех татар» и нашел еще силы вернуться в Киев. Таким образом, отступление от былин в данном эпизоде нельзя рассматривать как случайность — за ним стоит определенный художественный замысел.

Из «пороков» бьют по Евпатию Коловрату в повести о разорении Рязани, причем и в этой повести ужас перед непомерной силой и храбростью русского воина заставил Батыя прибегнуть к такому необычному оружию: «все силы Батыевы смятошася, яко уже и самому Батыю царю возбоятися. Тотарове же стояше, яко пияни и неистови. Еупатей же толико сечаше их без милости. . .».[1] Вот как описывается этот сходный с нашей повестью эпизод борьбы с богатырем пороками в рассказе об Евпатии Коловрате: «И начаша сечи силу татарскую, и многих тут нарочитых багатырей Батыевых побил, ових на полы пресекоша, а иных до седла краяше. Татарове возбояшеся, видя Еупатия крепка исполина. И навадиша на него множество пороков, и нача бити по нем ис тмочисленных пороков, и едва убиша его».[2]

[1] Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском, стр. 374.
[2] Там же, стр. 294, см. также стр. 355, 388.

Так привычный эпический мотив стрельбы в богатыря врагами был переработан под воздействием воинских повестей и в этом новом виде помог усилить изображение мощи богатыря.

Мы указали выше (стр. 39), что нет оснований выводить былину о Сухане из предания о Демьяне Куденевиче, сохраненного Никоновской летописью в литературном пересказе. Однако не исключена возможность, что начитанный в исторической литературе автор повести о Сухане был знаком с этим пересказом, схема которого не могла не напомнить ему главный источник его произведения — былину о Сухане. В особенности мог обратить на себя его внимание конец рассказа о Демьяне Куденевиче — описание смерти богатыря и плача над ним горожан. Может быть, мысль закончить и повесть о Сухане плачем его матери была подсказана не только другими плачами исторических повестей, в том числе и «Сказания о Мамаевом побоище», но и преданием о Демьяне Куденевиче. Однако, как выше показано, содержание плача матери Сухана не зависит от литературных источников (стр. 102).

Но дальше такого рода предположения не следует идти в сближении повести о Сухане и предания о Демьяне Куденевиче. Попытка сближать отказ Сухана от награды с речью умирающего Демьяна неубедительна: эта речь построена на библейских образах «суетия человеческаго» — «дарованиа тленаго и власти погибающиа», т. е. отказ от награды Демьяна построен на признании умирающим всех благ земных — «суетием человеческим». Речь Сухана скорее противоречит философскому размышлению Демьяна: ведь «жалованное слово», которого просит у «государя» Сухан, — это тоже «суетие человеческое». Между тем, как выше показано, «жалованное слово», в котором богатырь ждал оценки своего подвига, — не случайный мотив в его предсмертной речи. Эту оценку в заключении повести дает мать Сухана. Таким образом, дополнив былинный отказ от «городов и вотчин», автор повести о Сухане не шел за летописным рассказом о встрече умирающего Демьяна с князем.

★

Обращает на себя внимание настойчивое добавление в повести о Сухане к имени «Непр» (Днепр) отчества «Слаутич»: «И не доежаючи быстра Непра Слаутича», «поеду, поеду посмотрю быстра Непра Слаутича. И приезжает Сухан ко быстру Непру Слаутичю», «Да едет Сухан ко быстру Непру Слаутичю на берег». В других случаях читаем в повести «Непр-река» (один раз) или «быстрой Непр» (три раза).

Из памятников древнерусской литературы лишь одно «Слово о полку Игореве» знает обращение «Днепре Словутицю». В украинских думах отмечена форма «Дніпр Славута».[1]

Возникает вопрос: откуда автор повести о Сухане мог узнать такую редкую форму названия Днепра? Если допустить, что этот служилый человек нес службу где-то на южных границах Русского государства, смежных с Украиной, чем и объясняется его интерес к сюжету, изображающему встречу русского богатыря с татарским войском именно у «быстрого Днепра», то вполне возможно, что в этом районе он мог слышать украинские думы. Ведь почти не прекращавшаяся в течение всего XVII века на Украине народная война против шляхетской Польши и ее союзников — крымцев и турок — вызывала нередко переход украинского населения на территорию пограничных русских областей. Но самая форма «Слаутич», несколько отличная от «Славуты» дум, может навести и на иное предположение. Может быть «Задонщина», широко использовавшая «Слово о полку Игореве», взяла из этого своего идейно-художественного образца и наименование Днепра — «Днепр Слаутич», но в сохранившихся списках (как известно, не вполне исправных) в этом необычном словосочетании при переписке отчество отпало, а сама река именуется то «Непр», то «Днепр». Можно также предположить, что «Сказание о Мамаевом побоище» в каком-то из утерянных списков было связано именно с тем текстом «Задонщины», в котором еще читалось наименование Днепра «Слаутичем», и что автор повести о Сухане знал «Сказание» в таком не дошедшем до нас тексте. Наконец, возникает и четвертое предположение — что автор повести о Сухане был знаком и с самим «Словом о полку Игореве». Однако последнее мало вероятно, так как трудно допустить, чтобы воздействие этого высокохудожественного памятника оказалось бы ограниченным усвоением из него одного эпитета «Славутич». Вероятнее все же, что этот эпитет стал знакомым автору повести через украинскую народную поэзию.

3

Выше мы уже отмечали, что, перерабатывая былину или перенося в свою повесть мотивы воинского стиля, автор иногда тем самым сближал свой рассказ с исторической действительностью. Устнопоэтические и литературные припоминания помогали ему в отдельных случаях облечь в художественную форму

---

[1] В. Перетц. Слово о полку Ігоревім, стр. 309.

свои жизненные наблюдения. В повести о Сухане есть, однако, и такие отражения воинской или охотничьей практики XVII века, форма которых в рассказе совершенно независима от фольклорных или литературных воздействий.

Непосредственным отражением воинского быта, в частности условий пограничной военной службы, было, очевидно, появление в повести о Сухане «человека с прапором», извещающего богатыря о приближении вражеского войска. В былине, как мы видели, об этом рассказывает «Непра-река». Снимая в данном случае поэтическую условность, автор повести заменяет беседу Сухана с рекой, отвечающей на вопрос богатыря, сообщением пограничного стража. В повести Сухан видит, что «по заречью ездит человек, а волочит за собою копье с прапором да вопит громко голосом». Именно этот человек и сообщает Сухану о переправе войска, упрекая его, что он «славен в Киеве велик богатырь» «по ся мест не ведает» об этом. «Да молвил слово и поехал прочь», — добавляет автор, воссоздавая образ пограничного стража, измученного до того, что он уже «волочит» по земле «копье с прапором» — необходимое сигнальное снаряжение пограничника-вестового.[1] Известив Сухана, он едет дальше, чтобы предупредить о приближении врагов.

Этот образ создан со знанием военной практики пограничной службы, и, может быть, лишь самая мысль заменить говорящую реку стражем была поддержана воинскими повестями, в которых пограничный страж, извещающий о нападении врагов, встречается нередко. Он есть в «Сказании о Мамаевом побоище», в «Казанской истории», «Повести о прихожении Стефана Батория на град Псков», о нем вспоминают летописные повести, повествующие о борьбе с татарами, половцами и др. Однако ни в одном из литературных произведений нет так реалистически выписанного портрета пограничника, встревоженного нашествием врага, упрекающего богатыря за его беспечность, утомленного до того, что он не в силах нести свой «прапор» и тем не менее спешащего дальше, чтобы разнести весть о грозящей стране опасности. Этот портрет создан целиком самим автором повести о Сухане.

Не случайно, повидимому, автор повести о Сухане так подчеркнул уже в самом начале рассказа любовь своего героя к «потехе кречатной». Ряд деталей в повести показывает, что с практикой соколиной охоты он был знаком основательно. Сухан выезжает на «потеху кречатную» «с красным кречятом, на праздник на усекновение чесныя главы Ивана Предотечи»;

---

[1] Устав ратных... дел, т. I, СПб., 1777 (издание В. Рубана), стр. 31, 61.

перед боем богатырь «мечет кречата с руки далече и рукавицу о землю бросает». Внешний облик охотника с ловчей птицей на руке нарисован здесь вполне точно и даже день выезда его на «потеху», как увидим, не случайно приурочен к празднику Ивана Предтечи. Все перечисленные подробности вошли в рассказ прямо из запаса наблюдений автора над обычаями соколиной охоты.

В былинах богатыри нередко, как и Сухан, выезжают «потешиться» охотой с ловчими птицами. В былине «Алеша Попович и Илья Муромец» «Поленица приудалая» представляется взору «Алешеньки» так:

А и едет она потешается:
На левом-то плече у ней ясен сокол,
На правом-то плече у ней белый кречет.
(Тих. и Мил., II, стр. 108).

В былине «Илья и Сокольник» «молодец» охотится с ловчим псом и соколом:

Испод стремени борзой выжлец выскакивает,
У молодца с плеча на плечо сокол перелетывает.
(Рыбников, II, стр. 513).

Однако в эпосе кречеты никогда не называются «красными»; они или упоминаются здесь без всякого эпитета, или же чаще всего с эпитетом «белый».[1]

В древнерусской литературе образ охотничьей птицы — кречета встречается не один раз.[2] Однако кречет ни разу не называется там «красным», иногда под влиянием устнопоэтической традиции вводится эпитет «белый». Так, в «Повести о Горе и Злочастии» «горюшко» гонится за молодцом «белым кречетом».[3] Чаще же всего в воинских и исторических повестях упоминание о кречете не сопровождается никаким эпитетом. Таким образом, зависимость этого образа от литературы тоже не может быть подтверждена примерами.

---

[1] См, например, предметные указатели к былинам Рыбникова (т. III, изд. 2, М., 1910, стр. 410), Гильфердинга (Сборник ОРЯС, т. 61, вып. 2, СПб., 1909, стр. 74), «Былинам старой и новой записи», «Сборнику Кирши Данилова» (СПб., 1901) и другим сборникам памятников устнопоэтического творчества.

[2] См. примеры в книге В. П Адриановой-Перетц «Очерки поэтического стиля древней Руси» (стр. 78, 79, 82).

[3] П. К. Симони. Повесть о Горе-Злочастии. Сборник ОРЯС, т. 83, № 1, СПб., 1907, стр. 47. В повести 1606 года кречет назван также «белым» (В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси, стр. 79).

Появление в литературе и народной поэзии образов охотничьих птиц — кречета, сокола и др. — связывается с практикой соколиной охоты, с большой любовью феодального общества к охоте и к кречету как охотничьей птице.[1]

Автор повести о Сухане был знаком с обстановкой соколиной охоты и потому назвал кречета «красным». Только в охотничьей практике встречается наименование кречета «красным», по цвету перьев этой разновидности соколиной породы. «Цвет оперения красного сокола на солнце отливает пурпуровым оттенком, отсюда в старину он получил название красного».[2] С названием «красный кречет» мы встречаемся в «Уряднике сокольничья пути» царя Алексея Михайловича. Здесь в числе лучших ловчих птиц царя указан «красный кречет» под кличкой «Гамаюн», отличавшийся особой силой и ловкостью в охоте. В личной переписке того же царя со стольником А. И. Матюшкиным неоднократно упоминаются «красные кречеты»: «. . . в прошлую пятницу поутру красной кречет добыл коршака в Тверских полях. . . в четверг той же недели добыл красной кречет Гамаюн одного коршака».[3] «Красные кречаты» считались самыми лучшими ловчими птицами и были наиболее дорогими, в особенности самки. Серые и крапленые соколы и кречеты в царскую казну не принимались. В числе дорогих подарков шаху Аббасу были поднесены от царя Алексея Михайловича несколько «красных кречетов».[4]

Знакомство с обстановкой соколино-кречетной охоты подсказало автору повести о Сухане не только наименование кречета «красным», но и воспоминание о том, что на руке богатыря была охотничья рукавица, употреблявшаяся именно при охоте с птицей. Узнав о приближении врагов, Сухан

И мечет кречата с руки далече
И рукавицу о землю бросает.

Рукавица была необходимой принадлежностью любителя кречетной охоты и носилась на правой руке для того, чтобы быстрее и ловчее запускать ввысь сокола или кречета.[5]

---

[1] В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси, стр. 83.

[2] В. Лаврентьев. Соколиная охота (Охотничья библиотека, вып. IV), СПб., 1886, стр. 9.

[3] Письмо царя Алексея Михайловича к А. И. Матюшкину. В кн.: Собрание писем царя Алексея Михайловича, М., 1856, стр. 80 и 82.

[4] Н. Кутепов. Царская охота на Руси царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, XVII в., т. II. СПб., 1895, стр. 291. О наименовании кречетов «красными» см. там же, стр. 71, 186—188.

[5] В. Лаврентьев. Соколиная охота, стр. 21.

Выезд Сухана на охоту в повести, как выше указано, приурочен к празднику Ивана Предтечи:

Лучилось ему выехать с красным кречятом
На празник на усекновение чесныя главы Ивана
Предотечи.

Введение этой детали объясняется тем, что в военно-служилой среде Иван Предтеча считался покровителем всякого дела, связанного с боевыми действиями, с проявлениями мужества, и выезд в поход или на охоту в день памяти этого святого признавался хорошим предзнаменованием. С 29 августа, когда праздновалась память «усекновения главы» Ивана Предтечи, начинался осенний и самый лучший период соколиной и кречетной охоты.[1]

В литературных произведениях XVII века военный культ Ивана Предтечи как «заступника» казачества наиболее ярко отразился в цикле повестей о взятии и обороне Азова от турок, возникшем в казачьей среде. В этих повестях казаки считают Ивана Предтечу своим главным патроном: ставят в его честь церкви, пишут иконы, верят, что он помогает им топить турецкие бусы, разбивать вражеские стены, своевременно предупреждает их о готовящейся опасности. В «Сказочной» повести казаки перед выступлением в поход собираются в круг и молятся образам Ивана Предтечи и Николы чудотворца (Воинские повести, стр. 85).[2]

★

Мы рассмотрели ряд случаев, где автор повести о Сухане отступал от своего основного источника — былины о Сухане и вообще от традиции былинного стиля. Он вводил не свойственные былинам образы, сравнения, дополнял рассказ новыми подробностями, выполнявшими конкретную художественную функцию. Если и невозможно доказать в каждом отдельном случае, что эти отступления от былинного стиля опираются именно на определенный литературный образец — летописный рассказ или внелетописную историческую повесть, — то в целом большая

---

[1] В. Лаврентьев. Соколиная охота, стр. 21.

[2] В одном из списков поздней редакции «Сказания о Мамаевом побоище», испытавшей на себе влияние летописи и фольклора, встречаем известие, что выступление Димитрия Донского в поход состоялось в день праздника Иоанна Предтечи — «в четверк, августа 29 день, на память усекновения главы Иванна Крестителя, по заутрени» (См: Поведание и Сказание о побоище великого князя Димитрия Донского. Изд. И. Снегирева. Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей российских, т. III, кн. 1, М., 1838, стр. 28).

часть отличий повести о Сухане от былин свидетельствует о том, что автор ее был неплохо начитан и владел книжным воинским стилем. Он пользуется средствами этого стиля умеренно, в том их виде, который был выработан в летописи и воинской повести еще в XII—XIII веках, когда эти литературные жанры были прочно связаны с языком воинской практики и устным эпосом.

Среди других образцов литературных повестей о борьбе с татаро-монголами «Сказание о Мамаевом побоище», очевидно, представлялось автору повести наиболее полным выражением идеологии воина — защитника родины, который жертвует жизнью, охраняя ее от врагов, и наградой для которого является «славное имя» у современников и потомков. Украшенный стиль боевых картин «Сказания» не привлек внимания автора повести о Сухане, который предпочел ему менее изысканную манеру старших воинских повестей. Но окрашенные религиозной чувствительностью речи героев «Сказания» о воинском долге защитника родины и веры и характеристика Мамая и его воинов как врагов всей русской земли, «православных христиан», врагов, оскорбляющих их национальное достоинство, наложили заметный отпечаток на изображение богатыря Сухана и его противника — царя «Азбука Товруевича». Именно «Сказание» помогло внести в характеристику былинного богатыря черты, сблизившие его со служилым человеком XVII века. Однако традиции воинских повестей не нарушили эпической основы образа Сухана, не отклонили автора повести о Сухане от его главной задачи — воплотить свои представления о патриотическом долге служилого человека в образе богатыря, народного героя. Поэтому князь «Манамах Владимерович» в его рассказе остался лицом эпизодическим, и даже оценку подвига Сухана дает не он, а мать богатыря. Литературные образцы не отдалили автора повести о Сухане от глубокого понимания былинных богатырей — подлинных защитников национальной независимости родины. Воинская сила народа, защищающего родину от врагов, и в повести олицетворена в образе богатыря, один на один сражающегося с целым войском «царя Азбука».

Начитанность автора повести о Сухане оставила незначительный след на его языке. Название праздника — «усекновение честныя главы Ивана Предотечи», молитвенные обращения — «О, царице богородице! Утоли стремление безумное, смири сердце нечестивое... осквернити место чюдотворное», торжественная речь плачущей матери богатыря — «совершенье учинил... дорос человечества», название предков — «прародители», однажды в начале повести употребленная книжная форма

«бысть» — вот и все в лексике и фразеологии повести, что может быть оценено в ней как «книжное».

Однако это «книжное» не может быть резко противопоставлено основной ткани языка повести. Исследование языка записей былин XVII века привело А. П. Евгеньеву [1] к выводу о том, что между фольклором и письменной литературой XVII века существовали «совершенно иные отношения» по сравнению с отношениями их в XVIII—XX веках: «В XVII в. гораздо шире происходило взаимное проникновение книжного в разговорный и разговорного в книжный язык, чем это обычно представляется». А язык былин в записях XVII века — «это живой язык эпохи... чрезвычайно близкий к языку светских памятников XVII в., отражающих живой разговорный язык».[2] Таким образом, язык повести о Сухане для читателя XVII века не представлялся непривычно смешивающим «книжную» и живую речь. «Книжные» по происхождению слова и формы входили в живой язык грамотного человека XVII века, и наличие их в повести о Сухане закономерно для этого времени. Приведенные выше сопоставления указывают и на источник, откуда автор повести обогащал свой язык, — одним из таких источников была историческая литература.

Повесть о Сухане свидетельствует о том, как органически соединялись в сознании определенных читательских кругов XVII века народнопоэтические — былинные и выработанные позднее в исторических песнях — приемы изображения борьбы русского народа против иноземных захватчиков с традиционными способами описания ее в воинских повестях, преимущественно на темы боевых столкновений с татаро-монгольскими войсками. Именно значительная близость самого понимания писателем и народными поэтами задач борьбы, опасности, грозившей национальной независимости от врагов, которые не только стремились захватить русские земли, «пленить» русский народ, но и намеревались «искоренить» его национальную культуру, определяла в течение всего феодального периода тесное взаимодействие между устнопоэтическим историческим эпосом и обширной областью литературного исторического повествования.

XVII век был временем, когда самое изменение задач исторического повествования в той демократической среде, которая создавала теперь свою литературу, усиление и в исторических жанрах художественной стихии повлекло за собой более энер-

---

[1] А. П. Евгеньева. Язык былин в записях XVII в., стр. 171.
[2] Там же, стр. 176.

гичное сближение с народной поэзией, прежде всего с былинами и историческими песнями.

В демократической среде, прямо связанной с военной службой (автор повести «о преставлении» Скопина-Шуйского — участник его походов; азовские повести сложены свидетелями азовского «взятия» и «осадного сидения»), создавалась новая разновидность исторической повести, либо косвенно посвященной воинской теме, как «Повесть о преставлении Михаила Скопина-Шуйского», в которой дается посмертная оценка воинских заслуг воеводы, либо целиком отведенной описанию военных событий, как в азовском цикле.

Автор повести о Сухане был также, повидимому, выходцем из военно-служилой среды.[1] Идейно-художественное содержание его произведения свидетельствует об особом интересе автора к теме защиты родины, о высокой оценке им «службы государевой» воинских людей, о знакомстве с практикой военного дела и обычаями охотников, о начитанности в литературе воинских повестей древней Руси и вместе с тем об отличном знакомстве с народным историческим эпосом — с былинами и историческими песнями, преимущественно изображавшими борьбу русского народа с нашествиями «неверной силы». Этот автор явно искал новой формы художественного воплощения именно

---

[1] Об интересе к этой повести в военно-служилой среде свидетельствует то, что владелец и, повидимому, переписчик рукописи «Прохор Иванов сын Плохово», оставивший свою запись на ней, носил фамилию, весьма распространенную в служилой среде в XVI—XVII веках, в частности во Владимирской области с середины XVII века был известен служилый род дворян Плохово (см.: Алфавитный список дворянских родов Владимирской губернии. Составил М. И. Трегубов. Владимир, 1905, стр. 146). Фамилию Плохово носили в XVI—XVII веках и военные и приказные служилые люди (см.: П. И. Иванов. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива министерства юстиции, М., 1853, стр. 325—326; Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции, т. I, СПб., 1869, стр. 338, т. X, М., 1896, стр. 50; Указатель к первым десяти томам дополнений к Актам историческим, СПб., 1875, стр. 111; Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода, т. VI, СПб., 1883, стр. 242, № 152; Сборник имп. Русского Исторического общества, т. 62. Азбучный указатель имен русских деятелей. СПб., 1888, стр. 161, 735; Указатель к первым восьми томам Полного собрания русских летописей, часть II, СПб., 1898, стр. 181; А. Барсуков. Списки городовых воевод и других лиц воеводского Управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902, стр. 541; Н. М. Тупиков. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб. 1903, стр. 306, 695; Н. Н. Голицын. Указатель имен личных, упоминаемых в дворцовых разрядах. СПб., 1912, стр. 195; Сборник Московского архива министерства юстиции, т. VI, М., 1914, стр. 473; С. К. Богоявленский. Приказные судьи XVII в. М., 1946, стр. 284).

данной темы и смелее, чем создатели азовских повестей, пошел по пути сближения с народной поэзией. Не связанный практической задачей, какая стояла перед авторами двух старших повестей об Азове — исторической и поэтической, он прославил победы русского народа над степными врагами, не прикрепляя свой рассказ к определенному историческому событию. Автор решительно претворил народнопоэтическое описание воинского подвига русского богатыря в литературное, усилив в нем реалистичность за счет введения новых черт в характеристику героя и в описание боевой обстановки и использовав при обработке былинных источников поэтические средства литературных воинских повестей.

Та смелость, с какой автор переработал былину о Сухане, осторожность, с какой он выбирал из литературных приемов лишь те, которые не противоречили идейно-художественной сущности его основного источника — былины, характеризует незаурядное литературное дарование этого неизвестного писателя.

Повесть о Сухане вносит бóльшую ясность в наше представление о том, какими разнообразными путями сближения с устной народной поэзией демократическая литература второй половины XVII века искала новых средств художественного выражения своих тем. Героический эпос, сложившийся в основном в условиях раннефеодального древнерусского государства и в период феодальной раздробленности, в века напряженной борьбы русского народа с половцами и татаро-монголами, послужил во второй половине XVII века, вместе с исторической песней эпохи создания и укрепления централизованного Русского государства, основой для воплощения воинской темы. Народный эпос направил демократического писателя, выражавшего патриотическую идею защиты родины от захватчиков, на путь сложения своеобразной воинской повести, ближе стоящей именно к устной поэтической традиции, чем к устоявшимся формам литературного воинского жанра, уже закончившего во второй половине XVII века свое развитие.[1]

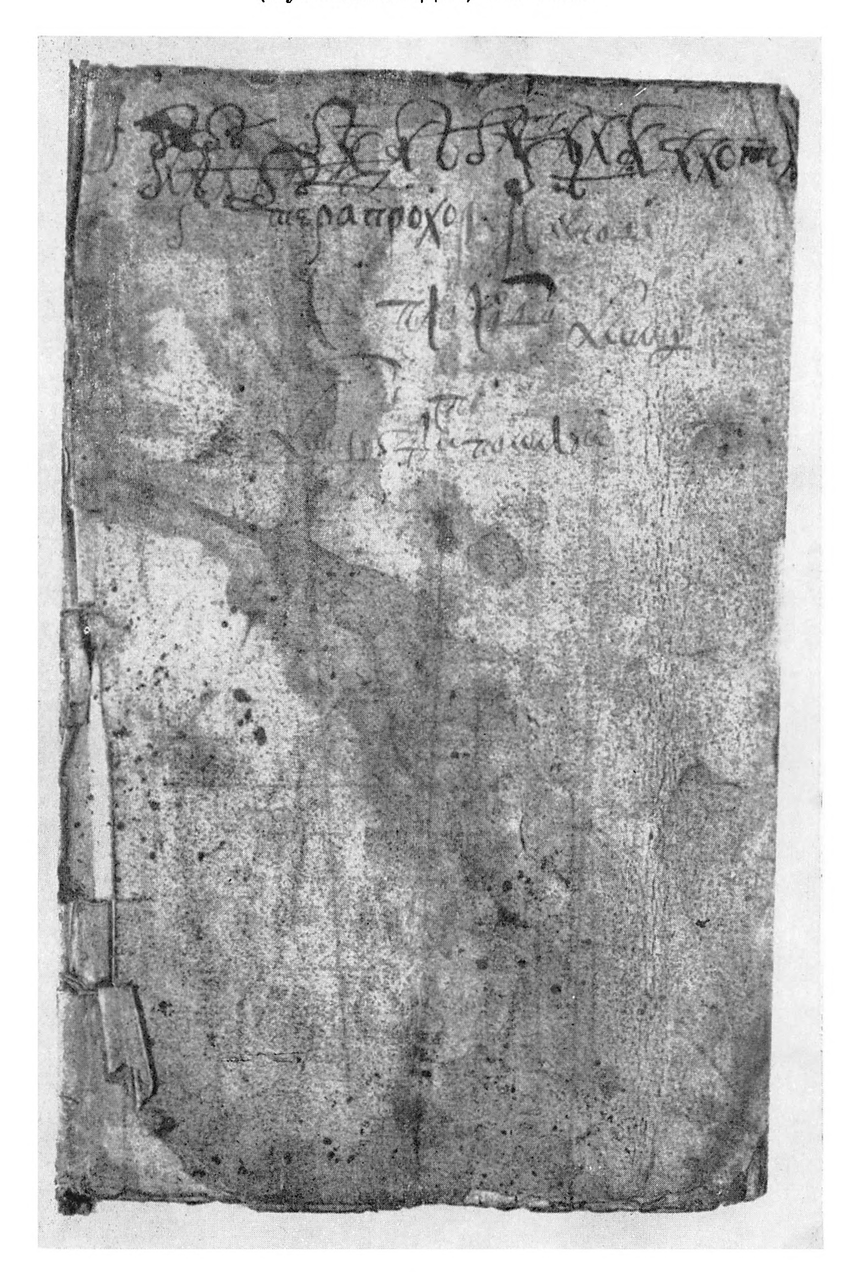
[1] В вышедшем недавно новом издании «Истории древней русской литературы» Н. К. Гудзия повести о Сухане посвящен специальный раздел, но там повесть без приведения аргументации относится к XVI в. (Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. Издание шестое исправленное, Учпедгиз, М., 1956, стр. 345—346).

ПРИЛОЖЕНИЯ

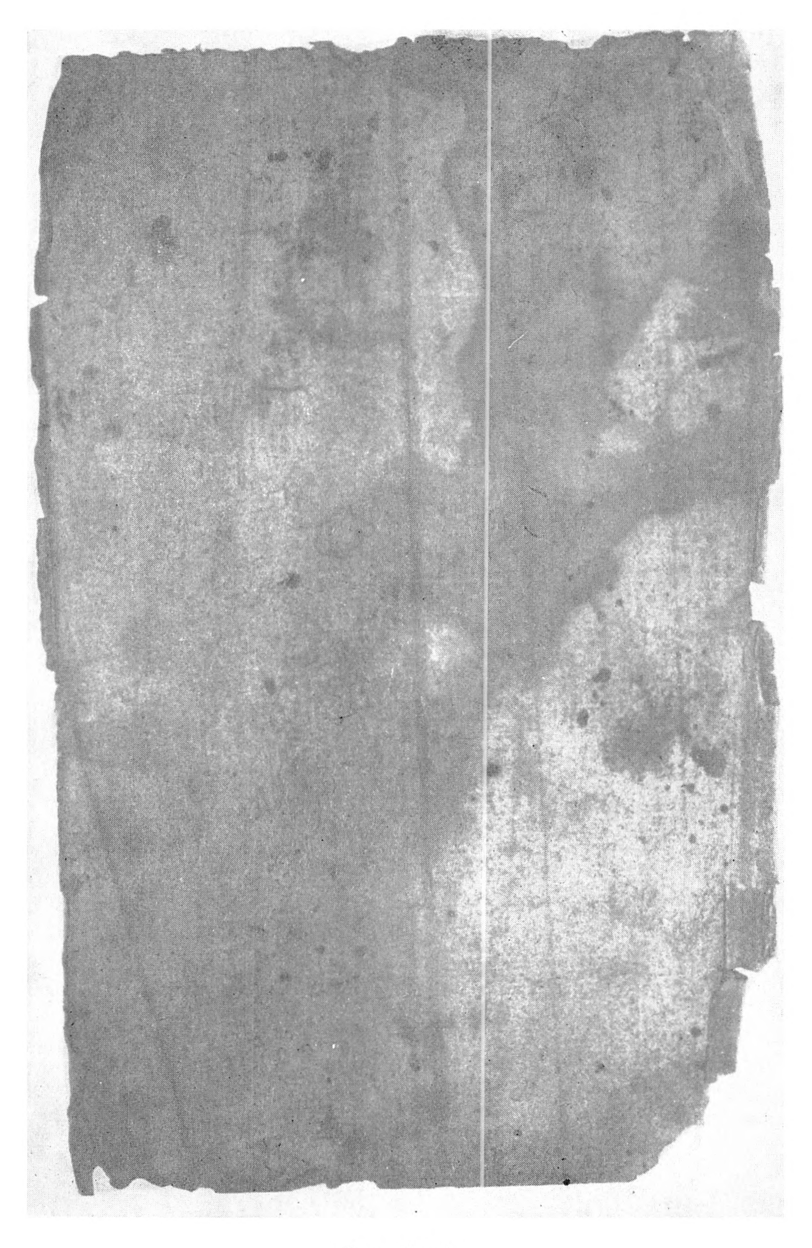
ПРИЛОЖЕНИЕ I

ФОТОКОПИЯ РУКОПИСИ «ПОВЕСТИ О СУХАНЕ»

Рукопись конца XVII века Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР

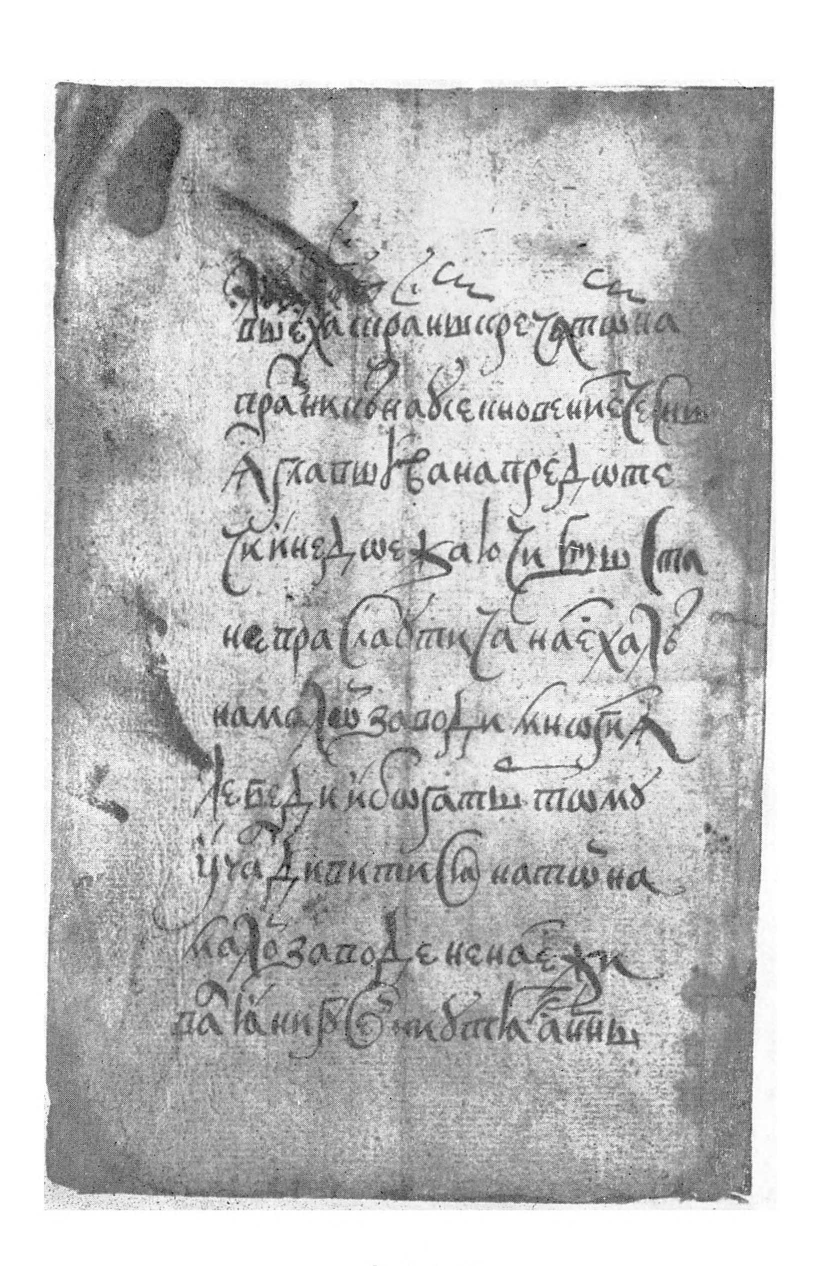


Лист 1.



Лист 1 об.

Лист 2.



Лист 2 об.

Лист 3.

Лист 3 об.

Лист 4.

Лист 4 об.

Лист 5.

Лист 5 об.

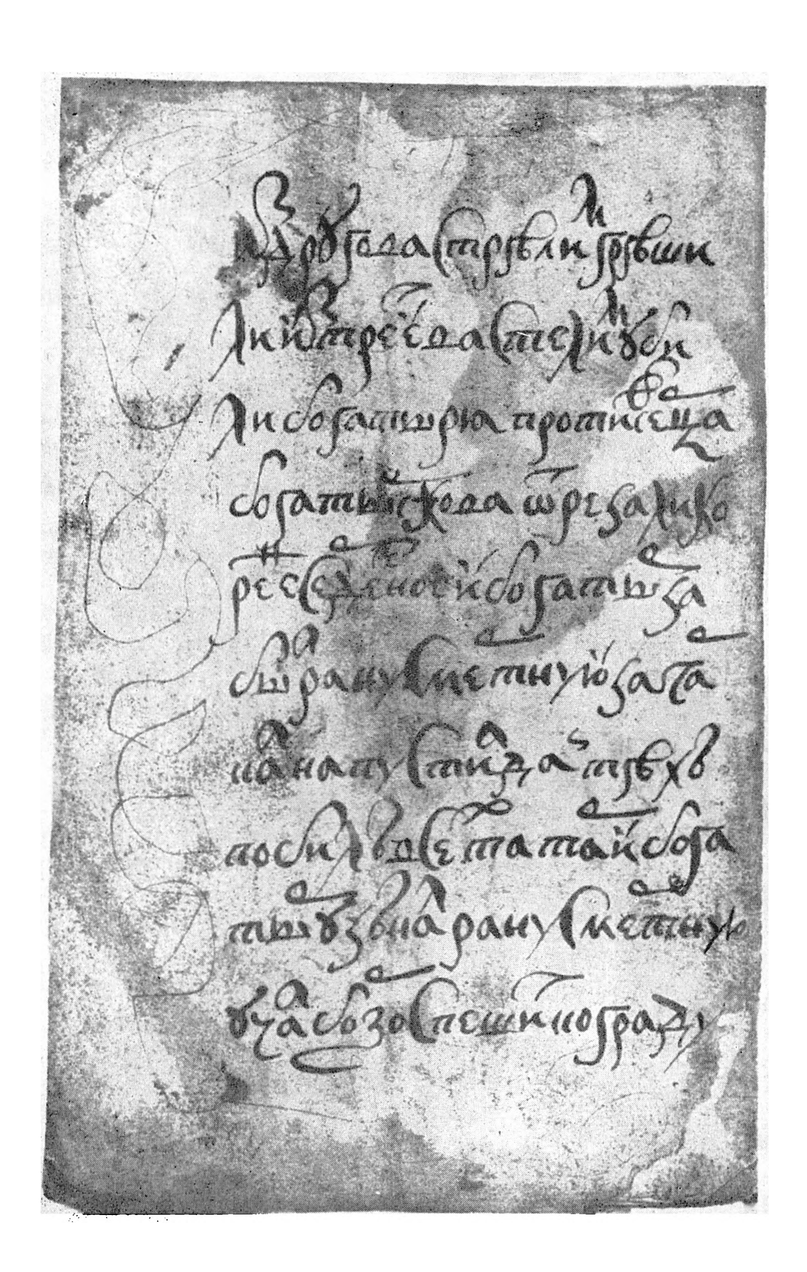
Лист 6.

Лист 6 об.

Лист 7.

Лист 7 об.

Лист 8.

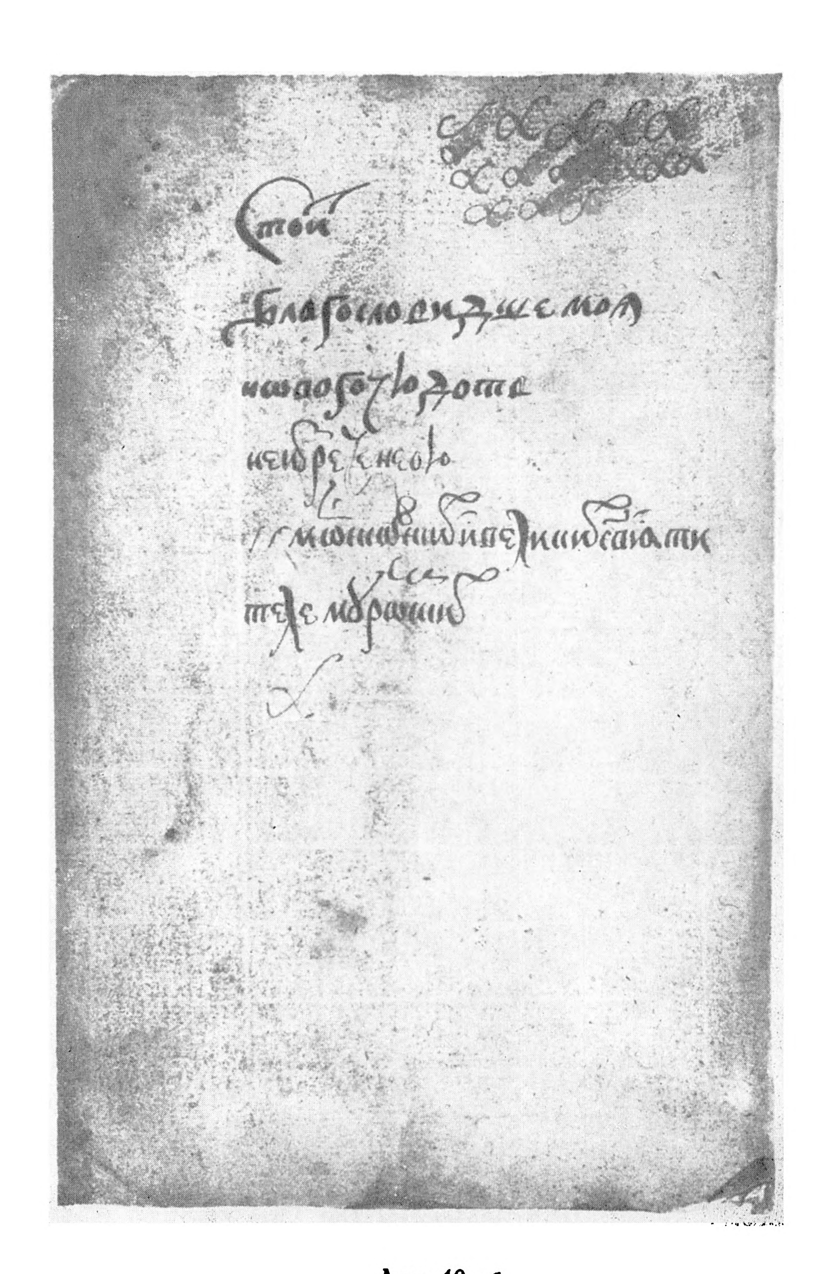


Лист 8 об.

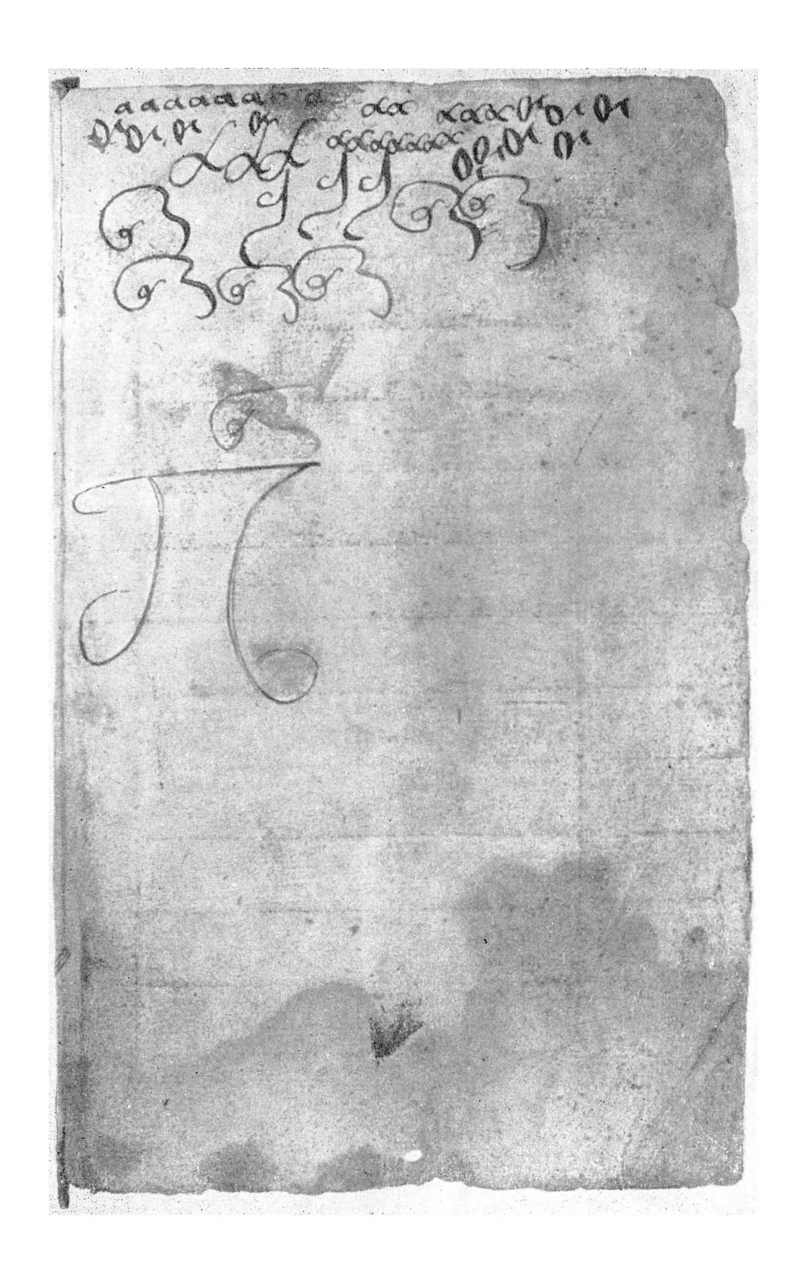
Лист 9.

Лист 9 об.

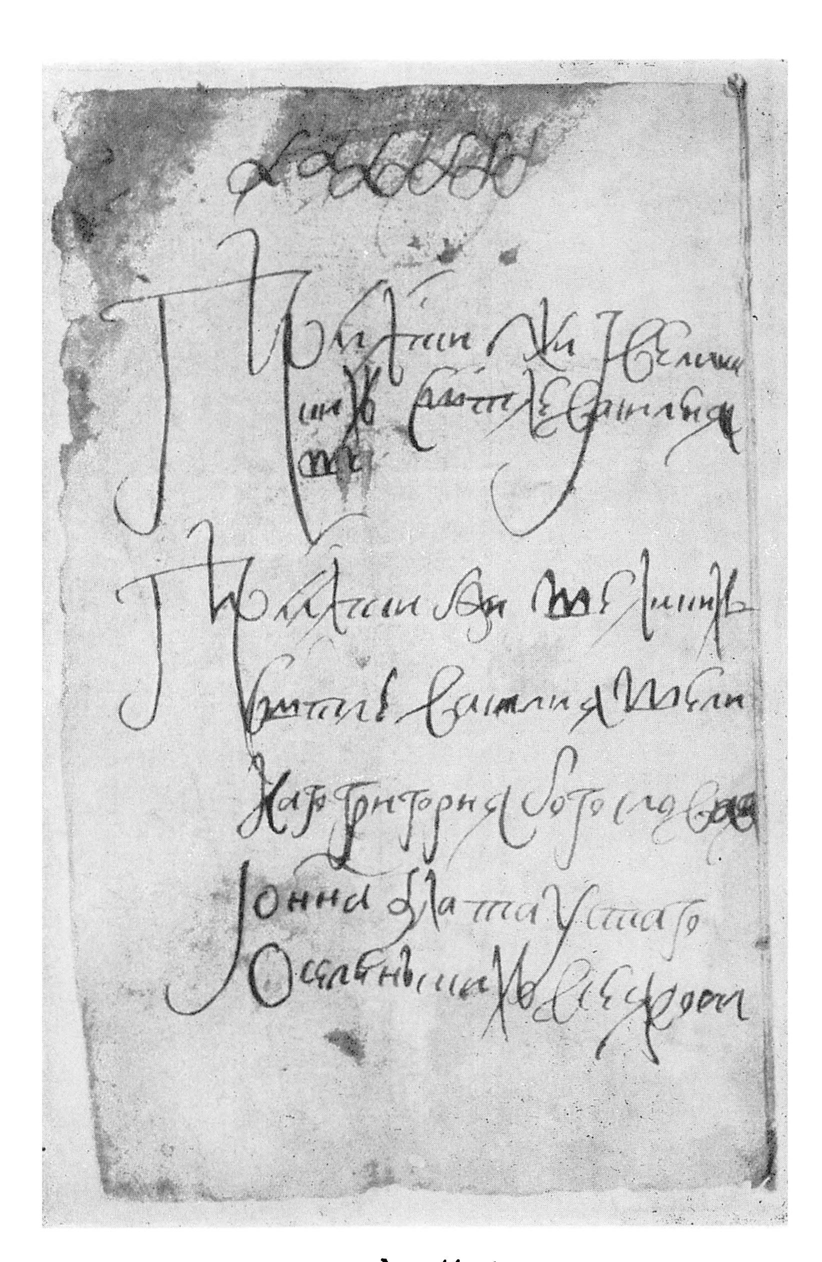
Лист 10.



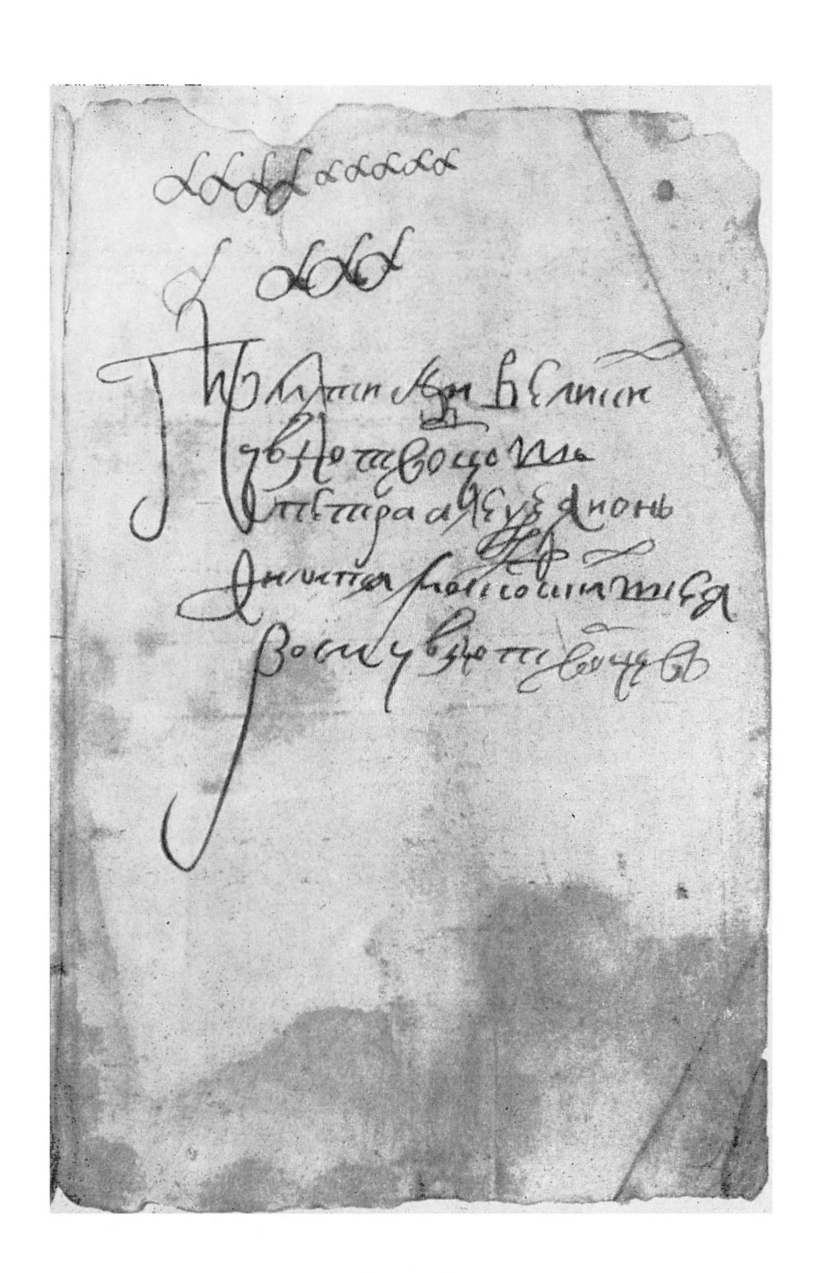
Лист 10 об.



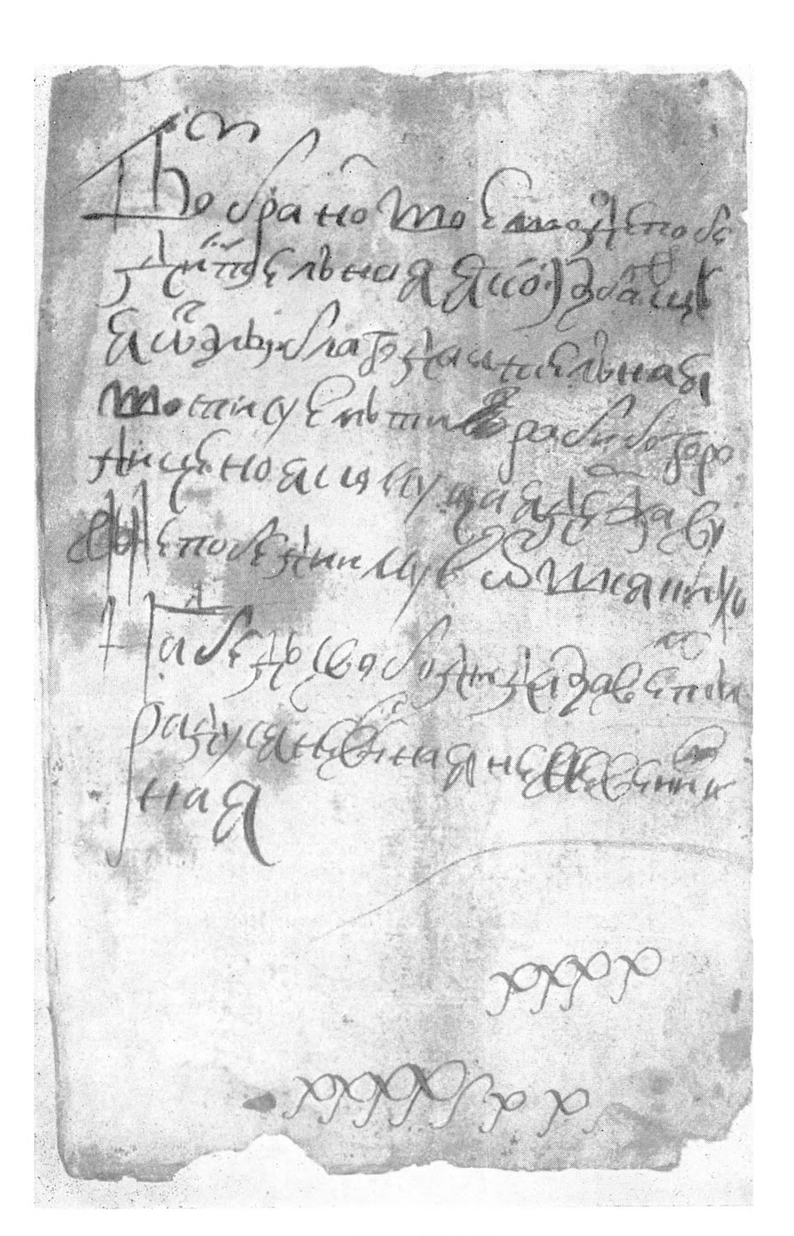
Лист 11.



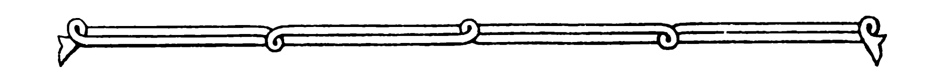
Лист 11 об.



Лист 12.



Лист 12 об.



ПРИЛОЖЕНИЕ II

ТЕКСТЫ «ПОВЕСТИ О СУХАНЕ»

а. ОПИСАНИЕ РУКОПИСИ

Рукопись повести о Сухане представляет собой небольшую тетрадку, размером в восьмую долю листа, в бумажной обложке сероватого цвета. Бумага обложки начала XIX века. Обложка тетрадки прикреплена в рукописи белыми шпулечными нитками.

Тетрадка, не считая обложки, состоит из 12 листов: на девяти из них (лл. 2—10) находится текст повести о Сухане, а остальные три листа (лл. 1, 11, 12) чистые. Рукопись имеет грязный, зачитанный вид, некоторые листы ее надорваны, другие с неровными, до махров заношенными краями. Особенно затерт и загрязнен не имеющий текста первый лист, повидимому долго служивший ранее вместо обложки. По затертости листов можно заключить, что рукопись читалась очень часто. Когда-то рукопись была сложена крайними листами во внутрь и находилась, вероятно, в таком положении длительное время. В сложенном виде от нее оторвались и потеряны один лист с текстом, оказавшийся вместо середины наверху, и парный ему чистый лист из конца рукописи. Нынешний лист восьмой, бывший тогда наружным, очень запачкан и надорван в нижнем правом углу. Рукопись сгибали вдоль и поперек, и полоски от этих сгибов заметны на всех листах.

Тетрадка внутри распадается на две несшитые самостоятельные части. Первая часть из восьми листов прикреплена к обложке, а другая вложена в нее. На каждой из этих частей сохранились следы старой сшивки льняными нитками «в угол». Нумерации листов в тетрадке нет.

Почерк рукописи — скоропись одной руки. Письмо прямое и довольно четкое. В начале оно более убористо и буквы мельче, а с листа пятого, написанного в отличие от всех других менее старательно, оно становится несколько разгонистей и крупнее, но общий характер письма не изменяется.

Текст написан в один столбец, в сплошную строку, без разделения на слова и фразы; лишь в двух случаях поставлена точка в конце строки, но совершенно произвольно. На последнем, десятом, листе текст расположен в форме воронки. Количество строк на листе не одинаково: лл. 2, 5—8 имеют их по десяти, лл. 3 и 4 — по одиннадцати, а лл. 3 об., 4 об., 9 и 10 — по двенадцати строк. Линии строк в общем ровные, так как писец пользовался тираксой. Разлиновка этим прибором заметна на первом листе, а потом следы тираксы заметны с л. 5 и до конца рукописи, но не всегда одинаково отчетливо, причем л. 1 имеет более узкие промежутки между линиями, чем остальные листы. Возможно, он разлинован был отдельно другой, более мелкой тираксой.

Текст повести не имеет заглавия. В начале его стоит небольшой инициал «В», нарисованный пером, одинаковыми со всей рукописью чернилами. Выполнен он грубовато и состоит сплошь из несложных завитушек, кружочков и точек. В конце текст замыкается простеньким маленьким значком типа росчерка пера в виде нескольких переплетенных между собой прямых и изогнутых линий с круглыми и продолговатыми петлями на концах.

Чернила всей рукописи одни — черные с сероватым оттенком.

На основании почерка рукопись можно датировать концом XVII века. Перед нами типичная скоропись начала петровского времени. В письме ее уже сказывается ряд общих характерных признаков этой эпохи, как то: стремление к округлости букв, хотя соблюдается и принцип свободных, размашистых движений, разнообразие всяких соединений, связных написаний строчных букв с надстрочными, соединений внутри строки, значительное число сокращений слов и пр.

Начертания отдельных букв тоже указывают на конец XVII века: «я» с полукруглой головкой и длинными ножками, опущенными за линию строки, наклоненное всем остовом влево, причем правая ножка буквы более толстая и длинная; «з» — серповидное, с длинной, немного изогнутой рукояткой, наклоненной вправо и имеющей посредине черточку, нижней частью (серпом) свисающее за линию строки; «в» — надстрочное в виде калачика; «ъ» имеет вверху большой крючок и в ряде случаев посредине мачты черточку; «д» — с головкой, направленной вправо; «ц» похоже на латинское «зет» с красивым росчерком внизу; «ю» — змеевидное, с изящной петлей в нижней части и иногда с перекладинкой посредине буквы; «у» имеет вид старого полууставного изображения этой буквы; «м» вы-

носное имеет в правой части длинный зигзагообразный хвост, поднятый вверх; «г» выглядит, как латинское «v»; «ь» пишется с большой петлей в виде цифры «8» в верхней части буквы. Все это — нововведения последних двух десятилетий XVII века.

Следует отметить, что перечисленные выше буквы встречаются в рукописи и в других, более старых своих начертаниях. В рукописи наблюдается также связное написание выносных букв «ли», получившее распространение в скорописном письме только во второй половине XVII века. Вообще в нашей рукописи приходится различать два вида начертаний отдельных букв: с одной стороны, близкие к середине XVII века, а иногда даже и к более раннему времени, а, с другой стороны, такие изображения букв, которые получили распространение только в конце XVII столетия, и такие, которые являются нововведением лишь этого времени.

Бумага рукописи — плотная и несколько шероховатая, с желтоватым оттенком. Водяной знак ее — голова шута в зубчатом воротнике с пятью бубенцами. Бумага с таким водяным знаком характерна для рукописей третьей четверти XVII века, но нередко встречается и в рукописях конца XVII столетия.[1]

Таким образом, и почерк и бумага рукописи говорят за последнюю четверть XVII века.

На полях и чистых листах рукописи находится много различных надписей и приписок (в большинстве — пробы пера), сделанных скорописными почерками XVII—XIX веков. На первом листе сохранилась владельческая запись.

Поскольку эти надписи, при всей их отрывочности и краткости, все же могут представить какой-то интерес при сличении с почерком рукописи и для полноты суждения о настоящей рукописи, перечисляем их в порядке их следования в ней.

Л. 1. 1) Повторяющееся много раз изображение букв «о», «т», «у», «х» и лигатуры «бе»; 2) владельческая запись: «Тетрать Прохора И[в]анова сы[на] Плохово»; 3) молитвенные слова: «аминь», «господи помилуй». Почерк надписей, особенно владельческой записи, близок к тому, каким написан текст повести о Сухане. Все надписи расположены в верхней половине листа.

Л. 2. На верхнем поле: «арьщинь з десятью верьщьками», почерк конца XVIII в. На правом поле: «Милостивому моему мужу», «Милостивому», почерк первой половины XVIII в. На нижнем поле: «вт вели Дит» (?), почерк XVIII в.

---

[1] В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1920, стр. 88, 91. См. также известные труды по филиграням К. Тромонина, Н. П. Лихачева и др.

Л. 4. На верхнем и нижнем полях имеется изображение буквенных соединений «ст», почерк начала XIX в.

Л. 5. На нижнем поле почерком начала XVIII в. написано: «Путиим (?) же и ратня».

Л. 10 об. В верхней части — изображение буквы «а», повторенное несколько раз. В нижней части листа помещено пять отрывочных слов и фраз, написанных почерком, сходным с повестью: «стоит», «благослови душе моя», «нового чюдотв», «неизреченою», «московских и великих святителе муромских».

Л. 11. В самом верху имеет несколько вариантов буквы «а» и рядом изображено заглавное «П», почерк XVIII в.

Л. 11 об. В правом верхнем углу — несколько начерков буквы «а». Остальную часть листа занимают две отрывочные фразы следующего содержания, написанные скорописью XVIII в.: 1) «По милости божии и великих святителе Василия ве», 2) «По милости божии великих святителе Василия Великаго, Григория Богослова, Иоанна Златаустаго вселенъских вселен».

Л. 12. В верхней части помещено изображение буквы «а», повторенное несколько раз. Ниже — надпись, сделанная тем же почерком XVIII в., каким записаны две отмеченные выше фразы на л. 11 об.: «По милости божии великих чудотворцов Петра, Алексея, Ионы, Филипа Московских и всея Росии чудотворцев».

Л. 12 об. Большую часть этого листа занимает текст благодарственной молитвы «Возбранной воеводе». Внизу листа есть несколько начерков буквы «а». Почерк тот же, что на лл. 11 и 12.

Особенности правописания рукописи

1. Связные написания букв. Внутри строки связно пишутся следующие буквы: ив, ся, се, са, ег, аг, чю, бе, ог, те, бя, бъе. Строчные буквы соединяются с надстрочными в таких случаях: аз, ов, ет, их, ар, ор, ют, ут, ить, из, ер, уз. Из надстрочных соединяются ли, да.

2. Употребление твердого знака. В конце слов твердый знак пишется согласно установившейся традиции (орфографии). В середине слов он ставится после согласных «м», «н», «р», «т», «ж» и после приставок и предлогов, оканчивающихся согласной. Слова, имеющие твердый знак в середине: безумъное (л. 5), бусуръман (л. 5), горъдъ (л. 5), земълю (л. 5), крестьянъскую (л. 5), разърушить (л. 5), ординъскими (л. 6), узънал (л. 8 об.), Суханушъко (л. 9), служъбу (л. 9),

служъбе (л. 10). Помимо того, твердый знак использован еще при переносе в словах: смертъ/ную (л. 9), доротъ/цве (л. 10), храбръ/ости (л. 10), отъ/несла (л. 10).

3. Употребление мягкого знака. Постановка мягкого знака соответствует современным правилам правописания, за исключением нескольких примеров, когда он поставлен согласно старинным правилам в конце отчеств, оканчивающихся на шипящий звук («Дамантьевичь» — лл. 3 об. и 6, «Товруевичь» — л. 3 об.), в словах «ужь» (лл. 3 и 3 об.), «царьские» (л. 4) и «гордь» (л. 5).

4. Титла. Под титлами пишутся следующие слова: князе, нынеча, человек, день, царь, царевичей, царевичем, царские, государева, богу, царице, богородице, сердце, нечестивое, церкви, божии, ныне, царя, князя, князьям, государь, государю.

5. Употребление «а» иотированного, юса малого и «я». Употребление этих букв беспорядочное. Так, например, слово «многия», используемое в одинаковом значении, оканчивается и на юс малый и на «а» иотированное (лл. 2 об., 3, 7 об., и др.). Слово «оружия» имеет в окончании «я» и юс малый (лл. 4 об. и 5 об.). Еще в словах «татаровам» и «улановям» (л. 7 об.). Можно было бы привести и другие примеры произвольного использования указанных букв.

6. Выносные буквы и выносные окончания. Глаголы возвратной формы «лучилось», «смешалось», «умножилось», «осталось» написаны через выносную букву «с». Буква «с» стоит также над строкой при знаке титло в сокращенных словах: «нечестивое», «государевы», «государь», «государю», и при таком же значке в несокращенных словах: «красным», «старости», «послал», «дорос», «человечества», «несла», «рускую», «быстрой» и некоторых других. Надстрочных букв без титла в тексте довольно много. Среди них находятся почти все согласные буквы алфавита.

Из гласных над строкой пишется лишь «и» краткое, в том случае, если оно идет сразу же после гласного звука. В одном случае выносное «и» употреблено в качестве союза в фразе «да и тех побил». Выносные буквы встречаются в начале слова, в середине его и в конце, но большинство их, как правило, находится в конце слов, в окончаниях глаголов. Некоторые выносные буквы написаны под покрытием, другие без него.

7. Надстрочные знаки. Они имеются в рукописи в двух видах: в виде точки с полукруглым покрытием и в виде запятой, стоящей рядом с высокой черточкой, — значок, похожий на «исо» или «смычец». Эти значки последовательно стоят

над гласной в начале слова и над гласной, стоящей за гласной в середине и в конце слова. Первый значок чаще стоит в середине и в конце слова, а второй — над начальными гласными. Впрочем, последнее правило не везде соблюдено в рукописи. Видимо, писцу не совсем было ясно особое назначение каждого значка, и он путал их места. Эти значки ставятся также над гласной буквой в начале слова в том случае, если ей предшествует подударная гласная буква соседнего слова. На л. 7 об., в третьей строке, в слове «твоим» над буквой «и» поставлен значок в виде треугольника. Над буквой «и» в фразе «и руковицу бросает» (л. 4, строка 8) и над словом «Суханова» (л. 9 об., строка 6) имеются значки, похожие на знак титла, но отличные от него.

В рукописи соблюдается правило деловых приказных бумаг XVII века, по которому не умещающаяся часть слова никогда не переносится на оборотную сторону листа, но пишется тут же внизу на поле, на некотором отдалении от последней строки, а оборотный лист всегда начинается полным словом.

В тексте повести попадается немало описок и пропусков букв и слов. Большая часть описок потом была исправлена, недостающие слова дописаны над строкой и на поле листа одинаковым с текстом почерком, но часть погрешностей осталась неисправленной. Ниже указываем их.

8. Описки и исправления в тексте повести. Л. 2. В слове «дявяноста» (строка 7) первое «я» переправлено на букву «е» и вписано пропущенное «я» после «в» более мелким почерком. Два пропущенных слова «был» (строка 5) и «потехи» (строка 9) дописаны над строкой более мелкими буквами.

Л. 2 об. В начале первой строки, над словом «выехал» первоначально было написано слово «лучилось», ошибочно перенесенное сюда с л. 2, но потом оно было замазано. В той же строке, в слове «кречатом» буква «а» исправлена на «я». В строке 4 слово «быстра» написано с пропуском буквы «р» (недоежаючи быста Непра»).

Л. 3. Слово «Слаутичю» (строка 5) первоначально было написано с окончанием «а» в предложении: «приезжает Сухан ко быстру Непру Слаутича». Потом конечное «а» было переправлено на «ю». В строке 6 слово «река» написано как «рена».

Л. 3 об. Слово «людей» (строка 12) вначале имело окончание «м» («добре с ним людем много»), но затем буква «м» была замазана и вместо нее поставлено выносное «и» в виде хвостика.

Л. 4. Первоначальное написание слова «молъви» (строка 5) переделано на «молылъ» («да молылъ слово и поехал»).

Л. 4 об. В слове «вырвалъ» (строка 8) твердый знак написан поверх буквы «о» (первоначальное написание: Сухан «да вырвало падубок с коренем»). В слове «выезжает» (строка 10) буква «е» в окончании переделана из какой-то другой буквы, возможно «ю» («как выезжают Сухан из добровы»); в строке 12 того же листа слово «лелеются» переправлено из «белеютца» в фразе «не белое каменье на горах лелеются, белеютца доспехи их во всех полках».

Л. 5. В строке 2, над словом «поках», означающим искаженное написание слова «полках», пропущенное «л» приписано вверху к знаку титла. В слове «сердце» (строка 6), написанном под титлом как «срдце», буква «р» переделана из какой-то другой буквы.

Л. 5 об. Слово «оружие» написано через «ш» — «орушия» (стр. 5). В слове «учал» (строка 7) выносное «л» переделано из какой-то другой буквы, похожей на «в».

Л. 6. В слове «ломаются» (строки 1 и 2) «ю» переправлено из «и» (первоначальное написание «ломаится»). В строке 2 диттография — «копе-копейные». В строке 3 слово «татарские» написано с пропуском первого слога «та» («тарские»). В той же строке в слове «валяются» «я» в середине слова переправлено из буквы «ю» («валюются шоломы их с головами»), которая сначала была написана в виде высокой петли, а теперь к ней справа приделана буква «а», и таким образом сделано «а» иотированное. В строке 4 слово «татарскими» написано также с пропуском первого слога как в строке 3.

Л. 6 об. В слове «городу» (строка 4) буква «р» ошибочно переправлена на «л» — «быз голоду» (правильное написание «городу», т. е. заграждения из телег, без которого «не умеют битися»). Слово «телеги» (строки 7, 8) написано как «телелеги».

Л. 7. Слово «Сухан» написано как «Суханан» (строка 2). На строке 3 в слове «оборотится» буква «я», написанная сейчас как «а» иотированное, переделана из буквы «о» путем добавления к последней буквы «а» с соединительной черточкой (старое написание «оборотитсо»). В слове «вопит» (строка 7) «п» переправлено из какой-то другой буквы и спускается ножками за строку.

Л. 7 об. В слове «Владимира» (строки 2 и 3) конечное «а» переделано из буквы «о» (старое написание «от царя и великого князя Владимиро»). В строке 3, в слове «князь» буква «к» написана поверх бывшей буквы «о». В конце той же строки стоит

знак «крыж», который указывает, что слова «и татаровям и мурзам», написанные на левом поле листа с таким же знаком в начале их, относятся сюда. Вставка эта тоже сделана одинаковым с остальным текстом почерком. В конце строки 5, после слова «выехал» замазаны буквы «со», написанные ошибочно вместо буквы «у» в фразе «у падубка коренье обломалося» (строка 6).

Л. 8. В строке 1 в слове «велелъ» конечное «л» переделано из «т», а следующий за ним твердый знак переправлен из мягкого знака добавлением к мачте небольшой черточки, наклоненной влево. На строках 2—3 слово «порок» дважды написано через «порог». В слове «татаровя» (строка 10) «я» переделано из буквы «а» (первоначальное чтение «татарова»). В той же строке слово «порока» написано с пропуском букв «ро», как «пока».

Л. 8 об. Слово «стрелили» написано с пропуском буквы «р» (строка 2). В слове «богатырскова» (строка 4) «к» надписано поверх какой-то другой буквы, возможно «г».

Л. 8. В строке 9 в слове «надобе» «а» переделано из буквы «о» (первоначальное написание «нодобе»).

Л. 9 об. В строке 2 слово «прощенье» написано как «прошенье». В строке 4 в слове «не» буква «е» переправлена из «а» (вначале читалось как «на злата труба вострубила»). В слове «Суханова» (строки 5 и 6) «о» переделано из «у», у которого были соскоблены усики. Кроме того, в этом слове к букве «в» приделана необычная для нее верхняя часть, буква «а» переправлена из «о», стоявшая над буквой «у» какая-то выносная буква со знаком титла соскоблена, но знак титла оставлен. В слове «Суханушко» (строки 6 и 7) «д» надстрочное переправлено из какой-то буквы, возможно «в», а «к» написана поверх буквы «о». До исправления это слово читалось так: «Суханвушоо». В строке 9 буква «а» в словах «а ныне» переделана из какой-то другой буквы. В самом конце строки 12 замазано не вмещавшееся целиком в строку слово «плачю», которое потом было написано на л. 10.

Л. 10. В строке 2 в слове «храбърости» твердый знак переделан из «о».

Кроме этих исправлений, можно указать еще несколько примеров, когда трудно установить, какие поправки имели место, но во всяком случае какие-то исправления переписчика заметны. Такие неясные исправления имеются, например, в следующих словах: в слове «смотрю» (л. 3, строки 2—3) — в букве «ю», в слове «дѣла» (л. 4, строка 10) — в букве «ѣ» и в слове «под» (л. 6 об., строка 5) — в надстрочной букве «д».

На некоторых листах рукописи (л. 5, 5 об. и др.) имеются чернильные помарки, есть нечаянно смазанные буквы и слова. Всё это также принадлежит переписчику.

Нетрудно заметить, что все перечисленные исправления идут в двух направлениях: это либо замена явно ошибочных чтений, либо поправки, отражающие стремление писца придать тексту форму, согласованную с грамматическими нормами. Что касается исправления верно написанного слова «белеютца» на «лелеются», то оно, возможно, было вызвано повторением рядом двух одинаковых слов, которое переписчик при повторном чтении рукописи неудачно попытался устранить: он не обратил внимания на то, что это повторение вызвано употреблением отрицательного сравнения и что ни каменье, ни доспехи не могут «лелеяться» — качаться. Непонятно, почему правильное написание «городу» потом переписчиком было переправлено на «голоду». Не свидетельствует ли это о том, что писцу был неизвестен этот военно-оборонительный прием, широко применявшийся в тогдашней воинской практике, особенно в степных местах, в борьбе против неожиданно появившейся конницы, и было непонятно военное значение слова в данном конкретном случае? Может быть, незнанием также объясняется искаженное написание на л. 8 другого военного термина — «порок». Сначала это слово дважды написано как «порог», потом дважды правильно — «порок» и в самом конце листа — в виде «пока».

★

Что же собою представляет наша рукопись, является ли она оригиналом или же списком с другой, более ранней рукописи? Содержание повести, близкой по теме и по форме к произведениям народного творчества, позволяет поставить и второй вопрос: не записывал ли писец данный текст с голоса рассказчика, или же это было произведение, которое он сам знал наизусть и решил записать на бумагу?

Наличие в тексте отмеченных выше описок, пропусков, частью потом исправленных, малопонятных и искаженных слов, значков неясного назначения и т. д. дает основание считать нашу рукопись списком с более старого списка и притом списка, не совсем, повидимому, исправного и недостаточно разборчиво написанного. Лишь неисправным или неясным оригиналом можно объяснить присутствие такой бессмысленной фразы, как «Оз быз городу не умеют битися», и искаженных написаний слов: вместо «порок» — «пока», «порог», «быстра» — «быста», «татарские» — «тарские», «Сухандушко» — «Суханвушов» рядом

с правильным написанием имени. Однако какая-то доля ошибок должна быть отнесена за счет самого переписчика, как видно, не отличавшегося особой внимательностью и грамотностью.

Большинство приведенных выше описок, искажений и пропусков не могло бы возникнуть, если бы запись производилась с голоса, и тем более, если бы писец записывал по памяти знакомое ему произведение или же сочинял его заново. Против записи устного текста говорят также и такие факты, как наличие в начале текста инициала «В», хотя и грубоватой работы, но потребовавшего от писца немалого времени на его оформление, и расположение текста в конце повести в виде воронки с небольшой плетеной концовкой по образцу многих древнерусских рукописей. Едва ли было возможно одновременно следить за речью рассказчика и располагать строки в таком порядке, притом писать спокойным почерком в ровную строку. Не исключена возможность, что и в рисунке инициала и в художественном оформлении последнего листа писец также подражал оригиналу. Анализ сюжета и поэтических средств повести, которому и посвящено наше исследование, подтверждает, что перед нами копия литературной повести, а не запись устного произведения.

6. ПОВЕСТЬ О СУХАНЕ
(Текст)

Повесть о Сухане подготовлена нами для настоящей работы в двух видах: первый передает текст строка в строку, во втором повесть разбита на стихи по принципу, изложенному в работе.

В первом тексте допущены следующие упрощения орфографии подлинника: титла раскрыты, «ъ» в конце слов опущен, но оставлен внутри слов, омега заменена через «о», юс малый и иотированное «а» — через «я», ять через «е». Выносные буквы внесены в строку, причем выносные буквы «с» и «т» в окончании глаголов передаются через «сь» и «ть», а надстрочные мягкие согласные в словах «каме*н*е», «ко*л*нул», «ко*п*е», «коре*н*е», «малехо*н*ко», «проше*н*е», «ско*л*ко», «соверше*н*е», «то*л*ко», «третева» передаются с мягким знаком последних («кольнул», «копье» и т. д.). Выносная буква «ч» в слове «про*ч*» передается с мягким знаком. Введено деление слов, написанных слитно; пунктуация современная. В этом тексте оставлены без исправления испорченные слова и явные пропуски.

Во втором тексте, кроме отмеченных отступлений от подлинника, дополнительно введены еще следующие изменения: ошибочные чтения исправлены в тексте и оговорены в каждом от-

дельном случае в подстрочном примечании. Пропуски букв и слогов восстановлены в квадратных скобках. Твердый знак употребляется согласно современным нормам правописания. Мягкий знак в словах «ужь», «охочь», «гордь», «Дамантьевичь» и «Товруевичь» опущен.

1

Во граде Киеве бысть
при старосте, при
великом князе Мана
махе Владимерови
че, был богатырь стар до
бре, больши ему де
вяноста лет. Да охочь
был до потехи кречят
ные, не покинул он потехи и до
старости. Лучилось ему (*л. 2*)
выехать с красным кречятом на
празник на усекновение чесны
я главы Ивана Предоте
чи. И не доежаючи быста
Непра Слаутича, наехал
на малой заводи многия
лебеди. И богатырь тому
учал дивитися: «На той на
малой заводе не наежи
вал я ни гусей, ни утят, ан ны (*л. 2 об.*)
неча вижу многия лебеди: а все
то не даром. Поеду, поеду посмо
трю быстра Непра Слаути
ча». И приезжает Сухан ко бы
стру Непру Слаутичю, а у
жь Непр рена смешалась
з желты пески. И Сухан стал,
задумался. Ажно по за
речью ездит человек, а волочит
за собою копье с прапором, да во
пит громко голосом: «Ой еси, (*л. 3*)
Сухан Дамантьевичь! Ты сла
вен в Киеве велик богатырь, а по
ся мест не ведаешь, ужь
тому девятой день как пе
ревозитца через быстрой

Непр царь Азбук Товру
евичь, а с ним 70 царевичей,
а ко всяким царевичем по семи
десяти по две тысячи.
В правой руке и в левой, и в сто
рожевом полку не успел сме
тить. Добре с ним людей (*л. 3 об.*)
много, бес числа. И наши прароди
тели тем царем служива
ли и царьские приходы ве
сно чинили, и вам, богатырем,
в Киеве было ведомо». Да молыл
слово и поехал прочь. И Сухан стал, закру-
чинился и мечет кречата с руки дале
че и рукавицу о землю бросает. Не
до потехи стало Сухану кре
чатные, стало до дела государева: «По
грехом есми запросто выехал (*л. 4*),
саадака и сабли нет на мне и ни
кова ратнова оружия. Поехать мне
х Киеву для ратнова оружия, —
и богатырей в Киеве умножилось,
и в правосте своей под старость
не прослыть сиротиною». И поехал
Сухан ко дуброве зеленой, и наехал
сыр-зелен падубок, да вырвал
ево и с кореньем, да едет с ним не
очищаючи. И как выезжает из
добровы зеленые, — а не белое
каменье на горах лелеются, белеют (*л. 4 об.*)
ца доспехи их во всех
полках. А некак богатырю лю
дей сметить. Учал богатырь
богу молитися: «О, царице богородице!
Утоли стремление безумъное,
смири сердце нечестивое. Похва
ляся бусуръман, и горъдь
пошел пленить земълю Рус
кую, разорить веру кресть
янъскую, разърушить место (*л. 5*)
церкви божии, осквернити место
чюдотворное. О, царице богородице! По
грехом есми запросто выехал, са
адака и сабли нет на мне, ника

кова ратнова орушия. Только
у меня сыр-зелен падубок, и то
во мне очистить нечем». Учал бо
гатырь плакати и горячи сле
зы ронить. Загаркал, напустил
на них. Свищет падубок в ру (*л. 5 об.*)
ке богатырской, ломаются
древа копе-копейные, щепля
ются щиты татарские, валя
ются шоломы их з головами тар
скими. И учали татаровя
острог ставить — одернулися
телегами ординъскими. А гово
рит Сухан Даманьевичь: «Ко
торые татаровя на Руси не
бывали, те про Сухана (*л. 6*)
не ведают, и оне у товарищев
своих слыхали в ордах смо
лода. О ныне, о ныне со мною
они быз городу не умеют би
тися». Кольнул Сухан под собою
коня острогами булатны
ми, конь ево скочил через теле
леги ордынские, стал середи
острогу татарскова. И Су
хан бьет татар падубком (*л. 6 об.*)
на все четыре стороны.
Куды Суханан ни оборотит
ся, тут татар костры ле
жат. Тех татар всех поби
л. Да едет Сухан ко бысту
Непру Слаутичю на берег,
да вопит громко голосом: «Царь
Азбук Товруевичь! Вели
меня подождати малехонь
ко, яз тебе ис Киева вывезу (*л. 7*)
поминки многия от царя
и великаго князя Владиме
ра, и всем твоим князьям,
и татаровям, и мурзам,
и улановям без выбору. По гре
хом есми запросто выехал.
У падубка коренье облома
лося, одно лишь осталось облом

чишко». Да молвил слово, поплыл
за быстрой Непр. Царь Азбук,
видя свою неминучюю — убить (*л. 7 об.*)
богатыря нечим, велел
зарядить три порога, а в по
роге по рогатине. И скоро ме
чютца к оврагу глубокому
и заредили борзо три поро
ка, а в пороке по рогатине.
И Сухан переплыл через быстрой
Непр, не переехал скоро с о
бломчишком на берег. И тата
ровя ис пока стрелили да гре
шили (*л. 8*);
из другова стрелили — греши
ли; из третьева стелили — уби
ли богатыря против серца
богатырскова, отрезали ко
ренье сердечное. И богатырь за
был рану смертную, загар
кал, напустил, да и тех
побил всех татар. И бога
тырь узънал рану смертную,
учал борзо спешить ко граду... (*л. 8 об.*)
узрел на Сухане рану смертъ
ную и послал по лекари многи
я, и у Софеи велел молебны
петь за Суханово здоровье.
И учал государь Сухана жало
вать своим жалованным
словом: «Сколько тебе, Суха
нушъко, городов и вотчин
надобе, тем тебя по
жалую за твою велику
ю служъбу». И Сухан государю бьет
челом: «Дошло, государь, не до городов ни до
вотчин (*л. 9*).
Дай, государь, холопу жалованное
слово и прошенье». Последние мол
вил слово, в том часу и умолкнул.
Не злата труба востру
била, восплакала мать Суха
нова: «Хотя тебя, Суха
нушко, звали бражником

и охочь был пропивати
ся, а ныне ты над собою, ви
дишь, совершенье учинил.
Не о том я плачю, что ви
жу тебя смертнаго (*л. 9 об.*),
плачю я о твоем доротъ
цве во истинной храбъ
рости, что еси дорос
человечества — уме
р на служъбе го
судареве». И отъ
несла ево в пеще
ру каменну. Тут
тебе, Сухануш
ко, смертной
живот
во веки. (*л. 10*).

2

Во граде Киеве бысть при старосте,
При великом князе Манамахе Владимеровиче,
Был богатырь стар добре,
Больши ему девяноста лет.
Да охоч был до потехи кречятные,
Не покинул он потехи и до старости.
Лучилось ему выехать с красным кречятом
На празник на усекновение чесныя главы Ивана
Предотечи.
И не доежаючи быст[р]а Непра Слаутича,
Наехал на малой заводи многия лебеди.
И богатырь тому учал дивитися:
«На той на малой заводе
Не наеживал я ни гусей, ни утят,
Ан нынеча вижу многия лебеди:
А все то не даром.
Поеду, поеду посмотрю быстра Непра Слаутича».
И приезжает Сухан ко быстру Непру Слаутичю,
А уж Непр-река [1] смешалась з желты пески.
И Сухан стал, задумался.
Ажно по заречью ездит человек,

[1] *В рукописи* рена.

А волочит за собою копье с прапором,
Да вопит громко голосом:
«Ой еси, Сухан Дамантьевич!
Ты славен в Киеве велик богатырь.
А по ся мест не ведаешь,
Уж тому девятой день как перевозитца
Через быстрой Непр царь Азбук Товруевич,
А с ним 70 царевичей,
А со[1] всяким царевичем
По семидесяти по две тысячи.
В правой руке и в левой,
И в сторожевом полку не успел сметить.
Добре с ним людей много, бес числа.
И наши прародители тем царем служивали
И царские приходы весно чинили,
И вам, богатырем, в Киеве было ведомо».
Да молвил[2] слово и поехал прочь.
И Сухан стал, закручинился
И мечет кречата с руки далече
И рукавицу о землю бросает.
Не до потехи стало Сухану кречатные,
Стало до дела государева:
«По грехом есми запросто выехал,
Саадака и сабли нет на мне
И ни[ка]кова ратнова оружия.
Поехать мне х Киеву для ратнова оружия, —
И богатырей в Киеве умножилось,
И в правосте своей под старость не прослыть сиротиною».
И поехал Сухан ко дуброве зеленой,
И наехал сыр-зелен падубок,
Да вырвал ево и с кореньем,
Да едет с ним не очищаючи.
И как выезжает из добровы зеленые,
А не белое каменье на горах белеются,[3]
Белеютца доспехи их во всех полках.
А некак богатырю людей сметить.
Учал богатырь богу молитися:
«О, царице богородице!
Утоли стремление безумное,

---

[1] *В рукописи* ко.
[2] *В рукописи* молыл.
[3] *В рукописи* лелеются.

Смири сердце нечестивое.
Похваляся бусурман,
И горд пошел пленить землю Рускую,
Разорить веру крестьянскую,
Разрушить место церкви божии,
Осквернити место чюдотворное.
О, царице богородице!
По грехом есми запросто выехал,
Саадака и сабли нет на мне,
Никакова ратнова оружия.[1]
Только у меня сыр-зелен падубок,
И тово мне очистить нечем».
Учал богатырь плакати
И горячи слезы ронить.
Загаркал, напустил на них.
Свищет падубок в руке богатырской,
Ломаются древа копейные,[2]
Щепляются щиты татарские,
Валяются шоломы их з головами та[та]рскими.
И учали татаровя острог ставить —
Одернулися телегами ординскими.
А говорит Сухан Дамантьевич:
«Которые татаровя на Руси не бывали,
Те про Сухана не ведают,
И оне у товарищев своих слыхали в ордах смолода.
А[3] ныне, а[4] ныне со мною
Они без[5] городу не умеют битися!».
Кольнул Сухан под собою коня
Острогами булатными,
Конь ево скочил через телеги[6] ордынские,
Стал середи острогу татарскова.
И Сухан бьет татар падубком
На все четыре стороны.
Куды Сухан[7] ни оборотится,
Тут татар костры лежат.
Тех татар всех побил.
Да едет Сухан ко быст[р]у Непру Слаутичю на берег,

---

[1] *В рукописи* орушия.
[2] *В рукописи* копе-копейные.
[3] *В рукописи* о.
[4] *В рукописи* о.
[5] *В рукописи* быз.
[6] *В рукописи* телелеги.
[7] *В рукописи* Суханан.

Да вопит громко голосом:
«Царь Азбук Товруевич!
Вели меня подождати малехонько,
Яз тебе ис Киева вывезу поминки многия
От царя и великаго князя Владимера,
И всем твоим князьям, и татаровям,
И мурзам,[1] и улановям без выбору.
По грехом есми запросто выехал.
У падубка коренье обломалося,
Одно лишь осталось обломчишко».
Да молвил слово,
Поплыл за быстрой Непр.
Царь Азбук, видя свою неминучюю,
Убить богатыря нечим,
Велел зарядить три порока,[2]
А в пороке[3] по рогатине.
И скоро мечютца к оврагу глубокому
И заредили борзо три порока,
А в пороке по рогатине.
И Сухан переплыл через быстрой Непр,
Не переехал скоро с обломчишком на берег.
И татаровя ис по[ро]ка стрелили да грешили;
Из другова стрелили — грешили;
Из третьева ст[р]елили — убили богатыря
Против серца богатырскова,
Отрезали коренье сердечное.
И богатырь забыл рану смертную,
Загаркал, напустил, да и тех побил всех татар.
И богатырь узнал рану смертную,
Учал борзо спешить ко граду.[4]

. . . . . .

[И государь] узрел на Сухане рану смертную
И послал по лекари многия,
И у Софеи велел молебны петь за Суханово здоровье.
И учал государь Сухана жаловать
Своим жалованным словом:
«Сколько тебе, Суханушко, городов и вотчин надобе,
Тем тебя пожалую за твою великую службу».

---

[1] *В рукописи слова* и татаровям, и мурзам *написаны на левом поле, а в конце предыдущей строки стоит знак «крыж», указывающий, что слова на поле идут вслед за этими словами.*
[2] *В рукописи* порога.
[3] *В рукописи* пороге.
[4] *Далее в рукописи недостает одного листа с текстом.*

И Сухан государю бьет челом:
«Дошло, государь, не до городов, ни до вотчин.
Дай, государь, холопу жалованное слово и прощенье».[1]
Последние молвил слово,
В том часу и умолкнул.
Не злата труба вострубила,
Восплакала мать Суханова:
«Хотя тебя, Суханушко,[2] звали бражником
И охоч был пропиватися,
А ныне ты над собою, видишь, совершенье учинил.
Не о том я плачю, что вижу тебя смертнаго,
Плачю я о твоем доротцве во истинной храбрости,
Что еси дорос человечества,
Умер на службе государеве».
И отнесла ево в пещеру каменну.
Тут тебе, Суханушко, смертной живот во веки.

[1] *В рукописи* прошенье.

[2] *В рукописи над словом* Суханушко *сначала была поставлена какая-то выносная буква, возможно «н» или «д», но потом соединена с буквой «в» верхней строки в слове* Суханова.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

ТЕКСТЫ БЫЛИН О СУХАНЕ

В Приложении III издается девять текстов былин о Сухане и две песни о Сухане.

1. Сухмантий. Вариант шальского лодочника, записанный П. Н. Рыбниковым. Полевых записей П. Н. Рыбникова не найдено. Текст перепечатывается из второго издания книги — «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», приготовленного к печати А. Е. Грузинским (т. II, М., 1910, № 148, стр. 338—344). Как уже отмечено в исследовании, вариант шальского лодочника является наиболее полным, исправным и типичным представителем северной редакции былины, в нем сохранены все основные черты этой редакции. Этот вариант имеет важное значение для комментирования повести о Сухане, поэтому мы воспроизводим его вслед за текстом повести.

2. Про Суханьшу Замантьева. Алтайская былина, записанная Д. П. Соколовым для С. И. Гуляева от старика-нищего на Сузунском серебро-медеплавильном заводе. Публикация приготовлена по автографу С. И. Гуляева, хранящемуся в архиве Географического общества Академии Наук СССР (Архив ГО, разряд 62, опись 1, № 35, дело № Б.VII.35. Гуляев С. Былины). Рукопись в лист, на 11 листах, от начала и до конца написана крупным характерным гуляевским скорописным почерком. Текст былины «Про Суханьшу Замантьева» занимает лл. 1—5. После этого идет былина «Про Алешу Поповича и Екима Ивановича», записанная Соколовым от того же сказителя. Былины снабжены небольшим общим послесловием собирателя в конце рукописи, после чего стоит подпись С. И. Гуляева и дата: «Барнаул, 21 марта 1860». В послесловии к тексту былины о Суханьше Замантьеве читаем следующее: «Второй былины „О Суханьше Замантьеве“ нет в „Стихотворениях Кирши Данилова“, только в одном из них „Первая поездка Ильи Муромца в Киев“ (стр. 352—359) упоминается в числе прочих богатырей князя Владимира о Сухане Домантьевиче.

г. Соколов списал былины со слов одного нищего старика, которому он дал приют в своем доме. „Однажды, — пишет г. Соколов, — я начал рассказывать, при старике, про великого князя Дмитрия Иоанновича, как он бился с Мамаем и лишь только кончил, старик нищий, махнув рукою, сказал: „Неправда, не так было дело!“, и стал объяснять по-своему это событие. С полною уверенностью он говорил, что на Куликовом поле надуло ветром груды ногтей павших в битве воинов, а кости, как белый снег, и доныне покрывают все поле. Это заставило меня просить старика рассказать подробнее, что он знает о Мамаевом побоище, и списать переданную им былину“».

Исследователями фольклора, а также издателями собрания былин С. И. Гуляева эта рукопись не использовалась. В первом издании (М., 1894) былина о Суханьше Замантьеве была напечатана по какому-то другому и неисправному тексту. Между тем эта рукопись имеет несомненное значение для критического издания алтайского варианта былины о Сухане. Кроме того, что рукопись сама по себе представляет очень близкую по времени копию с полевой записи Соколова (обе былины записаны им в феврале 1860 года), в тексте былины о Суханьше Замантьеве имеются такие чтения, которые исправляют и дополняют ранее известные издания этого редчайшего варианта былины о Сухане. Можно предполагать, что здесь сохранился именно тот текст, который точно передавал полевую запись Соколова, потом несколько подправленную издателями при печатании.

Князь Владимир в рукописи называется «сословье солнышко красное». Во всех трех печатных изданиях былины вместо этого слова стоит «Сеславьевич». Сказитель явно забыл отчество князя и передавал его искаженно. Что это именно так, подтверждается второй записанной от него былиной «Про Алешу Поповича и Якима Ивановича», в которой князь Владимир также вместо «Сеславьевич» величается «сословье красно солнышко». Едва ли можно предполагать, чтобы «старик-нищий» вносил в это название какой-то определенный смысл. Но, несомненно, исправление слова «сословье» на «Сеславьевич» принадлежит или издателям или же собирателю, а в этой рукописи мы имеем первоначальное чтение. К первоначальным чтениям, принадлежащим, повидимому, сказителю, можно отнести также написания в рукописи «успехой» вместо «доспехой», «окуркати» вместо «окаркати», «побежал» вместо «побежит», глаголов действия «прорыскивать» (не может в трупах богатырский конь) вместо «проскакивать», «пропрыгивать» (не может конь горячей крови) вместо «прорыскивать», народные полногласные формы: «оболоко» вместо «облако», «Володимер» вместо «Владимир»

и др. В конце былины издатели убрали характерное для эпических произведений повторение глагола и предлога «во», создающее ритм, певучесть былинного стиха. Вот как выглядят эти последние строки былины в рукописи Географического общества и в печатных изданиях.

Рукопись Географического общества:

Тут скоро князь соскакивал,
Соскакивал со добра коня,
Садил Суханьшу на добра коня,
И вез его во Киев-град,
Во ту ли во церковь во соборную.

Издание под редакцией В. И. Чичерова (Новосибирск, 1952, стр. 120):

Тут скоро князь соскакивал со добра коня,
Садил Суханьшу на добра коня
И вез его во Киев-град,
Во ту во церковь соборную.

В издании под редакцией Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера (Русские былины старой и новой записи. М., 1894, стр. 190) и в издании под редакцией М. К. Азадовского (Новосибирск, 1939, стр. 127) по сравнению с рукописью Гуляева и изданием 1952 года нет целой строки «садил Суханьшу на добра коня», а строка 63 читается так: «во ту ли церковь соборную». В этих изданиях князь Владимир не «вез», а «вел его» в Киев. Отсутствие указанной строки сделало неясным это место былины. Не понятно, кого «вел» князь — коня или же смертельно раненного Суханьшу, что уже совсем противоречит смыслу.

Следует заметить, что издание 1952 года выполнено «по рукописи архива С. И. Гуляева», написанной (как сообщают издатели) карандашом, без разбивки на стихи и без заглавия (стр. 313). К сожалению, в книге не указано, что это за рукопись: является ли она полевой записью Д. Соколова или же это список, переписанный самим С. И. Гуляевым или каким-нибудь другим лицом. Не оговорено также, сделаны ли какие-либо поправки сравнительно с рукописью, хотя они в тексте налицо.

Все сказанное выше оправдывает целесообразность напечатания былины по рукописи Географического общества АН СССР.

3. Сухматин Етихматович. Вариант Е. К. Мелехова, из деревни Сояны (Кулой). Былина была записана А. Д. Григорьевым и опубликована в книге «Архангельские былины и истори-

ческие песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг.» [т. II (Кулой). Прага, 1939, № 62, стр. 316—320]. Публикуется как текст, находящийся в малодоступном издании.

Следующие за этим пять текстов былины о Сухане и песня о Сухане публикуются впервые.

4. Про богатыря Сохматия Сохматьевича. Записана в 1937 году А. М. Астаховой от М. С. Крюковой (деревня Нижняя Зимняя Золотица Архангельской области). Издается по полевой записи Рукописного отделения Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (Архив Сектора фольклора, колл. 90, папка 5, № 9).

5. Старина про Сухмана сына Сухматьевича. Записана в 1938 году Э. Г. Бородиной-Морозовой от П. С. Пахоловой (сестра М. С. Крюковой, жила в той же деревне). Публикуется по исправленной машинописной копии Государственного Литературного музея (Отдел рукописей, № 55/40).

6. Сухмантий Адихмантьевич. Записана в 1938 году М. М. Михайловым от Н. В. Кигачева, из деревни Тубозеро Пудожского района Карельской АССР. Печатается по рукописи Архива Карельского филиала Академии Наук СССР (Фонд Института истории, языка и литературы, отдел фольклора, колл. 1, № 61).

7. Сухман-богатырь. Записана в 1941 году О. Г. Большаковой от А. Е. Старикова, Лоухский район Карельской АССР. Рукопись хранится там же (колл. 49, № 2).

8. Былина (Сухман Одихмантьевич). Записана в 1948 году А. Ф. Соляковой от Е. И. Ладиной из села Кереть Лоухского района. Рукопись находится там же (колл. 58, № 52).

9. О Сухане. Текст песни записан в конце прошлого столетия С. Н. Рачинской от «весьма старой женщины» в Бельском уезде Смоленской губернии. Издается по рукописи (автограф П. В. Шеина) Архива Академии Наук СССР (фонд 104, опись 1, № 661, лл. 18—18 об.). В рукописи песня имеет заглавие «Смутное время». Настоящее заглавие дано нами. Не имея прямого отношения к сюжету былины о Сухане, эта песня тем не менее заслуживает внимания, так как сохранила древнюю форму имени богатыря Сухана, что свидетельствует о бытовании данной былины на территории Смоленской области, в среде белорусского населения. При почти полном отсутствии в современном белорусском фольклоре следов богатырского эпоса настоящая песня о Сухане приобретает особое значение.

10. Сухан-богатырь. Песня записана в 1902 году Ф. И. Покровским от И. А. Бабушкина и М. К. Токарева (село Кутьино Петровского уезда Саратовской губернии). Публикуется по по-

левой записи собирателя, хранящейся в Государственном Литературном музее в Москве [Собрание Ф. И. Покровского, инв. № 6 (10096). № 67, лл. 98—99].

При издании текстов нами соблюдаются следующие правила. Записи П. Н. Рыбникова и А. Д. Григорьева даются в точном соответствии с их печатным текстом; в григорьевской лишь написания типа «дуп», «погреп», «фсе», «черес» и другие переведены на современное правописание. В варианте Рыбникова опущены примечания П. А. Бессонова.

Алтайская былина публикуется с соблюдением всех особенностей рукописи С. И. Гуляева и с исправлением явно испорченных чтений, мешающих пониманию содержания произведения. Исправления сделаны по печатным изданиям и оговариваются в каждом отдельном случае в подстрочном примечании. Варианты М. С. Крюковой и П. С. Пахоловой печатаются с сохранением лишь диалектных особенностей северного говора сказительниц. Ударения всюду сняты. Три петрозаводских текста (Н. В. Кигачева, А. Е. Старикова и Е. И. Ладиной) точно передают копии с полевых записей, любезно снятые для нас в Петрозаводске К. В. Чистовым и Л. М. Верюжской. Смоленская песня о Сухане издается с сохранением всех особенностей белорусского языка, саратовский вариант печатается с сохранением резко выраженного акающего произношения.

Шальский лодочник

СУХМАНТИЙ

У ласкова у князя у Владимира
Было пированьице-почестен пир
На многих князей, на бояр,
На русскиих могучиих богатырей
И на всю паленицу удалую.
Красное солнышко на вечере,
Почестный пир идет на веселе;
Все на пиру пьяны-веселы,
Все на пиру порасхвастались:
Глупый хвастает молодой женой,
Безумный хвастает золотой казной,
А умный хвастает старой матерью,
Сильный хвастает своей силою,
Силою, ухваткой богатырскою.
За тым за столом за дубовыим

Сидит богатырь Сухмантий Одихмантьевич·
Ничем-то он, молодец, не хвастает.
Солнышко Владимир стольно-Киевский
По гридне столовой похаживает,
Желтыма кудеркамы потряхивает,
Сам говорит таковы слова:
«Ай же ты, Сухмантий Одихмантьевич!
Что же ты ничем не хвастаешь,
Не ешь, не пьешь и не кушаешь,
Белыя лебеди не рушаешь?
Али чара ти шла не рядобная,
Или место было не по отчине,
Али пьяница надсмеялся ти?».
Воспроговорит Сухман Одихмантьевич:
«Солнышко Владимир стольно-Киевский!
Чара-то мне-ка шла рядобная,
А и место было по отчине,
Да и пьяница не надсмеялся мне.
Похвастать-не похвастать добру молодцу:
Привезу тебе лебедь белую,
Белу лебедь живьем в руках,
Не ранену лебедку, не кровавлену».
Тогда Сухмантий Одихмантьевич
Скоро вставает на резвы ноги,
Приходит из гридни из столовыя
Во тую конюшенку стоялую,
Седлает он своего добра коня,
Взимает палицу воинскую,
Взимает для пути-для дороженьки
Одно свое ножище-кинжалище.
Садился Сухмантий на добра коня,
Уезжал Сухмантий ко синю морю,
Ко тоя ко тихия ко заводи.
Как приехал ко первыя тихия заводи,
Не плавают ни гуси, ни лебеди,
Ни серые малые утеныши.
Ехал ко другия ко тихия ко заводи:
У тоя у тихия у заводи
Не плавают ни гуси, ни лебеди,
Ни серые малые утеныши.
Ехал ко третия ко тихия ко заводи:
У тоя у тихия у заводи
Не плавают ни гуси, ни лебеди,
Ни серые малые утеныши.

Тут-то Сухмантий пораздумался:
«Как поехать мне ко славному городу ко Киеву,
Ко ласкову ко князю ко Владимиру,
Поехать мне, — живу не бывать;
А поеду я ко матушке Непры-реке!».
Приезжает ко матушке Непры-реке:
Матушка Непра-река текет не по-старому,
Не по-старому текет, не по-прежнему,
А вода с песком помутилася.
Стал Сухмантьюшка выспрашивати:
«Что же ты, матушка Непра-река,
Что же ты текешь не по-старому,
Не по-старому текешь, не по-прежнему,
А вода с песком помутилася?».
Испроговорит матушка Непра-река:
«Как же мне течи было по-старому,
По-старому течи, по-прежнему,
Как за мной за матушкой Непрой-рекой
Стоит сила татарская неверная,
Сорок тысячей татаровей поганыих?
Мостят они мосты калиновы;
Днем мостят, а ночью я повырою:
Из сил матушка Непра-река повыбилась».
Раздумался Сухмантий Одихмантьевич:
«Не честь-хвала мне молодецкая
Не отведать силы татарския,
Татарския силы, неверныя».
Направил своего добра коня
Через тую матушку Непру-реку:
Его добрый конь перескочил.
Приезжает Сухмантий ко сыру дубу,
Ко сыру дубу крякновисту,
Выдергивал дуб со кореньямы,
За вершинку брал, а с комля сок бежал,
И поехал Сухмантьюшка с дубиночкой.
Напустил он своего добра коня
На тую ли на силу на татарскую,
И начал он дубиночкой помахивати,
Начал татар покалачивати;
Махнет Сухмантьюшка — улица,
Отмахнет назад — промежуточек.
И вперед просунет — переулочек:
Убил он всех татар поганыих.
Бежало три татарина поганыих,

Бежали ко матушке Непры-реке,
Садились под кусточки под ракитовы,
Направили стрелочки каленыя.
Приехал Сухмантий Одихмантьевич
Ко той ко матушке Непры-реке, —
Пустили три татарина поганыих
Тыя стрелочки каленыя
Во его в бока во белыя:
Тут Сухмантий Одихмантьевич
Стрелочки каленыя выдергивал,
Совал в раны кровавыя листочики маковы,
А трех татаровей поганыих
Убил своим ножищем-кинжалищем.
   Садился Сухмантий на добра коня,
Припустил ко матушке Непры-реке,
Приезжал ко городу ко Киеву,
Ко тому двору княженецкому,
Привязал коня ко столбу ко точеному,
Ко тому кольцу ко золоченому,
Сам бежал во гридню во столовую.
Князь Владимир стольно-Киевский
По гридне столовыя похаживает,
Желтыма кудеркамы потряхивает,
Сам говорит таковы слова:
«Ай же ты, Сухмантий Одихмантьевич!
Привез ли ты мне лебедь белую,
Белу лебедь живьем в руках,
Не ранену лебедку, не кровавлену?».
Говорит Сухмантий Одихмантьевич:
«Солнышко, князь стольно-Киевский!
Мне, мол, было не до лебедушки:
А за той за матушкой Непрой-рекой
Стояла сила татарская неверная,
Сорок тысячей татаровей поганыих;
Шла же эта сила во Киев-град,
Мостила мосточки калиновы:
Они днем мосты мостят,
А матушка Непра-река ночью повыроет;
Напустил я своего добра коня
На тую на силу на татарскую,
Побил всех татар поганыих».
Солнышко Владимир стольно-Киевский
Приказал своим слугам верныим
Взять Сухмантья за белы руки,

Посадить молодца в глубок погреб;
А послать Добрынюшку Никитинца
За тую за матушку Непру-реку
Проведать заработки Сухмантьевы.
Седлал Добрыня добра коня
И поехал молодец во чисто поле.
Приезжает ко матушке Непры-реке
И видит Добрынюшка Никитинец:
Побита сила татарская;
И видит дубиночку-вязиночку,
У тоя реки разбитую на лозиночки.
Привозит дубиночку в Киев-град
Ко ласкову князю ко Владимиру,
Сам говорит таково слово:
«Правдой хвастал Сухман Одихмантьевич:
За той за матушкой Непрой-рекой
Есть сила татарская побитая,
Сорок тысячей татаровей поганыих;
И привез я дубиночку Сухмантьеву
На лозиночки дубиночка облочкана.
Потянула дубина девяносто пуд».
Говорил Владимир стольно-Киевский:
«Ай же, слуги мои верные!
Скоро идите в глубок погреб,
Взимайте Сухмантья Одихмантьевича,
Приводите ко мне на ясны очи:
Буду его молодца жаловать-миловать,
За его услугу за великую,
Городами его с пригородкамы,
Али селамы со приселкамы,
Аль бессчетной золотой казной до́ люби».
Приходят его слуги верные
Ко тому ко погребу глубокому,
Сами говорят таковы слова:
«Ай же ты, Сухмантий Одихмантьевич!
Выходи со погреба глубокаго:
Хочет тебя солнышко жаловать,
Хочет тебя солнышко миловать
За твою услугу великую».
Выходил Сухмантий с погреба глубокаго,
Выходил на далече-далече чисто поле,
И говорил молодец таковы слова:
«Не умел меня солнышко миловать,
Не умел меня солнышко жаловать:

А теперь не видать меня во ясны очи!».
Выдергивал листочки маковые
Со тыих с ран со кровавыих,
Сам Сухмантий приговаривал:
«Потеки, Сухман-река,
От моя от крови от горючия,
От горючия крови, от напрасныя!».

Старик-нищий с Сузунского завода
(Алтайский округ)

ПРО СУХАНЬШУ ЗАМАНТЬЕВА

Выезжал Суханьша, Замантьев сын,
За зайцами, за лисицами,
За теми волками рыскучими.
Случилось ему доехать до быстра Днепра.
Течет быстрый Днепр не по-старому,
Не по-старому, не по-прежнему:
Пожират в себя круты бережки,
Вырыват в себя желты скатны пески,
По подбережку несет ветловый лес,
По струе несет крековый лес;
Посередь Днепра несет добрых коней
Со всей приправой молодецкою,
Со всей доспехой [1] богатырскою.
«Что ты, батюшка, быстрый Днепр,
Не по-старому течешь ты, не по-прежнему?»
«Надо мной стоит сила неверная
Того Мамая безбожнаго:
Идет на дом пресвятыя богородицы,
На славен батюшко на Киев-град.
Половина силы переправилась,
Другая половина на другой стороне;
Черному ворону в ночь силы не окаркати,[2]
Серому волку в ночь не обрыскати,
Доброму молодцу в день не объехати».
Тут Суханьши ретиво сердце возъярилося,
Могучи плечи расходилися;
Бежал в силу Мамаеву,

---

[1] *В рукописи* успехой.
[2] *В рукописи* окуркати.

Во дне бежал, во втором часу,
И бился, дрался трои суточки,
Не пиваючи, не едаючи.
Куда бежит — тут улица,
Заворотится — переулочек.
Навалил трупов — коню до стремени,
Горячей крови — до подчереза.
В трупах конь не может прорыскивать,
Горячей крови пропрыгивать.
Тут Суханьшу приобра́нили;
Дали Суханьше тридцать ран, —
Те раны были сносныя,
А три раны — сердечныя,
Сердечныя раны, кровавыя.
Побежал он из силы Мамаевой
На то болото зыбучее,
Ко той кочке болотинной;
Клал седелышко черкасское
На ту кочку болотную,
Под оболоко поплавучее,
И клал свою буйну голову
На седелышко на черкасское.
Выезжает Володимир-князь
Во чисто поле погулять
И наехал на Суханьшу Замантьева.
«Ты гой еси, добрый молодец!
Какой ты есть и откудова?
Если верной силы — побратаемся,
А неверной силы — переведаемся».
Говорит тут Суханьша Замантьев сын:
«Ты гой еси, батюшко, Владимир-князь
Сеславьевич,[1] солнышко красное!
Неужели ты не узнал Суханьшу Замантьева?».
Тут скоро князь соскакивал,
Соскакивал со добра коня,
Садил Суханьшу на добра коня
И вез его во Киев-град,
Во ту ли во церковь во соборную;
Тут Суханьша покаялся,
И тут Суханьша переставился.

---

[1] *В рукописи* сословья. *Исправлено по печатному изданию былины.*

Е. К. Мелехов

СУХМАТИН ЕТИХМАТОВИЧ

А во стольнем во городе во Киеве,
Да у ласкова князя да у Владимера,
Заводилось пированье да стол, почесьён пир,
Да про многих князей да руських бояров,
Да про тех могучих да сильних богатырей,
Да про тех про могучих да про богатырей,
Да про тех полениць да приудаленьких.
Ишше все у его на пиру да напивалисе,
Они все на чесном да наедалисе.
А Владимир князь по грынёнки похаживал:
«Уш хто из вас, брацџы, хто съездил на тихи
Да тихия на вёшны и заводи,
Привел мне-ка лебёдушок нестреленых
И нестреленых лебёдушок, нераненых?»
А выхвалялса Сухматин да Етихматович,
Говорил де Владимёру таково слово:
«Уш ты ой еси, Владимер да стольнекиевьской!
Привезу я тибе лебёдушок нестреленых
И нестреленых лебёдушок, нераненых».
Отправлялса Сухматин Етихматович
Да на те жа на вёшны и тихи заводи.
Как к первою заводи приехал жа:
Некаких нет — л[е] лебёдушок не беленьких,
Да не тех жа не тех не уточек не сереньки[х],
Да не тех жа не маленьких утешницей.
Отправлялся Сухматин Етихматовиц
На вторую тиху да вёшну заводь.
Приежжаёт Сухматин Етихматович,
Приежжаёт он ко тихой и вёшной заводи:
Некого тут на заводи не плаваёт,
Не тех ле лебёдушок веть беленьких
И не тех жа и не серых етих утицей,
А не тех де перистых етих отешницей.
Отправлялса где Сухматин Етихматовиц
Он ко той же ко матушки Непры-реки.
Приежжаёт Сухматин Етихматовиц
Ко той жа ко матушки Непры-реки.
А Непра-река тецёт она не по-старому,
Не по-старому Непра-река, не по-прежнему:
Смутиласе вода с песком же веть.

Роспроговорыла матушка Непра-река,
Роспроговорила она да руським езыком:
«Навалиласе орда, сила неверная,
Они днём мосты всё мосты мостят;
Ишша я где-ка ночью тут повырою».
Направлял тут Сухматин Етихматович,
Направлял он церес матушку он Непр-реку.
Да перескоцил тут да его доброй конь.
Направлял тут Сухматин Етихматович,
Он выхватывал нониче где сырой дуб,
Он поехал в орду, силу неверную,
Ишша всю бил-ломал до единого,
Не оставил он во полюшки на семена.
Оворацивал добра коня к Непры-реки.
Да подъехал Сухматин ко матушки Непры-реки.
Затаилосе тут ноне два тотарына;
Направляли они стрелоцьки калёныя,
Направляли Сухматину во правой бок;
Они стрелили Сухматина во правой бок.
А выхватывал Сухматин стрелоцьки калёныя,
Он клал де Сухматин во карман сибе,
Да проехал он матушку Непру-реку,
Да поехал тут ко князю ко Владимёру.
А отоставил де он да всё добра коня,
Да заходит он ко князю ко Владимёру:
«Уш ты ой еси, Владимёр да стольнекиевьской!
Не привез я тибе либёдушок нестреленых,
Ноне не привез я либёдушок нестреленых,
А нестреленых либёдушок, нераненых;
Ишше тут жа мне-ка было некогда:
Я приехал ко матушки к Непры-реки;
А Непра рецька текёт она не по-старому,
Не по-старому она текёт да не п[о]-прежнему:
Роспроговорыла Непра-рецька руським езыком:
«Навалиласе орда, сила неверная,
Да за той жа за матушкой Непрой-рекой,
Да за той жа за матушкой Непрой-рекой».
Переехал я где матушку Непру-реку,
И выхватывал я нони веть сырой дуб,
А поехал со етой палоцькой в цисто поле,
Ишша бил нонь всех тотар до единого,
Не оставил тотар да все[х] на семена,
Отправлялса я в путь да во дороженку,
Ко тибе-ка, Владимёр да стольнекиевской».

Тут богатари над ним надсмехалисе,
Тут же богатари надсмехалисе:
«Уш ты ой еси, Сухматин, сколь едрёной стал?».
Ишша тут Владимёру реци не полюбилисе,
Ишша тут жа ети реци не полюбилисе;
Говорыл де-ка клюцьницькам замоцьницькам:
«Уш вы ой еси, клюцьницьки и замоцьницьки!
Вы сведите-ко Сухматина во глубок погреб,
Сорока де сажон да сорока локоть».
Ишша тут жа где клюцьницьки не ослышилис[ь].
Повели где Сухматина Етихматовича,
Повели где его да во глубок погреб;
Тут заводили Сухматина во глубок погреб,
Да замкнули во замоцик да сорокопудною,
Отправились ко князю ко Владимёру.
Говорыл де Валадимёр да стольнекиевьской:
«Уш ты ой еси, Никитушка Добрынюшка!
Ты как съезди за матушку Непру-реку,
Попроведай-ко Сухматина всё веть нонь».
Нонь не видели поески да богатырскою,
Только видели, во поле курёва стоит,
Курёва где стоит да дым столбом валит.
Да приехал де тут Добрынюшка да Никитиць млад,
Да ко той жа ко матушки Непры-реки,
Ишше ту жа веть матушку Непру-реку,
Переехал он матушку Непру-реку,
Да увидал де Сухматина всё побоишшо,
Увидал он тотар да всё поганых же,
Увидал его палоцьку боёвую.
Ишша взял он ету палоцьку боёвую,
Повёз где ко князю ко Владимёру.
Да приехал жа ко князю всё в оградоцьку;
Оставил тут Добрынюшка Никитиць млад,
Оставил он добра коня в оградоцьки;
Да пошол он ко князю ко Владимёру.
Да зашол он во гырёнку [1] во светлую,
Он сам где ка рець да он говорил жа,
Ишша он где слово роспромолвил же:
«Уш ты ой еси, Владимёр да стольнекиевской:
И ето Сухматина всё быль была;
Я привёз его палоцьку буёвую,
Ишша в той же в оград[о]цьки во каменной».

---

[1] *Так в черновике.*

Отправлялса де Владимёр его Сухматина палоцьку,
Отправлялса посмотреть да всё ету палоцьку;
Да увидел где Сухматина где палоцьку:
Она не маленька палоцька, тенёт сто пудов.
«Уш вы ой еси, ключнички-замочнички!
Вы подите-тко к тому веть погребу,
Отмыкайте вы замоцик сорокопудною,
Выпускайте Сухматина Етихматовичя
Ис того жа ис погреба глубокого».
Ишша тут жа веть клюцьницьки не ослышылись,
Они пошли тут да всё ко погребу
И отомкнули замоцик сорокопудною,
Выпускали где Сухматина Етихматовица.
Выходил где Сухматин тут ис погреба.
Пошели где ко князю ко Владимёру.
Да подходит де Сухматин ко Владимёру.
Говорыл де Владимёр стольнокиевьской:
«Уш ты ой еси, Сухматин Етихматовичь!
Уш я цем буду тибя ноне дарыте же?
Ты веть бери у мня цего надобно,
Да цего надобно тибе-ка, да чего следует».
Роспроговорил Сухматин Етихматович:
«На приезде миня ноничe не учостовал,
А на отъезде теперичe не учостовать».
А выхватывал Сухматин стрелоцьки калёныя
Ис того же ис правого бок[у],
Ис тех жа ноне ран из горецих же.
Ишша тут же Сухматину славы поют.

М. С. Крюкова

ПРО БОГАТЫРЯ СОХМАТИЯ СОХМАТЬЕВИЧА

Э и как во славном было во городе во Киеве,
Э и собирал то князь Владимер он почесен пир,
Э и он почесен пир сбирал да вот для всех людей,
Э и как для всех тех славных богатырей,
Э и он для всех ли младых рыцарей.
Э и как не ясны соколы тут слеталися,
Э и добры молодцы богатыри съезжалися,
Э и как всё скоро-скоро княженецкие гривены,
Э и всё народом то людьми принаполнились.

Э и как встречал Владимир князь гостей, низко кланелся,
Э и и провожал гостей, их усаживал,
Э и вот садил гостей на скамеечки рыта бархата,
Э и он за те ли он за кушанья сахарные,
А и как за разные за водочки заморские.
А и вот веселой-от пир у князя шол на веселе,
Э и красно солнышко пекло во Киеве на ясени,
Э и вот все ведь его гости званые,
Э и ешшо званы его гости усажоные,
Э и усажоны гости ти угощоные,
Э и сам ходил князь Владимер он, посматривал,
Э и он посматривал князь Владимер всё, поглядывал,
Э и ешше все ли гости усажоны угощоные,
Э и угощоны все гости разныма напитками напьёны,
Э и обошол князь Владимер со столичка со перьвого,
Э и вот со перьвого столичка до последнёго,
Э и последнёго до столичка до заднёго,
Э и всем ведь кланелся Владимер, говорил же им:
«Э и уж как кушайте, мои гости зазваные,
Э и ешшо зазваны вси гости усажоны,
Э и росскажите, все гости, про свои дела,
Э и про свои же дела да где бывали всё,
Э и вы бывали где да, цёго-цёго видали,
Э и вы чего-чего видали, гости, чего слыхали вы».
Э и тогда начали ведь гости говорить же всё,
Э и говорить князю всё, рассказывать,
Э и рассказали всё князю вот Владимеру,
Э и про свои ти кажной сказал про поездочки,
Э и про поездочки свои славны богатырски всё,
Э и как ведь рыцари про свои млады подвиги всё.
Как то даже князь Владимер стольне-киевской
А и приказал играть во игры разны, во струночки,
Э и очень пир шол у князя весел он.
Красно солнышко пошло у нас ко западу,[1]
А и вот от запада пойдёт тогда к закату всё,
Э и ешшо всё ведь эти гости на пиру сидят,
Э и весёлы они сидели, веселёхоньки,
Э и как приказал князь Владимер стольне-киевской
Принести же своим стольникам верным же всё
С погребов-то принести пива пьяного.
Его стольники-лакеи не ослышились,

---

[1] *43-й стих спет на другой напев.*

Приносили много пива-браги пьяного,
Заносили-то по гостям-гостям усаженым.
Во-первых же, подносили в столы перьвые,
В столы перьвы подносили всё, в передние,
Во-вторых же, подносили в столы середние,
Как тогда же подносили в столы коже́вные,
Как тогда же подносили в столы задние,
Вот ведь зачали богатыри пить пиво-брагу пьяное,
Пиво пьяноё пить же, пиво крепкоё,
А вдосталь стали подносить, князь же сам.
Тут ведь все гости развеселилися,
Развеселилися гости тут, расшутилися,
Меж собой-то тут гости розговор вели,
Розговор они вели тут, приросхвастались,
Вот как умной-ёт захвастал родным батюшком,
Вот как разумной-ёт захвастал родной матушкой,
Глупой-ёт захвастал молодой женой,
Неразумной-ёт захвастал родной сестрой,
Богатыри захвастали своею силою,
Своею силою захвастали богатырскою,
Ишо рыцари — удалью рыцарской,
Как ведь дальнима своима они поездками,
Поленици своей удалью поленической,
Князья-бояра науками премудрыми.
А как купци-гости торговые — золотой казной,
Корабельшички с матросами — своими плаваньём,
Крестьяна-те прожитосьни — святой верою,
Черный пахарь захвастал он трудом своим,
Рыболовы-ти захвастали своей рыбной ловлею.
Как сидели-то сироты бесприютные не хвастали,
Они сидели-то, присмирели, смотряли всё,
Пропеватели-то всё, смотряли ж,
Скоморохи тогда не плясали же.
Только сидел у нас один доброй молодец,
Доброй молодец сидел у нас богатырь он,
Ишшо на имя Сохматий сын Сохматиевич.
Подышол-то князь Владимер к нему, кланелся,
Возговорил же речи ему со улыбочкой,
Со улыбочкой же сказал речь со тихосью:
«Уж ты ой еси, дородней мой ведь молодец,
Уж ты, русьской мой могучий сильнёй богатырь есь,
Ишо на́ имя Сохматий сын Сохматиевич!
Почему же ты у меня сидишь не весел всё,
Как моей же ты радости княженецкою

Некакого ты не имеешь-то участвия?
Ты сидишь у меня, доброй молодец ничего в пире не говоришь-то,
Во-вторых, ты ничем же сидишь не хвастаешь.
За твою же я вот за службу великую,
Я за ту ли за выслугу богатырскую
Вот хочу же князь Владимир тебя жаловать,
Хочу жаловать тебя, хочу миловать:
Ты бери-ко себе, Сохматий, красна золота,
Получай-ко ее, Сохматий, чиста серебра,
Если надоть тебе терем великий, я даю тебе,
Как со тем ли со садом тебе с зеленым дам,
Ты бери платья-одежду сколько надобно,
Тебе всё же, Сохматьюшка, повыдаю».
Тогда ставал же Сохматий на резвы ноги,
Он ведь кланелся князю же вот Владимеру:
«Тебе спасибо, князь Владимир стольне-киевской,
На великой на большой твоей милости,
Мне не надобно подарки дороги твои,
Мне куда же мне Сохматьюшку с богатьствицом,
Мне не к чему же большое именьицё.
Если хочется, Владимер-князь стольне-киевской,
Если хочется узнать про подвиг же мой,
Не позаглазно скажу, князь, в глазах вымолвлю,
Много-много я везде Сохмат езживал,
Много побил у тебя силы подходяшою,
Подходяшой силы этой всё ко Киеву,
Я очистил много дорожочок прямоезжих-то,
Во лесах во славных брянских много камышничков,
А камышнички наехали из разных стран.
А теперь хочу Сохматий отдохнуть же я,
Вот хочу-то, князь Владимер, сказать же всё.
Ты позволь-ко, князь Владимер стольне-киевской,
Мне-ка съездить поутру завтра ранному,
По восходу же вот завтра красна солнышка,
Мне-ка съездить-то ко морю, морю Черному,
Вот ко камню-ту съездить ко Латырю,
Ко тому ли ко кружалу государеву,
А оттуль охвота съездить во леса славны брянские,
А тогда же всё проеду на тихи славны заводи,
Настреляю я тебе гусей-лебедей,
Ише привезу тебе лебедушку очень важную,
Не убитую лебедушку, не ранену,
Вот не ранену лебедушку — живу в руках,

Ты получай-ко, князь Владимер, ей живу в ру́ках».
Как Сохматий богатырь славной киевской
Тут положил он со князем завещаньице
Получить князю Владимеру лебедушку живу в руках.
И как тогда-то пир у князя у Владимера
Вот на весели пошол в удовольствие,
Запели то, запели, братцы, разные истории,
Как запели-то, во-перьвых, у их богатыри,
Во-вторых, ведь вот же все млады рыцари.
Долго шол у князя пир, продолжался он;
Э и всем гостям на пиру сидеть соскучилось,
А иные стали очень много пьяные,
Уж как стали тут гости расходитеся,
Распрошались тут со князем со Владимером,
Как со сильнима могучима богатырьми.
Провожал-то князь Владимер их, низко кланелся,
Проводил гостей, зашол обратно князь всё.
Тут он стал с богатырьми говорить про всё,
Когда стали тут богатыри расходитеся,
Когда начели-то с князем вот прощатися,
А на завтрашное утро кто куда пойдёт,
Кто куда пойдёт, скажом, поедут-то.
А Сохматий-от стал ведь прощатися,
На прощаньице стал князю говорить он:
«Шо поеду я поеду на тихи заводи,
Привезу тебе, князь Владимер, в подареньице́ лебедушку
Вот не ранену ее, всё живу в руках».
Вот по утру ведь утру, утру ранному,
По восходу ту было солнца красного,
Не былиночка во поле забелелася,
Доброй молодец богатырь ехал на своем кони,
Как ведь на имя Сохматий сын Сохматьевич,
Ишше конь ведь под им будто стрела летит,
Он подъехал ко матушке Непрю-реке,
Вот подъехал-то Сохматий, становился тут,
Остановился тут Сохматий, воздохнул же сам,
Он хотел же сам ведь напиться вот свежой воды,
Не напился он ведь тут же вот свежой воды.
Потому он не напился, што мутна была.
Он ведь стал же всё у реки выспрашивать,
Вот выспрашивать же начал всё, выведывать:
«Уж ты ой еси, наша славна Непр-река,
Расскажи-ко се мне же вот, отчего мутна,

Отцего мутна да с песком же вся,
Всё с песком же со дна помешалася,
Все каменьица со дна же ты повыбросила?»
Отвечает на ему, славна Непр-река,
Славна Непр-река всё же славна матушка:
«Уж ты ой еси, дородней ты доброй молодец,
Ише на имя Сохматий сын Сохматьёвич,
Не обижайся на меня, славну Непр-реку,
Не сама собой я Непр-река смутиласе,
Не сама-то пески жёлтые набросиля,
Вот из силы-силы я выбиваюся,
Потому-то из сил я река выбиваюся,
Потому что я через силушку работаю.
А днём-то, днём-то у матушки у Непрь-реки
Как мостят, мостят-то всё мосты дорожные,
Вот дорожные мосточки очень крепкие.
Я ведь ночью-то река мосты повыкину,
Потому мосты повыкину, побрасываю,
Не зашли штобы неверна сила-армия,
Сила-армия не зашла во славный Киев-град,
Не навредила много вреду в славном Киеве,
В славном Киеве вреду князю Владимеру,
Вам ведь руським могучим богатырям.
А за мной же всё славной за матушкой за Непрёй-рекой,
Там стоит-то сила — армия многая,
Пришла силушка неверная из дальних стран,
Ясному соколу на полете не облететь будёт,
Тебе, добру молодцу-богатырю, не объехати на добром кони».
Тут Сохмат-ёт сидит пригорюнился,
Вот Сохматьевич сидит призмыслился:
«Не знай, что добру молодцу сейчас-ка делати,
Ише делати мне-ка се работати.
Я ведь клал князю Владимеру-ту заповедь,
Што мне-ка съездить-то на тихие на заводи,
Вот на тихи-ка съездить мне лебединые,
Привезти-ка мне лебедушку живу в руках,
Вот не стрелену лебедушку не кровавую,
Поимать-то эту лебедушку живу в руки,
Подарить-то эту лебедушку ведь и князю ту Владимеру,
А Владимеру-то князю в подареньице.
Но ведь кажной, братцы, кладёт заповедь,
А не кажной-ёт из богатырей выпа́лниват.

Только горе мне Сохматию Сохматиевичу,
Как нет у меня с собой сабли вострою,
Не случилось у меня с собой копья славного богатырского,
Нету нету у меня паличи тяжолою,
Как тежолой славной богатырскою.
Делать нечего — ведь назадь не воротишься.
А что будет ли, будет нет — попробую,
Заберёт ли мня схватит сила-армия,
Заберёт ли сила-армия, в плену буду,
Тогда повыручит меня всё Владимер-князь,
А помогут же ему сильни богатыри,
Как мне же всё-от чудны рыцари».
Тут немного у нас Сохматий розговаривал,
Он немного у нас Сохматий вот думать стал,
Перескочил переехал славну Непрь-реку,
Вот ведь стал Сохматий у нас во чистом поле
Вот во том ли он во полюшке, во чистом стал,
Во роздольице Сохматий, во широком стал,
Он выдерьгивал из кармана скоро трубочку,
Скоро трубочку свою же он подзорную,
Начал силушку он пересматривать,
И ближней силы оглядел, оприметил он.
Зачел Сохматий силы пересчитывать,
Насчитал-то он силы в перьвых полных сорок тысячей,
Достальнёй-то силы не стал пересчитывать.
Тут не лютоё зельё разгорелося,
Богатырско-то ведь серце ростреложилось,
Могучи-ти его плечи шшевелилися,
Лепета его в лици переменилася.
Вот выдерьгивал Сохматий тут стоячий дуб,
Вот стоячий дуб выдерьгивал со всем коренем,
Вот обделал он всё себе дубинушку,
Вот дубиночку себе очень хорошую,
Вот ведь начел своей дубиночкой похаживать.
Вот похаживать дубиночкой, помахивать,
Вот вправо-вправо махнёт — валилась улица.
Волево он отмахнёт — так переулочки.
Вот бился у нас, бился он,
Трои суточки-ти поры-времячки,
Вот прибил, прибил силу многую,
Силу многую прибил же он неверную.
Не успел он пересмотрять, с коей силушка земли пришла,

Сразу были все знамена их потоптаны,
Всё завалено трупами всё телами мертвыма,
Вот прибил, прибил же Сохмат всю силушку.
Как из этой же всё силы из армии
Убежало три солдата, скрылося,
Они скрылись, утулились всё во малиновые листочики,
Во листочики-ти скрылись во кусточики,
Дожидались всё — Сохматьюшко поедет,
Как поедет всё Сохматьюшко назадь, в стольний Киев-град.
Вот устал, устал у Сохматия его доброй конь,
Заходил-то он ведь ступью очень тихою,
Приустали у Сохматья ручки белые,
Приустали у Сохматья ножки резвые,
Он не стал тогда пересчитывать силы-армии.
Много-много призарыл он силы-армии,
Призарыл-то силы-армии с чиста поля.
Уж немнога та силушка осталася,
Чтобы льзя было проехать славным богатырям,
Чтобы льзя было проехать чудным рыцарям.
Чтобы льзя было проехать поленицам-то.
Вот поехал нонеца Сохматьюшка скорёшенько,
Вот скорёшенько поехал он, крутёшенько,
Ко славному ко гораду ко Киеву,
Ко ласковому князю ко Владимеру.
Он наехал на кусточки те на ракитовы,
Где лежали его солдаты караулили,
Натянули они свои луки скорёшенько.
Вот положили стрелочки калёные.
Розлетелись эти стрелочки калёные
Не в леса они всё же ведь в леса темные,
Не устрелили они же птиц на полете,
Эти падали ведь стрелочки каленые
Во Сохматия вот же ведь во Сохматьевича
Они сделали-то три раны кровавые,
Они сделали ему же вот во правой бок,
Потекла у его же кровь горячая.
Недосуг-то тут Сохматью розговаривать,
Он выдерьгивал вот же свой тугой же лук,
Клал-то туда стрелочку каленую,
Застрелил-то трех солдат во кустах же их.
Не предал их скоро во землю тут,
Не выкопал могилочок глубоких-то.
Он сказал-то им да таковы слова:

«Вот как злым тотарам то смерть пришла».
Как тогда тогда Сохматий Сохматьевич
Соскочил тогда Сохматий со добра коня,
Он ведь брал, сорывал он три листа,
Вот ведь три тогда листочка он малиновых,
Он ведь брал листочки ти со всем соком,
Прикладывал к своим раночкам глубоким он,
Он сказал-приговорил таковы слова,
Таковы же он слова, таковы речи:
«Ты уймись, уймись, моя же кровь горячая,
Не ходи-ко-се боле, не пустись у мня,
Не в балосьви эти раночки получил я,
Получил раны: за всю страну свою стоял,
За страну же свою стоял Россиюшку».
Унелясь у его тогда горяча кровь,
Не потекла она у его, не побежала вся.
Тогда садился у нас Сохматий на добра коня,
Поехал наш Сохматий в славной Киев-град,
В славной Киев-град поехал всё ко князю он.
А у князя-то Владимера шол во ту пору во времячко,
Вот ведь шол пир у князя на весели.
Когда приехал Сохматий на широкой двор,
А боярьски ти дети дворянские
Они начяли над им вот насмехатися,
Насмехаться-то они начали, изгилятися:
«Уж ты ой еси, Владимер-князь стольне-киевской»,
Говорили эти дети боярскея,
Вот боярские как дети эти дворянские:
«Не худой у тя богатырь Сохматий-от,
Он ведь хорошу ту славушку заслужил себе:
Не пустым-то тебе нетом похвастал всё,
Что привезёт тебе лебедушку не кровалую,
Не кровалую лебедушку не ранену,
Поимат-то, привезёт, даст да тебе живу,
Вот живу тебе да в подареньице.
Вместо лебедушки тебе он в подареньице
Нецего-то он привез, нецем ударит тебя.
Омманул тебя ведь и всё князя Владимера,
Насмеялся он над тобой во глаза тебе».
Как богатыри тогда же все говорили:
«Это знам же мы Сохматья хорошо в делах,
Никогда у его неправды не было,
Это что-нибудь с Сохматьюшком случилося,
Ишше што-нибудь с ним приключилося».

Говорили-то тогда князи-бояра:
«Вы уж ой еси, богатыри славные русские,
Все ведь рыцари вы же есь премладые,
Вот один одного будто закрываете,
Закрываете вы будто защитаете,
У вас всё прошшат Владимер-князь же милует,
Не кладёт на вас никогда же он́ обидушки,
Как ведь мы-то когда в чем провинемся,
Получам от тебя разны приказаньиця,
Нас садишь же всё, Владимер, в темны темници,
Заключаешь во злодейки заключебные».
Тут Владимеру-ту князю за беду пришло,
За великую насмешку показалося,
Он разгневался на богатыря Сохматия,
Когда зашол, зашол у нас Сохматий Сохматиёвич,
Как во ту ли во гривену столовую,
Где сидел-то князь Владимер со гостями всё,
Как сидел-то он кушанья-ти кушал всё,
Ише кушал-то он кушанья-ти разные,
Ише беленьку лебедушку-ту рушил он,
Когды зашол к нему богатырь всё Сохматий-от.
Э и поздоровался когда с князём Владимером [1]
Вот со русьскима со всеми со богатырьми,
Как со младыма со чудныма со рыцарьми;
«Уж ты здравствуй, красно солнышко Владимер-князь».
«Уж ты здраствуй, доброй молодец Сохматий-ёт,
Вот Сохматий, здравствуй, свет же ты Сохматьевич,
Ты хотел же мне, Сохматий свет Сохматьевич,
Привезти-то мне в подарочек лебедушку,
Вот лебедушку привезти-то мне белую,
Не кровавую лебедушку, не ранену,
Вот не ранену лебедушку, живу в руках,
Вот живу же всё в руках да во падарочёк.
Но и мертву не привёз хоть во пишшу мне,
Не хорошо же надо мной тебе смеятися».
Тут Сохматью-ту Сохматьевичу за беду пришло,
За великую обидушку показалося.
А дворянски-ти дети всё боярские
Над им зачали они изгилятися.
Как тогда-то Сохматий возговорил им:
«Пушшай жо я, дурак, буду изменьшичек,
Пушшай жо я ссыльной солдат государев,

---

[1] *373-й стих спела на другой напев.*

Я изгнатый богатырь из Киева».
Тут ведь начал он князю Владимеру напенивать,
А из слов-то ему всё наговаривать.
Тут Владимеру-князю не слюбилося,
Он розгневался, разгневался на Сохматья-та,
Приказал забрать его же добра молодца,
Он опутать его̀ в путанья шелковые,
Вот задёрнуть велел во арканы железные.
От богатыри некто не согласилися,
Рыцари премлады не подумали,
Как задерьгать во путанья шелковые.
Ишше те ли все дети боярские,
Вот боярски дети-ти дворянские,
Повели его во темную во темницу,
Засадили всё в злодейку заключебную.
Как тогда-то вот говорил Илья Муромець,
Илья Муромець говорил сын Иванович:
«Уж ты, ласковой Владимир-князь стольне-киевской,
Не малу ту ведь шуточку нашутил князь:
Которой служил богатырь тебе верой-правдою,
Оберегал ведь твой славной Киев-град,
Как тебя спасал князя со княгиною,
Теперь гинет богатырь понапрасному,
Как моришь-то его смертью голодною,
Это нам ведь богатырям не ндравится.
Не поправишься в делах, дак сам узнаешь всё,
Мы возьмемся за это делышко великое,
Повыведем богатыря из неволюшки.
Ты пошли-ко съездить богатыря во чисто полё,
Осмотри-ко, шё делается во чистом поле».
Говорил тогда Владимир-князь стольне-киевской:
«Поезжайте-ко вы, съездите, добры молодцы,
Добры молодцы три добрых богатыря:
Во-перьвых-ко, поезжай-ко-се, Добрынюшка Никитиц,
Во-вторых же, всё Алёшка Попович-от,
Во-третьих, съезди все, Пересчёта родной племянничек».
Тут немного всё богатыри разговаривали,
Вот срядились они в путь-дорожочку,
Они одели свои платья богатырские,
Они взяли всё своё орудие богатырскоё,
Вот уехали богатыри в чисто полё.
Всё проверили-узнали, в чем дела́ были,
В чем дела были-стояли у Сохматьюшка,
У Сохматья ведь всё у Сохматьевича.

Сосчитали перьву силушку его они,
Насчитали этой силы сорок тысячей,
А сколько сколько захоронено было силушки,
Той, конечно, они силы не розрывали же,
Не розрывали этой силы, не пересчитывали.
Но нашли, нашли они дубиночку-обломочёк,
Повезли этот обломочёк в стольной Киев-град,
В стольной Киев-град ко князю ко Владимеру,
Ко Владимеру ко князю в показаньице.
Рассказали при пиру да как дела были,
А дубиночку-обломочёк как свешали,
Потянула эта дубиночка девяносто пуд.
Тогда схватился Владимер-князь, обдумался,
Он пошол-то сам звать на почессен пир.
Вот пришол, пришол ко темной ко темнице,
Как ко той ко злодейке заключебною,
Отомкнул он скоро двери златым ключом,
Где сидел у нас Сохматий во подвалушке,
Во подвалушке сидел он во глубоком всё.
Подошол-то князь Владимер, низко кланелся:
«Ты прости меня, Сохматий сын Сохматьевич,
Ишше той меня вины виноватою:
Огрубил-то я тебя славного сильного могучего богатыря
За твою ли я тебя за службу великую,
За твои ли всё подвиги славны богатырские,
Во-перьвых, зову я тебя на почесен пир,
Во-вторых, сажу я тебя во веселой пир,
Для тебя-то я теперь сберу же пир,
Не посажу во пир теперь детей боярских всё,
Не посажу во пир детей же я дворянских всё,
Посажу с тобой на пир всех богатырей,
Россажу же я на пир всех чудных рыцарей,
Я при них же всё тебя буду ударивать».
Выходил тогда Сохматий сын Сохматьевич,
Выходил-то он тогда из тёмной темницы,
Из той же из злодеюшки заключебною.
От не пошол он во полаты княженецкие,
Не в его-то не пошол в столовую гривену,
Нечего-то сидели тут дружья-товарищи,
Ишше сильные тут русские богатыри,
Как премлады ти сидели чудны рыцари.
Он не пошол-то всё с ними проститися,
Вот навечно с ними розлучитися,
Розлучитеся-то с ними росстатися.

На прошшаньице-то князю говорил он:
«Уж ты, ласковой, Владимир-князь стольне-киевской,
Не умел ты гостя на приезде учствовать,
Вот учствовать-то гостя, угостить меня,
Дорогима подарками ударить меня,
А по отъезду гостя ведь не учствовать».
Тут пошол, пошол Сохматий сын Сохматьевич,
Он ведь вышел вот из славного из Киева,
Он пошол, пошол ко матушке Непрю-реки,
Перешол он переехал славну Непрь-реку,
Он пошол, пошол во полюшко во чистоё,
Во чистоё он вышел во раздольицо.
Он сдирал, сдирал листочки вот малиновы
Из своих-то он из ран из кровавых-то,
Сам ведьраночкам своим выговорил всё:
«Уж вы ой еси, мои раны кровавые,
Вот пролиты вы, раночки всё кровавые,
Всё за славный город бился, за Киев-град,
За ласкова князя за Владимера.
Он забыл, забыл всю милось великую,
Красно солнышко пекци стало не тёпло меня,
Князь Владимер-от меня не возлюбил-то,
Вот не для чего стало мне на свете жить,
Все богатыри-дружья забыли меня,
Вот забыли, они не вышли на свиданьице,
Пушшай вспоминают меня после времени».
Рванул он, рванул раны кровавые,
Воспроговорил он же, он сказал же им:
«Вот теки, теки, бежи, кровь горячая,
Как от моей же от крови от горячея,
Протеки-ко, пробежи-ко, славна матушка Сохмат-река,
Не широка ты, река, очень глубокая.
Тут ведь станут-то богатыри съезжатися,
Млады рыцари-ти будут скоплятися,
Вот скопляться будут, диловатисе,
Все со старого до малого будет на юдивленьице».
Как сказал у нас Сохматьюшко Сохматьевич,
Вот не славился Сохматьюшко, представился.
Пробежала-протекла славна Сохмат-река,
Не широкая она, очень глубокая.
Тут узнали все богатыри, съезжалися,
Вот съезжались все премлады сильны рыцари,
Тогда скопились народ же все, съехались,
Чуду-чудному да диву-дивному дивовалися.

Пожалел-то, потужил всё Владимер-князь,
Вот Владимер-от славной киевской,
Обвинил вот князь он же вот сам себя:
«Князь же я стар, ведь умом слабый стал».
Вот старинушке той, братцы, конец пришол,
Славну морю тут ведь Черному на тишину,
А Сохмат-реки на чесь-славу великую,
Вам, премудрым людям, на росписаньице,
Младым от вас пойдет на пропеваньице,
Как ведь эту старинушку пропевать будете,
Петь будете, россказывать.

(«От Гани и от дедушки от Василия и от крестной — теты. От мамы тоже, но у мамы не так. Мама знала с родины»).

П. С. Пахолова

СТАРИНА ПРО СУХМАНА СЫНА СУХМАТЬЕВИЧА

Как во городе было во Киеве
А и как у князя у Владимера да Святослаевича.
Зашло солнце, все же шло красно ко западу,
Веселой-от пир у князя шел на весели.
Во пиру были бояре-ти, дворяне-ти
И могучие руськие богатыри.
Ише все на пиру сидели досыта наедалися,
Допьяна они да напивалися,
Ише все они на почесном все росхвастались.
Уж как умной-от хвастал родным батюшком,
Как разумной-от хвастал родной матушкой,
Как неразумной-от хвастал молодой женой,
А безумной-от хвастал сидел родной сестрой,
А богатыри хвастали силой да богатырьскою,
А как один богатырь сидел нецем не хвастал-то,
Он потупил буйну голову в кирпичной пол.
Тут ходил-то наше красно солнышко,
Он по гридине ходил да княженеською,
Он серебреныма подковочками с ножки на ножечку приступывал,
Золотыма-ти шпорами набрякивал,
Он направо-то ухо все прислушивал,
Он жа правым глазом весело поглядывал
На те же столы да все окольние,

Он на те ли скатерти да бранные,
И за те ли за ества сахарние,
И за те питьица заморские,
Он князь Владимер Святослаевич,
Он же веселой он да все поглядывал,
Иша речь же он все возговорил:
«Уж ты ой еси, единородной доброй молодец,
И ты имени Сухматей сын Сухматьевич,
Ише что же ты, доброй молодец могучой-от,
А и ты могучой наш руськой все богатырь-от,
Ты по имени Сухматей сын Сухматьевич,
И сидишь у мня, доброй молодец, нецем же ты,
А и ты нецем же мне, князю Владимеру, не хвастаешь?
И то тебе ли, добро молодцу могучему руському богатырю,
И разве тебе же, добро молодцу, похвастать разве нецем-то?
И тут нечем же ты мне, князю Владимеру,
И нечем же ты мне да все не хвастаешь?».
И ставал Сухматей сын Сухматьевич
На резвы скоро он же ножочки,
Он же кланялся, бил челом князю все Владимеру:
«Уж ты ой еси, наше красно солнышко,
Ты Владимер князь да Святослаевич,
Я похвастаю тебе, да доброй молодец,
Я Сухматей сын да все Сухматьевич,
Уж я привезу те лебедушку же белую
Я на тихих на тех на заводях все ей,
Я на тех-то ей да на Пучай-реки,
Эта лебедушка есть она да очень белая,
Вочень белая лебедушка, есть у ей да два же крылышка,
Перьво крылышко у ей да все серебрено,
А второ же крылышко в ей золоченое».
Эти слова князю Владимеру очень полюбилися:
«Уж ты ой еси, Сухматей сын Сухматьевич,
Ты могучей у нас сильней богатырь же,
Привезешь мне лебедушку белу в живых в руках,
Эта лебедушка у тя будет да не кровавая,
За твою ли я за [у]слугу за великую
Награжу тебя я трема городами же,
Нагружу тибя я золотой казной до люба».
А и тут ставал Сухматей сын Сухматьевич,

Выходил скоро он из тих столов из окольних же,
Он же крест-то клал да по-писанному,
А поклон он-от вел по-ученому,
Он пошол скоро он да на широкой двор,
Ише брал в руку узду да все серебренную,
Одевал на своего коня богатырьского,
Одевал на себя же он платье богатырьское,
И одевал он на себя латы богатырьские,
И только видели мы добра молодца, как на коня же сел,
Только видели добра молодца, как курева скурела,
Курева скурела, да только столб стоял.
Приезжал тогда Сухматей сын Сухматьевич
Ко Пучай он приезжал он к реки ко быстрою,
Он там ко тихим же да все ко заводям,
Где-ка [о]на плавала да лебедь же белая.
В том же в месте не случилося,
Не случилось ей, не пригодилося.
Тут роздумался богатырь Сухматей сын Сухматьевич,
И что нет ей тут лебедушки, нет же белою.
Захотелось тогда Сухматью сыну Сухматьевичу
Во тихих заводей же ехати,
Как искал он ездил лебедушку же белую,
Он не мог ей не найти нигде,
Он поехал прямо он да ко Пучай-реки,
Как Пучай-река стоит очень мутная же,
Вся она смутилася.
Тут возговорила Пучай-река:
«Уж ти ой еси, богатырь сын Сухматьевич,
Ты Сухматей сын Сухматьевич!».
Говорил же тут Сухматей сын Сухматьевич:
«Уж ты ой еси Дунай ты, да речка быстрая,
Ты пошто его очень да помутилася?».
Тут проговорила Сухман-река:
«Уж ты ой еси, богатырь Сухматей сын Сухматьевич,
Как за мной-то речкой-то за быстрою,
Как сила-то стоит да все тотарьская.
Ише днем они мостят мосты-ти все калиновые,
Уж я ночью-ту, река, я все повыбью мосты,
Я из сил все, река, повыбилася».
Тут Сухматей-от богатырь все Сухматьевич
Он немного доброй молодец же думал же,

Он же брал в руки плеточку шелковую,
Он как зачел-то стегать своего добра коня,
Ише скорой мах перескоцил его добрый конь.
Как поехал Сухматей сын Сухматьевич,
Он приехал скоро, тут стояла сила тотарьская,
Ише сорок тысецъ стояло поганых тотаровей,
Они шли скоро ко городу-то Киеву,
Как ко ласкову ко князю ко Владимеру.
Ише божьи церквы они хотели на дым спустить,
И монастыри-ти они спасены розорить же все,
Ише князя-то Владимера сгубить же хотят.
Ише у Сухматья-то сына все Сухматьевича
При ем сабельки вострой не пригодилося,
Ише взял он ломал он дубиночку да со сырой землей,
Ише сел он скоро да на добра коня да богатырьского,
Ише зачел дубиночкой помахивать,
И на право стал, на лево их же все повертывать,
И перебил-то их-то всих да до единого.
Ише два тотарина поганые
Убежали они да за рокитов куст,
Они налаживали же стрелоцьки каленые
На богатыря Сухмана на Сухматьевича,
И-и попала Сухматью сыну все Сухматьевичу
Калена стрела да в правой бок ему,
Не досуг же тут Сухману Сухматьевичу,
Не досуг ему много же розговаривать,
Потекла у его да из ран да кровь кровавая.
Он нарвал листочков все малиновых,
Он приклал [к] ранам да все к кровавым же,
Перевязал взял он своим платочиком же беленьким.
Тут садился богатырь сын Сухматей все Сухматьевич
На добра своего коня да богатырьского,
Не досуг ему боле искать-розыскивать,
Ишо беленькой ему лёбедушки
Привести к князю Владимеру,
Он поехал скоро он да в красен Киев-град,
Он ко грины-то поехал к княженеською,
Ко крылечушку поехал скоро к княженеському,
И ко столбичку поехал все к точеному,
Ко колечушку да к золоченому.
Тогда стречал его да князь Владимер же,

Он встречал-то богатыря Сухматья сына Сухматьевича,
Уж он с радости стречал его, с весельица:
«Уж ты здравствуй, здравствуй, Сухматей сын Сухматьевич,
Ты привез ли мне-ка лебедушку же белую?
Уж как беленьку лебедушку не кровавую?
Я тогда-то буду, добра молодца, же жаловать,
Уж я буду тебя тогда миловать
Золотой казной до́ долюба!».
Тут возговорил богатырь Сухматей сын Сухматьевич:
«Уж ты ой еси, нашо ты красно солнышко,
Ты великой князь Владимер же Святослаевич,
Не до лебедушки не мне не было до белою,
Как за Непрей-то речкой быстрою стояла сила неверная,
Как неверная стояла сила тотарьцкая,
Ише сорок тысечей стояло поганых все тотаровей,
Они же шли поганые тотарова
Как во славной шли город, к Киеву,
Ише красной Киев-город разорить хотели,
Тебя, князя Владимера, во плен же взять;
Перебил я всих же их да до единого».
Тогда не поверил князь Владимер Святослаевич:
«И не, может быть, не правды мне-ка сказывашь!».
Приказал он засадить Сухмана сына Сухматьевича
Как во темну его во темницу,
Заключить его в злодейку в заключебную.
Говорил тогда Сухматей-от сын Сухматьевич:
«Уж ты ой еси, князь же все ты Владимер Святослаевич,
Ты не веришь што моим словам же все де вы,
Ты пошли, пошли-ко моих же брателков двух крестовых же,
Во-первых, пошли старого седатого,
Как того ли ты Илью-та Муромца,
Илью Муромца сына Ивановича,
Во-вторых пошли Добрынюшку Микитича.
Ише пусть они досмотрят все, доглядят же они.
Не посылай только Алешеньку Поповича,
А у Алешеньки Поповича правды не скажет же».
И тут говорил же князь Владимер таковы слова:
«Уж ты ой еси, старой седатой Илья Муромец,

И-и сын же ты все Иванович,
Уж ты съезди-ко далече во чисто поле,
Во чисто поле съезди во широкое в раздольицо,
Ише к той же ты реки, ко Непр-реки,
И ты же съезди, съезди-ко,
Добрынюшка Микитич млад,
Посмотрите вы-ко доглядите-ко,
Ише правду ли мне сказыват,
Сухматей все Сухматьевич».
Тут же скоро старой-от седатой-от
Ише Илья же сын же Муромец,
И они скоро с Добрынюшкой сбиралися,
Они брали с собой все палици боевые,
Они брали с собой копьица же востры богатырьские,
И садились скоро на добрых коней да богатырьских же,
Они сели на добрых коней да богатырьских же,
[О]ни поехали за эту реку за Непр же все,
Увидели во чистом поле силы набито же,
И-и набито силушки поганой счету-сметы нет.
Они нашли-то дубиночку, котору Сухматей сломал ей-да из сырой земли.
Эта дубиночка да вся она обломана,
И тогда же эта дубиночка же вся изломана,
Она весом-то была да девяносто пудов,
И привозили князю они да ко Владимеру
Показать ему да все как было же.
Тогда князь Владимер поверил же,
Говорил князь Владимер Святослаевич:
«Уж вы ой еси, послы вы княженеськие,
Вы берите-тко ключи да золотые-ко,
Отмыкайте же вы да темны темници,
Выпускайте-ко Сухматья сына же Сухматьевича
Из той ли его же все же темной темницы,
Вы ведите его да добра молодца,
Как могучего руського ко мне богатыря,
Как в мою-то во грину кнеженеськую,
Как ко мне, князю, ведите ко Владимеру.
Уж я буду его, добра молодца, и жаловать,
Буду жаловать его я, миловать
За его ли все за услугу за верную,
Уж я золотой казной дарить его до люба!».
Тут княженеськие послы не ослышались,

Они пошли скоро выпускать Сухматья сына Сухматьевича
Из темной-то его да все из темницы.
Выходил тогда Сухматей-от сын Сухматьевич
И говорил же он тогда да таковы слова:
«На приезде-то у меня гостя да не учествовали,
На отъезде-то меня да не учестуешь».
Тогда выдергивал Сухматей-от сын Сухматьевич
Из своих-то ран он листочки малиновые,
Тогда потекла у его из ран кровь кровавая,
Тогда возговорил Сухматей-от сын Сухматьевич:
«Протеки же тут река, да все река Сухман же все
От моей крови горячою».
Протекла тогда Сухман да речка же быстрая.[1]

(«Пела эту старину мама Аграфена Матвеевна и деда Гаврило»).

Н. В. Кигачев

СУХМАНТИЙ АДИХМАНТЬЕВИЧ

Как во славном во городе во Киеве,
У ласкового князя у Владимира
Было пированьице-почестен пир
На многих князей, на бояр,
На светлорусских могучих богатырей.
Все на перу напивалися,
Все на перу наедалися,
В полупире все порасхвастались:
Богатый хвастыет золотой казной,
Сильной хвастыет своей силою,
Иной хвастыет — кони добрые,

---

[1] *Когда сказительница дошла до строки* «Награжу тебя я тремя городами же», *то спросила у присутствовавшей здесь же М. С. Крюковой:* «А какие-то были города, Марфа, я забыла?». — «Поди ты, не было городов, ты все путаешь». — «Нет, не путаю, я еще в книге так читала. Моя любимая старина была». — «Да то города у Волха были».

Книга про богатырей большого формата, толстая, по словам сказительницы, была ей подарена священником Красновским. Марфа Семеновна рассердилась, когда услышала про книгу: «Ничего в ней по правды не было, все врака, я ее и не читала. Мезенцы пели по-другому».

Когда сказительница дошла до строчки «Во вторых пошли Добрынюшку Микитича», *Марфа Семеновна Крюкова перебила сестру:* «Поди ты, не посылал их двоима». *Но Павла Семеновна стояла на своем.*

Умный хвастыет старой матерью,
А безумный хвастыет молодой женой,
А Сухмантий Адихмантьевич ничем не хвастыет.
Князь Владимир по горницы похаживает,
Желтыми кудрями потряхивает,
Говорит Сухмантию Адихмантьевичу:
«А ты что ничем не хвастыешь?».
«Нечем мне, молодцу, похвастати,
Разве тем мне, молодцу, похвастати,
Что съезжу я ко сине морю,
Приведу тебе лебедку не ранену,
Не ранену, не кровавленну — живьем в руки».
Идет он на конюшню на стоялую,
Он берет своего добра коня,
Поезжает он ко сине морю,
Ко той ко первой тихой заводи:
Тут не плавают ни гуси, ни лебеди
И не малы серы утеныши.
Поезжает он ко второй тихой заводи
И тут не плавают ни гуси, ни лебеди
И не серы малы утеныши.
И поезжает он ко третьей ко тихой заводи
И тут не плавают ни гуси, ни лебеди
И не серы малы утеныши.
И тут Сухмантий пораздумался:
«Куда мне молодцу поехати?
Поехать мне ко Киеву — живу не бывать.
А поеду я ко матушки Днепры-реки».
Приезжает он ко матушки Днепры-реки,
А матушка Днепра-река течёт не по-старому,
Не по-старому течёт, не по-прежнему,
Вода с песком помутилася.
Говорит Сухмантий Адихмантьевич:
«Что же ты, матушка Днепра-река,
Течешь ты сегодня не по-старому
И не по-прежнему,
Вода в тебе с песком помутилася?».
Говорит тут матушка Днепра-река:
«Как же мне течи по-старому и по-прежнему,
Как за мной, за матушкой Днепрой-рекой
Стоит сила татарская неверная,
Пробирается эта сила ко городу ко Киеву.
Мостят они мосточки калиновы,
Они день мостят, а я ночью повырою,

Оттого-то я и помутилася.
И из сил я матушка Днепра-река повыбилась».
Говорит тут Сухмантий Адихмантьевич:
«Не честь-хвала мне молодецкая,
не отведать силы татарскоей».
И направляет он своего добра коня
Через тую матушку Днепру-реку.
И подъезжает он ко сыру дубу
И выдергивает он дуб со кореньямы,
За вершину брал — с комля сок бежал.
И стал он дубиночкой помахивать.
Куда махнет — туда улицы,
Перемахнет — так с переулкамы,
А вперед просунется — так и площадкамы.
И прибил татар он чуть не до единого,
Только бежали три татарина
Ко матушки Днепры-реки.
Садились они под кусточки ракитовы,
Натягивали они туги луки,
Налагали они стрелочки каленые.
И поехал тут мимо Сухмантий Адихмантьевич,
И эти три татарина пустили они в бока стрелочки.
Он стрелочки с боков повыдернул,
Затыкал он раны маковыма листочкама
И убил он этых трех татаринов.
Поезжает он ко городу ко Киеву.
Долагали тут князю Владимиру,
Что приехал Сухмантий Адихмантьевич.
Говорит Владимир стольно-киевский:
«Пусть едет он ко мне на ясны очи».
И приходил Сухмантий к князю на ясны очи.
Говорит ему князь Владимир стольно-киевский:
«Ай да ты, Сухмантий Адихмантьевич,
Привел ты мне лебедушку неранену,
Неранену, некровавлену — живьем в руках?».
Говорит Сухмантий Адихмантьевич:
«Мне, мол, князь, было не до лебедушки.
Как за той за матушкой Днепрой-рекой
Стояла сила татарская, татарская сила неверная.
Пробиралась эта сила к городу ко Киеву.
Мостили они мосточки калиновы: они день мостили,
А ночью матушка Днепра-река выкидывала.
И побил я эту силу всю татарскую».
Говорит тут князь Владимир стольно-киевский:

«Ай же, вы, удалы добры молодцы, вы возьмите-ка
Сухмантья за белы руки.
Вы ведите-ка Сухмантья во глубок погреб».
И свели Сухмантья во глубок погреб.
А князь Владимир стольно-киевский
Посылает он во чисто поле
Богатыря Добрюнюшку Никитича
Попроведать заработку Сухмантьеву.
И поезжает Добрыня во чисто поле,
И видит он во чистом поле побита сила татарская,
Насчитал он силы сорок тысячей
И увидел он дубиночку-вязиночку,
На лазиночке дубиночка разбитая.
И привез он эту дубиночку-лазиночку ко Киеву,
И потянула дубиночка девяносто пуд.
И говорит он князю Владимиру:
«Ай же, ты, князь Владимир стольно-киевский,
Правдой хвастал Сухмантий Адихмантьевич:
Побита сила татарская во чистом поле,
Сорок тысяч татар ведь поганыих.
Ты посмотри дубиночку-вязиночку,
На лазиночки об татар она вся разбитая,
И остался вес в ней девяносто пуд».
Говорит тут князь Владимир стольно-киевский:
«Ай же, вы, удалы добры молодцы,
Выпущайте вы Сухмантья с погреба со глубокого,
Буду я его теперь миловать
И буду его теперь жаловать
Городамы его с пригородкамы,
Селамы его с приселкамы
За его услугу за великую».
Приходили тут удалы добры молодцы
Ко тому погребу ко глубокому,
Сами говорят таковы слова:
«Выходи-ка ты, Сухмантий Адихмантьевич,
Из того погреба из глубокого
Ко князю на ясны очи.
Будет тебя князь миловать,
Будет тебя князь жаловать
Городамы тебя с пригородкамы,
Селамы тебя с приселкамы
За твои услуги за великие».
И говорит Сухмантий Адихмантьевич:
«Не умел меня князь миловать,

Не умел меня князь жаловать.
Теперь не видать меня во ясны очи».
И выходит он во чисто поле
И оттыкает он раночки кровавые,
А сам говорит таковы слова:
«От моей от крови от напрасноей
Потеки ты, матушка Сухман-река».
И тут Сухманице кончается.

А. Е. Стариков

СУХМАН-БОГАТЫРЬ

Как во славном-то граде во Киеве,
У славного князя у Владимира
Шло велико пированье,
Шел почестен пир,
На бояр-то князей добрых молодцев.
На пиру-то все-то оне да напивалисе,
На честном-то все да наедалися,
На великой да прирасхвастались:
Один хвастает да отцом-матушкой,
Другой хвастает да казной собиной,
А глупый хвастает да молодой женой.
За столом сидит да богатырь Сухман,
Богатырь Сухман да Одихмантьевич.
Он не пьёт, не ест да не кушает,
Белой лебеди да он не рушает.
Вот Владимир-то князь да красно солнышко
Сам по горенке похаживат,
И желтыма-то кудряма он потряхиват,
И такую-то он речь выговариват:
«Ой, Сухманчюшко да Одихмантьевич,
Почему же ты да не пьешь, не ешь, да не кушаешь,
И белой лебеди ты да не рушаешь?
На пиру-то ты нечем не хвастаешь?».
Говорит Сухман да таковы слова:
«Ой, Владимир-князь да красно солнышко,
Как нечем мне да молодцу да похвастать,
У меня-то нет да казны собиной,
У меня-то нет да отца-матушки,
У меня-то нет да молодой жены.
Разве тем мне добру молодцу похвастати,

Что привезу я тебе лебедь белую
Не кровавлину и не ранену,
А живую, в руках пойманную».
Выходил Сухман на широкий двор,
Он оседлал своего коня да богатырского,
Уезжал Сухман да ко синю морю,
Ко синю-то морю, да к тихим заводям.
Подъезжал-то Сухман-то да к первой заводи,
Не нахаживал Сухман да белых лебедей,
А видал-то Сухман лишь серых утошек.
Подъезжал Сухман ко второй заводи,
Не нахаживал он никакой птицецки.
Подъезжал Сухман до ко Непры-реки,
Глядит — текёт река да не по-старому,
Не по-старому текёт, да не по-прежнему,
Вода с песком да сколыхалася.
Тут стал Сухман да реку спрашивать:
«Ты скажи-ко, матушка Непра-река,
Почему же ты текешь да не по-старому,
Не по-старому текёшь, да не по-прежнему,
И вода с песком сколыхалася?».
Отвечает ему мать Непра-река:
«Я затем теку да не по-старому,
Не по-старому теку, да не по-прежнему,
Что за мной стоит, за Непрой-рекой,
Сорок тысячей да злых татаравей.
С утра до ночи мосты ладили,
А я Непра да вырываю прочь,
Из сил-то я да выбиваюся».
Тут пустил Сухман да своего коня,
Через матушку он, да Непру-реку,
Перескакивал да его добрый конь.
Он пустил коня да на татаровей,
Уж как побил он их до единого.
Но осталось ли да три татарченки,
У Непры-реки да схоронилися.
Подъезжал Сухман да к мать Непры-реки,
Из-под кустиков да три татарченки
Стрелки выпустили во его бока,
Да в тело белое.
Свет Сухмантьишко да стрелки выдергал
Из своих боков да из кровавых ран,
Лисьем маковым да позатыкивал,
Трех татарченков да он нашел спорол.

Подъезжал Сухман да во стольной град,
Привезал коня на дворе к столбу,
Сам Сухман-богатырь входил в столовую.
Тут Владимир-князь да красно солнышко
Сам по горенке да похаживает,
Желтыми он кудрями потряхиват,
И такую он речь да выговариват:
«Ой, Сухман-богатырь да Одихмантьевич!
Привез ли ты мне лебедь белую,
Не кровавленну да не ранену,
А живым руках пойманную?»
«Ой, Владимир-князь да красно солнышко,
Доходило ли мне да не до лебеди.
Повстречалася со мной да сила вражеска,
За Непрой-рекой да сорок тысяч злых татаровей.
С утра до ночи да мосты ладили,
А Непра-река да вырывала в ночь,
Из сил-то она да выбивалася.
Я пустил коня да своего на татаровей,
Уж как побил я их до единого».
Не поверил тут князь да красно солнышко,
Приказал посадить Сухмана-богатыря
В погреба глубокие, за решеточки железные.
Посадили Сухмана-богатыря в погреба глубокие.
Потом послал Владимир-князь своего богатыря Добрыню Никитича,
Проведать, правду ли Сухман хвастает,
Истинно ли похваляется.
Поехал Добрыня Никитич к мать Непры-реки,
Глядь, лежит сила-рать великая
И вся она побитая.
Приезжает Добрыня во стольный град.
И говорит Добрыня таковы слова:
«Ой, Владимир-князь да красно солнышко,
Правдою Сухман хвастал, да истиной похваляется».
Тут Владимир-князь да красно солнышко
Пошел к погребам глубоким и говорит таковы слова:
«Выходи-ка ты Сухман, да из погреба!
Тебя хочет-то Владимир-князь жаловать,
Тебя жаловать, да тебя миловать!
Выходил Сухман да из погреба».
Говорил Сухман да таковы слова:
«Не умел ты, князь, да меня в пору жаловать,
Да в пору миловать!».

Он выдергивал да лисье маково из своих боков,
Да из кровавых ран.
Говорил Сухман да таковы слова:
«Потеки ты, моя кровь, да кровь горючая,
Из моих боков, да из кровавых ран!
Ты образуйся-ка река, да ты, Сухман-река,
Ты, Сухман-река, да будь Непры-реки
Ты родна сестра».

Е. И. Ладина

БЫЛИНА

Как во городе было во Киеве,
У ласкового князя у Владимира,
Пированье шло — почестен пир,
Столованье шло — почестен стол.
На пиру то вси да пьяны-веселы,
На пиру-то все да порасхвастались.
Сильный хвастается своей силой,
Храбрый хвастает да добрым конем,
Умный хвастает отцом, матерью,
Разумный хвастает родимой сестрой,
А безумный хвастает молодой женой.
А богатырь Сухман Одихмантьевич
Не пьет, не ест, не кушает,
Да ничем в пиру не хвастает.
А Владимир-князь красно солнышко
По горенки похаживал,
Еще Сухманушку речь выговаривал:
«Что, Сухманушка, не пьешь, не ешь, ничем не хвастаешь?».
«Ты, Владимир-князь красно солнышко,
Нечем мне да похвастать.
Привезу я тебе лебедь белую,
Не ранену да не кровавлену,
Живьем в руках принесу.
И поезжал он скорешенько,
Одевался крутешенько.
Приезжал Сухман к первой тихой заводи,
Где нахаживал он белых лебедочек.
Приезжал Сухман к другой тихой заводи,
Не нахаживал ни серых гусей, ни белых лебедей.
Поехал он к третьей тихой заводи

И не́ нахаживал он ни серых гусей,
Ни белых лебедей, ни уточек.
Поехал он к матушке Непре-реке:
«Что ты, матушка Непра-река,
Течешь не по-старому, не по-прежнему,
Вода с песком помутилася?».
Отвечала матушка Непре-река:
«Я потому теку не по-старому да не по-прежнему,
Што за мной, за матушкой Непре-реки,
Сорок тысяч злых татаровей,
Они мост мостят с утра до ночи,
А она в ночь река опять и повыроет».
Он садился на добра коня
И поехал через речку быструю,
Перескочил его доброй конь через реку,
Дак и копыт не обмочил.
Он брал дубиночку за вершиночку —
С комля сок бежал.
Увидал он силу великую,
Начал этой дубиночкой помахивать.
И прибил он эту силу всю великую.
Убежало три татарина,
Схоронились под кусточки, под елочки,
И спустили ему все по пулечки во белы бока.
Затыкал он эты раны лисьем маковым,
А их заколол ножиком.
Приезжал он к Владимиру-красному солнышку.
Владимир-красно солнышко ему не поверил,
Садил его во погреб глубокой,
А послал своего слугу верного до правды узнать.
Слуга приехал обратно,
Что силушка вся прибитая.
Выпускали его из погреба темныя,
Говорил Владимир-красно солнышко:
«Чем я буду тебя теперь миловать,
Чем я буду тебя теперь жаловать?».
Говорил богатырь Сухман Одихмантьевич:
«Ты Владимир князь-красно солнышко,
Не умел ты меня в пору миловать,
Не умел ты меня в пору жаловать».
Вынимал он лисья маковы из глубоких ран,
Вытекала кровь его алая.

Старая женщина из Бельского уезда
Смоленской губернии

О СУХАНЕ

Похваляў король на святую Русь,
На святую Русь царя белаго:
«Луки, Торопець даўно мои,
А у Белой я пообедаю,
А Ржеў — городишко — ногам растопчу,
А Тверь — городишко — я шляком замошу,
А ў Москву взойду повоююцы».
Собиралися цари, короли — все суёмщики —
Суём суймоваць, как дзела разбираць:
«Отдадзём яму Белую без бою,
И без бою и без крови».
А взыскался такой Сухан-мужик, —
Ён Сухан-мужик да рядивый быў:
Не отдадзём мы свою Белую без бою,
Што без бою не отдадзём, без крови.
Постаўлю я паноў, паноў,
Паноў, паноў — по Обше — реке,
Я стану Сухан на большом пряжне,
На большом пряжне, на сухом звене».
Ня стук стуциць, ня гром грямиць, —
Стуциць-грямиць сила шведская
Сила шведская, королеўская.
Я стаў, Сухан, на большом пряжне,
На большом пряжне, на сухом звене,
Я стаў палиць по вулице,
По вулице, перевулоцкам —
Разбіў я шацер королевица,
Убіў яго слугу верную,
Слугу верную, королеўскую.
По божьяму дзелу слуцилося,
Енаралы ўси удзивилися.

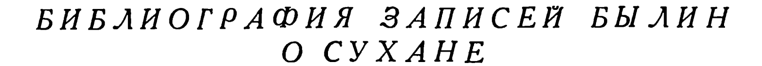
И. А. Бабушкин и М. К. Токарев

СУХАН-БОГАТЫРЬ

Ай, как во гораде ва Киеве,
Ай, как на киевскай бальшой дарожиньке,
Ай, ни исён сакол вылётавал,

Ай, да ни лютай зверь выбёгавал,
Ай, выизжял тута Суханушка да добрай моладиц,
Ай, Сухан, Сухан, сын Иванавич,
Ай, на сваим кане, на дабрым кане,
Ай на дабрым кане на багатырскием,
Ай, багатырскиим, латынскиим,
Ай, на дабрым кане Бурбахмити.
Ай, сидельцо на нём чирькасская,
Ай, и падпруженьки были тисьмяные,
Ай, и уздичка у него была шелковая,
Ай, и плёточка была римённинька,
Ай, и струмёнушки были булатныя,
Ай, на ним шапочка была бухарская,
Ай, он ударил иво й па крутым бедрам,
Ай, он паехал жа в далечю ва чисто поле,
Ай, он падъехал жа да он к сыру дубу,
Ай, на дубу сидит вищюй птица,
Ай, вещюй птица, чярной воран.
Ай, он скидат жа свой притугай лук,
Ай, он накладыват клинову стрелу,
Ай, и чярной воран гаварит человечим голасам:
«Ай, Суханушко, ты не бей меня вещюй птицу,
Ай, ты ступай жа ты, Суханушко, на Ердань-реку.
Ай, на Ердань-реке стаит сила война,
Ай, сила войская и ни руская,
И ни руская, ай татарская,
Ай, и татарская, ай бусурманская».

ПРИЛОЖЕНИЕ IV



БИБЛИОГРАФИЯ ЗАПИСЕЙ БЫЛИН О СУХАНЕ

а. КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВАРИАНТОВ БЫЛИН

Всего нам известно 23 текста былины о Сухане. 15 текстов были записаны советскими фольклористами. Все варианты былины отчетливо делятся на две редакции. Условно называем одну редакцию по месту записи северной, другую — алтайской.

Варианты северной редакции в свою очередь легко разбиваются на две территориальные группы: олонецкую и беломорскую. Один вариант северной редакции записан в северной части бывш. Енисейской губернии. Более многочисленная из них олонецкая. Она насчитывает 13 записей, произведенных на территории бывш. Олонецкой губернии. Эта группа содержит старшие и лучшие варианты северной редакции. В числе 13 записей олонецкой группы три повторные (Ф. А. Конашков). К олонецким вариантам примыкает прозаический текст, записанный в бывш. Кирилло-Белозерском уезде Новгородской губернии. Он связывается с этой группой не только по территориальному признаку, но и своим происхождением: в основе его лежит печатный вариант Рыбникова.

Вторая, беломорская, группа состоит из вариантов, записанных на Зимнем берегу Белого моря, в низовьях рек Мезени и Кулоя. Беломорских вариантов семь. Два из них повторные (от М. С. Крюковой). Пять вариантов было записано от золотицкой семьи Крюковых. Внешней отличительной особенностью вариантов беломорской группы является их огромный размер. Даже наиболее краткий из них — вариант Пахоловой — насчитывает 235 строк. Многословие беломорских текстов достигается не за счет развития сюжета, а путем введения повторений, общих мест. На огромных, по количеству строк, текстах М. С. Крюковой сказался ее импровизаторский талант, по-

стоянное стремление заставить своих героев раздумывать, рассуждать. Раздумья и рассуждения, встречающиеся в былине о Сухане, являются общей принадлежностью былин Марфы Крюковой, совпадая в большинстве случаев даже текстуально. Кроме того, на былинах Марфы Крюковой заметны отголоски книжной традиции — опубликованных в печати текстов былин.

Не исключена возможность, что все вообще беломорские варианты восходят к книге и первоисточниками своими имеют печатные варианты Рыбникова и Гильфердинга. Это не трудно установить даже при беглом сравнении текстов Рыбникова и Гильфердинга с беломорской группой; Пахолова, кроме того, сама признается, что былину в «книге так читала». Даже три старших беломорских текста (А. М. Крюковой, А. В. Потруховой и Е. К. Мелехова) были записаны в такое время, когда на всем Севере уже успели основательно познакомиться с записанными в 60—70-х годах прошлого столетия первыми былинами о Сухане. Широкое знакомство читателей с этими былинами произошло через учебные хрестоматии, книги для народного чтения, популярные издания, «Азбуку» Л. Н. Толстого и через некоторые другие массовые издания.[1] Беломорье же издавна отличалось большой грамотностью.

Из двух известных во второй половине прошлого столетия былин о Сухане — Рыбникова и Гильфердинга (алтайский вариант был напечатан лишь в 1894 г. и не получил широкой известности) — наибольшее распространение имел в массовых изданиях вариант Рыбникова как более исправный, полный и стройный по содержанию.[2] Этот текст прежде всего и ощущается в беломорских записях былины о Сухане. На поздних

---

[1] О большом распространении книги во второй половине XIX—XX в. на Севере и о влиянии ее на северных сказителей см. в исследовании А. М. Астаховой «Русский былинный эпос на Севере» (Петрозаводск, 1948, стр. 281—332, гл. VI — «Былинное сказительство и книга»).

[2] См., например: 1) «Народная поэзия», хрестоматия, составленная А. В. Оксеновым. СПб., 1898, стр. 11—16 (рыбниковский текст), эта хрестоматия была широко распространена на Севере, рекомендована во все школы; 2) Сухман-богатырь. Данила Денисьевич и Василиса Никулишна. По сборникам Кирши Данилова, Киреевского, Рыбникова и Гильфердинга. Составлено В. и Л. Р—н. издание И. Д. Сытина, М., 1891, стр. 5—15 (Сводный текст по вариантам Рыбникова и Гильфердинга). Это дешевое издание, объемом в 32 страницы, в красочной обложке, много раз, повидимому, переиздавалось (нам известны еще издания 1893, 1895, 1896, 1898, 1899 и других годов); 3) «Азбука» графа Л. Н Толстого. СПб., 1872; 2-е изд., СПб., 1874, в 12 книгах; есть издания 1875—1876 годов; в «Азбуку» Толстой включил рыбниковский текст, несколько его переработав и приспособив для детского чтения (убрал повторения, малопонятные слова и обороты и др.). Указана Д. С. Бабкиным.

беломорских записях влияние книги заметно еще сильнее; оно не скрывается даже их многословием. Книжный характер большинства крюковских былин, большую книжную традицию в творчестве семьи сказителей Крюковых признает и лучший знаток северного русского эпоса А. М. Астахова.[1]

Из олонецкой группы несомненно от напечатанных текстов былин идут варианты Арапова, Ладиной, Мишкина, Кигачева и Старикова. Последний из перечисленных сказителей сообщил при записывании от него былины, что помнит ее со школьной скамьи и читал в книге в возрасте 9 лет. Нетрудно установить печатный источник этих олонецких вариантов. Это опять тот же рыбниковский текст, который они иногда передают почти дословно.

В былинных вариантах имя и отчество богатыря Сухана постоянно варьируются. Форму варианта Рыбникова (Сухмантий Одихмантьевич) поддерживают тексты Потруховой, Старикова, Ладиной, Кигачева и Павкова. Впрочем и в двух последних текстах есть небольшое расхождение: у Кигачева герой однажды носит отчество Адихмантьевич, а у Павкова имя несколько раз передается через форму Сухмат. Далее идут значительные различия в наименовании героя: Сухман Долмантьевич, Долмантьевица — Антонов; Сухман Дохмантович, Долмантович, Долмонтович — Дорохина; Долман, Долмант, Долмантьевич, Долманович — Якушев; Тюхмень Адехментьевич — Арапов; Сохматей Сохмантьевич — Крюкова; Сухматин Етихматович — Мелехов; Сохман Рехматович, Рехматьевич — Конашков; Сохман — Мишкин; Сухман Рехментьевич — Фофанов.

В енисейском варианте богатырь именуется Суханко сын Туманович, Суханушко.

Наиболее устойчивая форма — Сухман (Сохман) Одихмантьевич (Адихмантьевич), но более сохраняет старину в вариантах северной редакции форма Сухман Долмантьевич (Долмонтович). Последняя стоит ближе к старинному имени богатыря — Сухан Дамантьевич (Домонтович). Важно отметить, что эта форма уже известна по варианту Антонова, а затем от сказителей, территориально связанных всё с тем же Шальским погостом (Якушев узнал былину от Антонова; см.: Онежские былины. Летописи Государственного Литературного музея, кн. XIII, стр. 70), откуда вышла рыбниковская былина. В других местах форма Долмантьевич (Долмонтович) не встречается. Это показывает, что в Шальском погосте раньше была известна

---

[1] А. М. Астахова. Русский былинный эпос на Севере, стр. 290—294, 317 и др.

старинная форма имени богатыря — Сухан Домантьевич (Довмонтович). Потом, возможно под влиянием более распространенных былин об Илье Муромце и Соловье разбойнике, где Соловей-разбойник иногда называется по отчеству Ряхментьевич, Одихмантьевич (Гильфердинг, II, стр. 11), это старое имя богатыря превратилось в Рехментьевича, Одихмантьевича и пр.

6. ЗАПИСИ БЫЛИН О СУХАНЕ[1]

1. Сухмантий. Записана в 1860 году П. Н. Рыбниковым от шальского лодочника на реке Шале (Водле) в Пудожском уезде. Опубликована в книге: Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Издание второе, т. II, М., 1910, № 148, стр. 338—344. (Первое издание под таким же названием; М., 1861, часть 1, № 6, стр. 26—32).

2. Суханьша Замантьев. Записана в 1860 году Д. П. Соколовым от старика-нищего на Сузунском серебро-медеплавильном заводе (Барнаульский горный округ) для сибирского этнографа С. И. Гуляева. Былина впервые была опубликована в книге: Н. С. Тихонравов и В. Ф. Миллер. Русские былины старой и новой записи. М., 1894, № 54, стр. 188—190. Перепечатки: Былины и исторические песни из Южной Сибири. Записи С. И. Гуляева. Под редакцией профессора М. К. Азадовского. Новосибирск, 1939, № 37, стр. 125—127; Былины и песни Южной Сибири. Собрание С. И. Гуляева. Под редакцией профессора, доктора исторических наук В. И. Чичерова. Новосибирск, 1952, № 18, стр. 119—120.

3. Сухман. Записана в 1871 году А. Ф. Гильфердингом от П. Т. Антонова, из деревни Гагарки Шальского погоста Пудожского уезда. Опубликована в книге: Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г., т. I, изд. 4, Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, № 63, стр. 568—574. (Первое издание: СПб., 1873, № 6, стр. 334—338).

4. Сухматий. Записана в 1899 году А. В. Марковым от А. М. Крюковой, из деревни Нижняя Зимняя Золотица (Зимний берег Белого моря). Опубликована в книге: Беломорские былины, записанные А. В. Марковым. М., 1901, № 11, стр. 86—90.

5. Сухматин Етихматович. Записана в 1901 году А. Д. Григорьевым от Е. К. Мелихова, из деревни Саяны (Кулой). Опубликована в книге: Архангельские былины и исторические песни,

---

[1] Тексты располагаем в хронологическом порядке их записей, а не по времени издания. Неопубликованные варианты помещены в конце.

собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг., т. II. Прага, 1939, № 62, стр. 316—320.

6. Сухмантий Одихмантьевич. Записана в 1901 году А. Д. Григорьевым от А. В. Потруховой, из деревни Дорогая Гора (Мезень). Опубликована в книге: Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг., т. III. СПб., 1910, № 28, стр. 143—146.

7. Тюхмень Адехментьевич. Записана в 1901 году П. Шереметьевым от А. И. Арапова, из села Петропавловского Кирилловского уезда Новгородской губернии. Опубликована в книге: П. Шереметьев. Зимняя поездка в Белозерский край, М., 1902, стр. 71—75. (Текст изложен прозой в виде сказки).

8. Суханко сын Туманович. Записана в 1904 году А. А. Макаренко от Евграфа Попова, из деревни Кежемская Заимка Кежемской волости Енисейской губернии. Опубликована в статье: А. А. Макаренко. Сибирские песенные старины. «Живая старина», СПб., 1907, вып. II, отд. II, стр. 25—26.

9. Долман Долманович. Записана в 1928 году С. П. Бородиным, Э. Г. Бородиной и Ю. А. Самариным от Г. А. Якушева, из деревни Мелентьевской (на Пудоге). Опубликована в книге: Онежские былины (Летописи Государственного Литературного музея, кн. XIII). Под редакцией Ю. М. Соколова и В. И. Чичерова. М., 1948, № 15, стр. 124—126.

10. Сухмантий. Записана в 1928 году Э. Г. Бородиной, В. И. Чичеровым и В. И. Яковлевой от М. В. Дорохиной, из деревни Семеново (на Пудоге). Опубликована там же, № 69, стр. 321—322.

11. Сохман. Записана в 1928 году Б. М. Соколовым, В. И. Чичеровым и В. И. Яковлевой от Ф. А. Конашкова, из поселка Устье Шалы (на Пудоге). Опубликована там же, № 84, стр. 380—382.

12. Сохматей сын Сохматьевич. Записана в 1937 году Э. Г. Бородиной от М. С. Крюковой, из деревни Нижняя Зимняя Золотица Приморского района Архангельской области. Опубликована в книге: Былины М. С. Крюковой (Летописи Государственного Литературного музея, кн. VI). М., 1939, № 38, стр. 382—389.

13. Сохман сын Рахмантьевич. Записана в 1937 году неизвестным лицом от Ф. А. Конашкова, из поселка Устье Шалы (на Пудоге). Опубликована в журнале «Пионер», 1938, № 1, стр. 29—31.

14. Сухман Рехмантьевич. Записана в 1938 году Е. П. Родиной от Ф. А. Конашкова, из поселка Устье Шалы (на Пудоге). Опубликована в книге: Сказитель Ф. А. Конашков. Подготовка

текстов, вводная статья и комментарии А. М. Линевского. Под редакцией А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1948, № 8, стр. 115—117.

15. О Сохмане. Записана в 1938 году И. И. Торопцевым от П. Ф. Мишкина, из деревни Великодворская Каршевского сельсовета Пудожского района. Опубликована в книге: Былины Пудожского края. Подготовка текстов, статья и примечания Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова. Предисловие и редакция А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1941, № 68, стр. 442—443.

16. Сухмат Одихматьевич. Записана в 1938 году И. В. Ломакиной от М. А. Павкова, из деревни Мелентьевской Авдеевского сельсовета Пудожского района. Опубликована там же, № 69, стр. 446—448.

17. Сухман Рехментьевич. Записана в 1939 году К. В. Чистовым от И. Т. Фофанова, из деревни Климово Авдеевского сельсовета Пудожского района. Опубликована там же, № 23, стр. 225—231.

18. Сохматей сын Сохматьевич. Записана в 1944 году Э. Г. Бородиной от М. С. Крюковой. Опубликована в книге: Марфа Крюкова. Беломорские былины. Архангельск, 1953, стр. 79—88.[1]

19. Про богатыря Сохматия Сохматиевича. Записана в 1937 году А. М. Астаховой от М. С. Крюковой. Публикуется в Приложении III.[2]

20. Старина про Сухмана сына Сухматьевича. Записана в 1938 году Э. Г. Бородиной от П. С. Пахоловой. Публикуется в Приложении III.[3]

21. Сухмантий Адихмантьевич. Записана в 1938 году М. М. Михайловым от Н. В. Кигачева. Публикуется в Приложении III.

22. Сухман богатырь. Записана в 1941 году О. Г. Большаковой от А. В. Старикова. Публикуется в Приложении III.

---

[1] М. С. Крюкова использовала еще сюжет о Сухмане в одной из своих придуманных героических былин — о Ване Залешанине, где она применила этот сюжет к богатырю Ивану Залешанину, но без трагической развязки. В этой былине, после проверки рассказа богатыря князь Владимир его награждает, а тот едет на новые подвиги (Былины М. С. Крюковой, т. II. М., 1941, № 64, стр. 44—56). М. С. Крюковой принадлежит также прозаический текст былины о Сухмане, в котором от традиционного сюжета почти ничего не осталось (записан в 1948 г. Э. Г. Бородиной-Морозовой и хранится у нее).

[2] Подробнее о публикуемых вариантах см. Приложение III.

[3] Этот вариант былины был любезно указан мне Э. Г. Бородиной-Морозовой.

23. Былина (Сухман Одихмантьевич). Записана в 1948 году А. Ф. Соляковой от Е. И. Ладиной. Публикуется в Приложении III.[1]

Есть еще одна напечатанная сибирская былина «Потоп Михайлович (Иван Годинович)», в которой в качестве одного из сватов князя Владимира введен богатырь Сухан Дамантьевич.

Потоп Михайлович (Иван Годинович). Записана в 1889 году В. Г. Таном-Богоразом от Михаила Соковикова, из поселка Нижняя Колыма Якутской области. Опубликована в статье: В. Ф. Миллер. Новые записи былин в Якутской области. Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии Наук, т. V, кн. 1, СПб., 1900, № 3, стр. 50—54.

В сибирской былине об Иване Годиновиче Сухан Дамантьевич не играет самостоятельной роли, а прикреплен как вводное лицо к сюжету названной былины: он привозит известие князю Владимиру о прекрасной лебедушке Захарьевне, а потом вместе с Алешей и Добрыней едет добывать для Потока Михайловича (Потыка) невесту, и на пути они бьются с богатырем «каликой перехожей». Былина интересна сохранением старой формы имени богатыря — Сухан Дамантьевич. Первые строки этой сибирской былины, в которых говорится о приезде Сухана в Киев, напоминают начало саратовской песни о Сухане (см. ниже, стр. 197). Не отражается ли в песне и былине какой-то до нас не дошедший вариант былины о Сухане? Ср.:

Саратовская песня о Сухане

Ай как во городе Киеве,
Как по киевской большой дороженьке,
Ни ясен сокол вылётывал,
Вот ни лютый зверь выбёгивал,
Выезжал туто Суханушко добрый молодец,
Сухан, Сухан, сын Иванович,
На своим на добрим коне богатырскием.

(М. Е. Соколов. Былины, стр. 1).

Былина Потоп Михайлович

Не черен-то ворон в поле вылетуват,
Ни ясен-то сокол выпархиват,
Выезжает-то, Сухан, сын Дамантьевич.
Под ним доброй-от конь, аки лютой зверь...
Приезжает-то Сухан в стольной Киев-град.

(В. Ф. Миллер. Новые записи..., стр. 50).

---

[1] По сведениям, полученным мной в 1953 г. от фольклориста Л. Е. Элиасова, красноярским исследователем народного творчества Л. В Гуревичем был записан в Сибири новый вариант былины о Сухане. Однако вследствие смерти Гуревича в том же году местонахождение этой записи мне установить не удалось. Большой личный архив Гуревича у его вдовы в Красноярске до сих пор не разобран и не приведен в порядок.

Кроме того, имя Сухана как богатыря князя Владимира не раз упоминается в других былинах, начиная с записей XVII века.[1]

Укажем также напечатанные в свое время два варианта саратовской песни, в которой герой носит имя Сухана, но сама песня к сюжету былины никакого отношения не имеет и по содержанию более напоминает начало былины «Два королевича из Крякова».

1. Сухан-богатырь. Записана в 1895 году М. Е. Соколовым от крестьян И. А. Бабушкина, М. К. Токарева и В. Л. Мальцева, из села Кутьина Петровского уезда Саратовской губернии. Опубликована в книге: М. Е. Соколов. Былины, исторические, военные, разбойничьи и воровские песни, записанные в Саратовской губернии. Петровск, 1896, № 1, стр. 1—2. Эта же песня, с небольшими разночтениями, была М. Е. Соколовым записана фонетически от тех же певцов в 1899 году и опубликована в статье «Великорусские песни, записанные фонетически» (Труды Саратовской ученой архивной комиссии, вып. 24, Саратов, 1908, № 1, стр. 129—130). В 1902 году песню с небольшими различиями в том же селе и от тех же певцов записал Ф. И. Покровский. Текст остался ненапечатанным и хранится ныне в Государственном Литературном музее в Москве [собрание Ф. И. Покровского, инв. № 6 (10096), № 67, лл. 98—99. Печатается в Приложении III по копии, снятой для нас А. Н. Робинсоном. Вариант указан Л. В. Домановским. В собрании Русского Географического общества (в коллекции Ф. И. Покровского) имеется копия с этого варианта, сделанная самим собирателем.

2. Сухманушка. Записана в 1923 году М. П. Советовым от И. Ф. Токарева в том же селе Кутьине. Опубликована в книге: Фольклор Саратовской области, кн. I. Составлена Т. М. Аки-

[1] В «Сказании о киевских богатырях» (в четырех из пяти известных списков); см.: Е. В. Барсов. Богатырское слово в списке начала XVII в. Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии Наук, т 28, № 3, СПб., 1881, стр. 1—27 и отдельный оттиск — СПб., 1881; Русские былины старой и новой записи под редакцией акад. Н С Тихонравова и проф. В. Ф. Миллера, М., 1894, отдел первый, № 3, стр. 47—53; А. В. Позднеев. Сказание о хождении киевских богатырей в Царьград. Сб. «Старинная русская повесть», М.—Л., 1941, стр. 190—196; Л. Н. Пушкарев. Новый список «Сказания о киевских богатырях». Труды ОДРЛ, т IX, М—Л., 1953, стр 365—370; 2) в былине «Первая поездка Ильи Муромца в Киев»; см.: Сборник Кирши Данилова. СПб., 1901, стр. 153; 3) в былине «Ставер Годинович»; см: Русские былины старой и новой записи, № 57, стр. 201 (имя попало в эту былину из былины «Первая поездка Ильи в Киев»); 4) в былине «Дюк Степанович»; см.: Рыбников. II, стр. 567; 5) в сказке об Илье Муромце, запись первой половины XIX века; см.: Этнография, 1927, № 2, стр. 313.

мовой, под редакцией А. П. Скафтымова. Саратов, 1946, № 3, стр. 58. Представляет собой испорченный и частично деформированный текст старой саратовской песни.

В песне «Сухан-богатырь» описывается выезд Сухана Ивановича в «чисто поле», встреча его с черным вороном-«вещуном», сидящим на «сыром дубу». Этот ворон, при попытке богатыря его подстрелить, предлагает «человеческим голосом» поехать Сухану на «Ердань-реку» и сразиться с татарской басурманской силой. В варианте этой песни 1923 года ворон-«вещун» предсказывает Сухманушке смерть, что потом так и случилось, но не указано, где и при каких обстоятельствах богатырь погиб, так как в этом варианте татарская сила не упоминается. Саратовская песня о Сухане очень близко напоминает по содержанию записанную в этих же краях несколько раньше песню о Суровце.[1] Кроме старой формы имени Сухана, эта саратовская песня о Сухане ничем не связана с былиной о нем. Выезд Сухана и разговор его с «черным вороном» — явное перенесение разговора богатыря с «черным вороном граючим» из былины о Дюке Степановиче (Рыбников, изд. 1, т. I, стр. 274 и т. д.). Может быть, в саратовской песне о Сухане богатырь тоже когда-то носил отчество «сын Дамантьевич», но потом по созвучию это отчество превратилось в более распространенное «сын Иванович».

Назовем и ненапечатанное еще народнопоэтическое стихотворение на белорусском языке о приходе шведского короля под город Белая церковь. Здесь главным героем является мужик Сухан, и заметны, хотя и очень далекие, отголоски нашей былины. Оно было записано в конце прошлого столетия в Смоленской губернии С. Н. Рачинской от «весьма старой женщины» (публикуется в Приложении III). Стихотворение интересно изображением активной роли народных масс в защите родного города, представителем которых в данном случае выступает мужик Сухан, а также противопоставлением настоящего патриотического чувства народа трусливости и продажности царей, королей и их думцев («суёмщиков»). Как и два предыдущих текста, оно содержит какие-то очень смутные припоминания сюжета былины о Сухане. Стихотворение указано мне Н. В. Новиковым.

Таков материал, которым мы располагаем в настоящее время для суждения о характере и содержании былины о Сухане.[2]

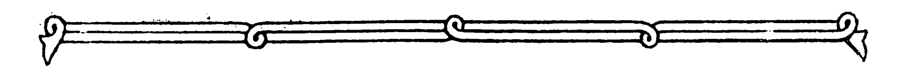
---

[1] Ср.: Русские народные песни, собранные в Саратовской губернии А. Н. Мордовцевой и Н. И. Костомаровым. Летописи русской литературы и древности, том четвертый, М., 1862, стр. 12—14.

[2] Былина о Сухане переведена на немецкий, чешский и польский языки. Во всех переводах использовано издание Сабашникова (М., 1916, под

Отметим также, что ряд советских художников пытались воссоздать образ богатыря Сухана в живописи и графике: Е. А. Кибрик («Героические былины». Детгиз, М.—Л., 1951, стр. 69 и 71), Л. Кассис (Марфа Крюкова. Беломорские былины. Архангельск, 1953, стр. 79), Ю. Кискачи («Пионер», 1938, № 1, стр. 30) и др.

редакцией М. Н. Сперанского) и рыбниковский вариант былины: Reinhold Trautmann. Suchan Domantievič. В кн.: Die Volksdichtung der Grossrussen. I Band. Das Heldenlied (Die Byline). Heidelberg, 1935, стр. 322—326; Křička. Byliny. Sfinx. Praha, 1946, стр 124—131; Tadeusz Lopalewski. Dawne wiersze ruskie. Wilno, 1933, стр. 113—121; Marian Jakóbiec. Byliny. Wybrał, wstępem i objasnien'ami zaopatrzył Marian Jakóbiec. Wrocław, Zakład imienia Ossolińskich, 1955. (Biblioteka narodowa, seria II, № 96), стр. 73—74 (пересказ былины), стр. 63—68 (текст былины). Перевод сделан Тадеушем Хрусцеловским и впервые опубликован в журнале «Wieś» (ч. III, 1946, № 4/32, стр. 4).



ПРИЛОЖЕНИЕ V

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ БЫЛИНЫ О СУХАНЕ

Былина о Сухане не раз привлекала к себе внимание исследователей.

П. А. Бессонов считал былину очень древней, носящей на себе «явные следы происхождения мифического, доисторического». Имя богатыря — Сухман — Бессонов переводил «сохнущий», «иссушаемый» и «иссушающий», отмечая, что корень этого слова в санскрите перешел «в название солнца и разных стихий». Бессонов доказывал древность этой былины тем, что Сухан в ней лишь «затянут творчеством в эпоху Владимира, но на самый первый уже взгляд далеко отстоит от нее: он чувствует себя чужим на пиру Владимира, он не пользуется его расположением».[1] При таком истолковании былины смысл сюжета остается нераскрытым.

Другой представитель мифологической школы, А. Н. Афанасьев, также полагал, что былина восходит к глубокой древности, ставил нашу былину в связь со сказаниями о реках, образовавшихся из крови убитых богатырей, и видел в основе ее мифологический сюжет о борьбе великанов туч, «гибнущих под ударами Перуновой палицы». В битве богатыря Сухмана с татарами он усматривал вставленный в историческую рамку миф о ратном состязании бога-громовника с демоническими силами, возникновение названия реки Сухоны возводил к божеству с именем Сухман.[2]

Противоположного мнения придерживался Орест Миллер, считавший былину произведением более позднего времени («весьма подновленной») и видевший в действиях князя Владимира, в поведении его «верных слуг» и в бытовых деталях бы-

---

[1] Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, ч. I, М., 1861, «Заметка», стр. IX.

[2] А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, том второй, М., 1868, стр. 223—224.

лины отзвуки времени опричнины Грозного и начала поместной раздачи земли за службу, отзвуки той страшной поры, когда было достаточно одного «наветного слова», чтобы даже такого выдающегося полководца, спасителя Руси от татар, как князь Михаил Воротынский, живым изжарили на углях. Этот исследователь находил много общего между былиной о Сухмане и другой былиной времени Грозного — о Данииле Ловчанине, особенно в изображении в них князя Владимира и его отношения к своим подчиненным.[1]

На сходство былины о Сухмане и летописного рассказа о Демьяне Куденевиче обратил внимание М. Т. Халанский, объясняя это сходство тем, что в основе былины и летописной версии лежит один древний эпический мотив, который в Переяславле соединился с именем Демьяна Куденевича, а на северовостоке Руси он вошел в состав былин о Сухмане и Калине-царе, причем название реки в былине и ее концовка, возможно, образовались под влиянием названия реки Сухоны. Кроме того, Халанский указал параллельные места к былине из сербской песни о смерти Рели Крылатого и русской старины о Михаиле Казарянине и др.[2]

П. В. Владимиров, наоборот, отрицал наличие в былине тождества с летописной повестью о Демьяне Куденевиче и присутствие в ней черт сентиментальности, усматриваемых некоторыми исследователями. Ему также казались неудачными сопоставления Халанского соответствующих мест об охоте в былине о Сухмане с былиной о Михаиле Казарянине и Михаиле Потыке. В былине, по мнению Владимирова, глубокая старина (эпизод о происхождении реки) сочетается с признаками княжеского быта XI—XII веков. Сухан — общеславянское прозвище. Усматривая в происхождении имени Сухана какую-то связь с названием наших рек, он полагал, что из южнорусских рек к этому имени ближе всего стоит Стугна, которая упоминается в «Слове о полку Игореве» и с которой, так же как и Сухман, разговаривает там князь Игорь. Владимиров находил в былине отражение древнерусской охоты — лова «своима рукама» (обещание Сухмана привести некровавленную лебедушку), каким этот вид старинной охоты зафиксирован в «Поучении Владимира Мономаха» (князь ловил руками диких лошадей) и в других памятниках. Как параллель к заключительной части былины (обра-

---

[1] Орест Миллер. Илья Муромец и богатырство киевское. СПб., 1869, стр. 617—625 и др.

[2] М. Халанский. Великорусские былины киевского цикла. Варшава, 1885, стр. 53—57.

зование реки из крови Сухмана) он указывал старины о Дунае и Доне Ивановиче.[1]

В 1904 году А. С. Якуб напечатала статью «К былине о Сухмане».[2] В этой работе впервые была дана сводка всего известного о былине, подвергнуты критическому разбору предшествующие мнения о ней и приведен ряд новых данных (использованы неопубликованные тексты).

Изучение былины привело исследователя к следующим выводам.

1. Основанием для былины послужило народное сказание XII века о переяславском богатыре Демьяне Куденевиче, известное в несколько обработанном книжником виде по Никоновской летописи. Былина есть переработка этого летописного рассказа. Первоначальное имя былинного героя Демьян заменено на Сухан по простой случайности, забывчивости певца. Отчество Куденевич, как незнакомое, чуждое уху сказителя, заменено эпическим отчеством «Одихмантьевич», «Долмантьевич», «Замантьев». Демьян Куденевич есть прототип Сухана. Это исторически реальное лицо, погибшее, по сведениям Никоновской летописи, в 1136 году в битве на реке Супое. Следовательно, в основе сказания лежит не эпический мотив, а исторический факт.

2. Переработка народного сказания в былину не исказила его основной фабулы и сохранила многие подробности сказания.

3. Наличие в былине некоторых подробностей, не встречающихся в сказании, объясняется влиянием на первую устной традиции. Наслоения эти следующие: пир княженецкий, похвальба Сухана, его неудачная охота, недоверие Владимира и заключение богатыря в подвалы глубокие, Сухан-охотник, посылка для проверки другого богатыря, прикладывание к ранам листочков, ранение богатыря из засады, происхождение реки Сухман и др. Сибирский вариант былины, не имеющий этих подробностей, за исключением мотива Сухан-охотник, представляется наиболее древним изводом былины, хотя и он утратил некоторые детали старшего текста (вооружение героя дубинкой, отказ его от княжеских даров и др.). Поскольку в сибирской былине имеется также картина вышедшего из берегов Днепра, эту деталь былины можно считать входившей в древний текст.

4. Рассказ о Сухмане, без эпических наслоений, имел следующие типические черты: а) Сухман один выезжает из города;

[1] П. В. Владимиров. Введение в историю русской словесности. Из лекций и исследований. Киев, 1896, стр. 228—229.

[2] А. Якуб. К былине о Сухмане. «Этнографическое обозрение», М., 1904, кн. LX, № 1, стр. 43—66

б) во время своей поездки он встречает полчища врагов и вступает с ними в бой; в) в битве победа остается за Сухманом, но сам он получает тяжелые раны; г) раненый Сухман возвращается в город; д) князь благодарен Сухману за его геройский подвиг; е) Сухман умирает от полученных в бою ран.

5. Малая распространенность былины о Сухмане объясняется прикреплением того же сюжета к имени Ильи Муромца. Популярная старина об освобождении Ильей одного города есть сокращенная переработка нашей былины.

6. Былина о Сухмане находит очень близкие параллели в «Гистории о киевском богатыре Михаиле сыне Даниловиче двенадцати лет», сохранившейся в списке начала XVIII века, совпадая с последней сюжетно и в отдельных деталях.[1]

Мнение о позднем происхождении былины и об отражении в ней черт времени Грозного поддержал С. К. Шамбинаго.[2] Автору представляется, что в основе былины лежит мотив недоверия и опалы князя на победителя и смерть последнего. Этот мотив отражает воспоминания об аналогичных столкновениях Грозного с боярами, примером чего является ссора с князем Михаилом Воротынским. Возражая против изложенной выше точки зрения А. С. Якуб на былину, Шамбинаго главным аргументом против связи летописного сказания о Демьяне Куденевиче с былиной выставляет отсутствие именно этого мотива недоверия к подвигу, давшего толчок к развитию темы обиды, темы, особо подчеркиваемой в былине. Отзвуком времени Грозного С. К. Шамбинаго считает наветы бояр, вызвавшие опалу героя, и особенно описание пира, напоминающее скорее гульбища царя с опричниками, чем известные пиры Владимира.

Шамбинаго разделяет тексты былины на две редакции. К первой относятся варианты Рыбникова, Гильфердинга и др., вторая представлена единственной записью Гуляева. Текст первой редакции делится на две части. В первую часть входит описание пира, хвастовства и обещания привести живую лебедь. Вторая часть включает изображение сборов на охоту, охоты, битвы с татарами, ранения Сухмана, его победы и возвращения, немилости князя, самоубийства героя.

Позднейшие сказители, по мнению автора, не поняли символики белой лебеди-невесты для князя. Они поняли этот образ

---

[1] До Якуб на сходство отдельных эпизодов былины о Сухане и «Гистории» о Михаиле Даниловиче указал А. Н. Веселовский (Южнорусские былины СПб., т. I, 1881, стр. 31).

[2] С. Шамбинаго. Исторические переживания в старинах о Сухане. Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909, ч. II, стр. 503—515.

буквально и скомкали, исказили первую часть.[1] Однако этот мотив сватовства не является органической частью первой редакции, в основе которой лежит повесть о незаслуженной гибели богатыря, избавителя города от врагов. Мотив попал сюда, по Шамбинаго, из былины о Дунае.

Шамбинаго считает, что и конец былины в первой редакции позднейших сказителей является плодом недоразумения. Они так же, как и в первом случае, поняли буквально распространенный книжный образ крови, текущей реками на поле битвы, и истолковали его как реку из крови богатыря.

Автор восстанавливает древнейший тип былины. В него, по мнению Шамбинаго, входили два эпизода: 1) битва с врагами, разгром их и ранение героя; 2) недоверие князя и опала, вызвавшие обиду и смерть героя. Эта старая былина отражала отзвуки реальных отношений Грозного к своим воеводам.

Вторую редакцию Шамбинаго рассматривает как результат подновления старой темы, усиления ее первой части и совершенного забвения второй части. Эту редакцию он считает книжной по происхождению и более поздней по времени. В основе ее лежат воинские повести.

Наибольшее влияние на формирование второй редакции, по его мнению, оказало «Сказание о Мамаевом побоище». Воздействием этого произведения он объясняет присутствие в былине эпизодов о ранении героя тремя татарами, удалении его с поля боя в уединенное место и обнаружении героя, образа выступившей из берегов реки, описание многочисленности рати, гор трупов, рек крови, упоминание имени Мамая и др. Еще более близкую параллель к изображению ранения былинного богатыря дает «Сказка о Мамае безбожном», вышедшая из «Сказания» той редакции, которая находится в Синопсисе Гизеля.

А. И. Соболевский по поводу имени Сухмана высказал предположение, не есть ли оно несколько измененное имя Сукман, которое встречается в юридическом акте 1503 года и в названии села Сукманино Московской области.[2]

[1] Противоположную мысль высказал В. Ф. Миллер, считая образ лебеди-птицы исконным, органическим для былины о Сухане, а позднейшими сказителями «искаженным» — осмысленным, например, в колымском варианте как образ «девицы-душечки лебедушки Захарьевны» (В. Ф. Миллер. Новые записи..., стр. 55).

[2] А. И. Соболевский. Заметки о собственных именах. I. Имена в великорусских былинах. В его книге: «Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии». СПб., 1910, стр. 246. См. еще: Н. М. Тупиков. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903, стр. 379, 767. Ср.: М. Я. Морошкин. Славянский именослов или собрание личных имен в алфавитном порядке. СПб., 1867, стр. 190.

В. Ф. Миллер, признавая былину о Сухане произведением XVI века, в отчестве Сухана Дамантьевича видел следы местной псковской памяти о псковском князе-герое Доманте.[1]

Это заключение В. Ф. Миллера вызвало возражение со стороны А. В. Маркова, который отрицал связь Сухана с княжеским родом и с Псковом и в доказательство привел географические названия, свидетельствующие о том, что имя Довмонт было известно на Руси и помимо знаменитого полководца и вне пределов Псковской земли.[2]

Обстоятельный разбор былины дал Б. М. Соколов.[3] В определении времени ее возникновения он согласен с О. Миллером и С. К. Шамбинаго. Устанавливая источники былины, он идет еще дальше Шамбинаго, считая «Сказание о Мамаевом побоище» источником сюжета обеих редакций в целом, а не только сибирского (гуляевского) ее варианта. К этому источнику, по его мнению, «восходят так или иначе все известные нам варианты». Вслед за Якуб, Соколов признает гуляевский текст древнейшим изводом былины и считает, что он более чем какой-либо другой говорит о своем источнике. Отсутствие в этом варианте мотивов незаслуженной обиды и происхождения реки из крови героя автор объясняет двояко: или же эти мотивы были недоразвиты сказителями или утеряны ими. В доказательство того, что былина опиралась на «книжный источник», Соколов приводит многочисленные параллели из различных списков «Сказания о Мамаевом побоище» и воинских повестей. В согласии с О. Миллером он считает, что былина о Сухане имеет много общего с былиной о Данииле Ловчанине в смысле воспроизведения обстановки боярско-московской вотчины и поместья.

Отрицание Соколовым народнопоэтической основы былины встретило возражение со стороны С. Рожнецкого. Последний

---

[1] В. Ф. Миллер. О некоторых местных отголосках в былинах. Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии Наук, т. XVI, кн. 4, СПб, 1912, стр. 255—263. Статья вошла в его книгу «Очерки народной русской словесности» (т. III, ГИЗ, М.—Л., 1924, стр. 167—173). Отдельные мелкие замечания В. Ф. Миллера о былине, впрочем не вносящие ничего нового, имеются также и в других его статьях по русскому эпосу, помещенных в этих «Очерках» (см., например, т. II, М., 1910, стр. 27, 130—131 и др.; т. III, стр. 80—81, 247 и др.). Позже мнение В. Ф. Миллера о связи былины с псковскими преданиями о Довмонте поддерживал Ю. М. Соколов (Былины. М., Учпедгиз, 1937, стр. 248 и 258).

[2] А. В. Марков. Обзор трудов В. Ф. Миллера по народной словесности. Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии Наук, т. XX, кн. 1, Пгр., 1915, стр. 310.

[3] Борис Соколов. Непра-река в русском эпосе. Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии Наук, 1912, т. XVII, кн. 3, стр. 201—210.

считает параллели из «Сказания о Мамаевом побоище» и воинских повестей, приведенные для подтверждения зависимости былины от этих книжных произведений, неубедительными и притянутыми искусственно. Источник былины, по его мнению, находится в устном народном творчестве.[1]

П. П. Миндалев, сопоставляя былину о Сухане с летописным рассказом о Демьяне Куденевиче и Повестью о Меркурии Смоленском, пришел к выводу о влиянии былины на формирование Повести о Меркурии Смоленском. Он не находит в былине отголосков XVI века и тем более связи ее с казнью Михаила Воротынского. Как показывает содержание былины, возникновение ее относится к более раннему времени, во всяком случае не позднее чем к XIII веку. Более правильным ему представляется взгляд на былину Халанского и Якуб. Сибирский (гуляевский) вариант былины стоит наиболее близко к Житию и Повести о Меркурии Смоленском и к Сказанию о Демьяне Куденевиче. Признавая удачным сопоставление С. К. Шамбинаго гуляевского текста с воинскими повестями, Миндалев, однако, не видит оснований утверждать книжное происхождение этой былины. Миндалев указывает, что все общие былине и повестям места представляют собой обычные приемы эпического стиля.

Типической чертой старого текста былины, не отмеченной Якуб, Миндалев считает недоверие князя к подвигу богатыря; отсутствие этого мотива в гуляевском варианте объясняется случайным забвением, хотя намек на мотив все же имеется в рассказе о том, что Владимир не признал сразу в раненом своего богатыря Сухана.

Другой, также не отмеченной, старой чертой былины о Сухане, по мнению Миндалева, является благочестие богатыря. Этот мотив ясно выражен в гуляевской былине, замалчивается в северной былине, но тем не менее проглядывает и там сквозь «стилизацию сказителей» как смутное припоминание чего-то чудесного, окружающего образ этого богатыря: от его крови течет Сухман-речка, в обороне Киева от татар вместе с ним деятельное участие принимает Непра-река и др.[2]

Против взглядов Миндалева на былину выступил Л. Т. Белецкий. Он считает, что былина — более позднего происхождения и к формированию повести о Меркурии не имеет никакого отношения. Наоборот, по его мнению, тождественные с повестью

---

[1] Станислав Рожнецкий. Ответ г. Б. Соколову. Известия отделения русского языка и словесности имп. Академии Наук, т. XIX, кн. 1, СПб., 1914, стр. 347—348.

[2] П. Миндалев. Повесть о Меркурии Смоленском и былевой эпос, стр. 266, 268—273.

мотивы в былине восходят если не к самой Повести о Меркурии Смоленском, то к произведению, аналогичному ей.[1]

Миндалев в «Ответе» Белецкому целиком повторил свои прежние выводы относительно былины и ее связи с Повестью о Меркурии Смоленском.[2]

Попытка определить художественные функции отдельных эпизодов в былине принадлежит А. П. Скафтымову. Автор останавливается на мотиве недоверия в былине о Сухмане, так как этот мотив уже не раз привлекал внимание исследователей, пытавшихся связать его с историческими или легендарными фактами. Скафтымов допускает возможность, что в эпизоде неожиданной опалы Сухмана есть отголосок каких-то вероломных отношений между царями, князьями, воеводами и полководцами, но считает, что мотивировка опалы Сухмана (недоверие к поразительному ратному подвигу) никакой исторической действительности или моральной тенденции соответствовать не может и является лишь художественным приемом, «эстетической целесообразностью». Задача последней — усилить удивление и восхищение подвигом героя, взволновать слушателя тревогой ожидания и с напряжением подвести его к честолюбивому торжеству победителя.

Скафтымов признает в основе былины историческое или «легендарное зерно».[3]

А. М. Астахова считает одной из особенностей крюковских вариантов былины резкое противопоставление бояр богатырям.[4]

М. К. Азадовский отметил чисто сибирские черты гуляевского варианта былины. Днепр принял в нем характерные очер-

---

[1] Л. Белецкий. К литературной истории повести о Меркурии Смоленском. (По поводу статьи г. П. Миндалева «Повесть о Меркурии Смоленском и былевой эпос». Казань, 1913, 16+7 стр.). Журнал Министерства народного просвещения, новая серия, Пгр., 1914, декабрь, стр. 355—370.

[2] П. Миндалев. Ответ на рецензию г. Л. Белецкого. Журнал Министерства народного просвещения, новая серия, Пгр., 1915, апрель, стр. 422—426.

[3] А. П. Скафтымов. Поэтика и генезис былин. Очерки. Книгоиздательство В. З. Яксанова, М.—Саратов, 1924, стр. 63, 107—108, 191—192 (библиография). Указания на предшествующую литературу по былине см.: П. В. Владимиров. Введение в историю русской словесности. Киев, 1896, стр. 228—229; Г. Александровский. Критико-библиографический обзор трудов по русскому богатырскому эпосу. Ревель, изд. журнала «Гимназия», 1898; М. Н. Сперанский. Русская устная словесность. Введение в историю русской устной словесности. Устная поэзия повествовательного характера. М., 1917, стр. 269—271 и др.

[4] А. М. Астахова. Беломорская сказительница М. С. Крюкова. «Советский фольклор», № 6, изд. АН СССР, М.—Л., 1939, стр. 195—196.

тания горной алтайской реки во время половодья, по-сибирски называется богатырь — Суханша вместо Сухман (ср. местные формы: Ваньча, Петьча, Кирша, Катьча и др.). Половодье описано с замечательным знанием местных алтайских условий. Азадовский находит, что конец этой былины (покаяние богатыря в церкви) искажен, и указывает на то, что в былине отчетливо сохранилась связь ее с циклом старин о татарщине (упоминание имени Мамая и др.).[1]

К. А. Копержинский[2] отсутствие в гуляевском варианте былины эпизода с выдергиванием маковых листочков из ран богатыря и происхождения из его крови реки объясняет тем, что эта былина прошла через рабочую среду, а потому чудесный элемент в ней ограничен. Он видит в былине налицо результаты «надлома» в «мировоззрении» той среды, откуда она вышла.

Суждения о нашей былине встречаются также у зарубежных исследователей.

Немецкий ученый Волльнер находил в былине черты сентиментальности, свойственные новой литературе, и на этом основании относил возникновение ее к более позднему времени. Поэтические достоинства ее он ставил высоко, но в то же время признавал былину наименее «эпической».[3]

Польский славист Александр Брюкнер считает былину о Сухмане менее всего изученной в русском эпосе.[4] Свои общие замечания о ней он дает в связи с критикой исторической школы и приводит исследования этой былины в качестве примера бесплодных увлечений историческими параллелями. Частные замечания его сводятся к следующему: он не согласен с толкованием С. К. Шамбинаго мотива добывания белой лебеди аллегорически, как поиска невесты князю, сватовства, находя в этом моменте лишь отражение обычного приношения к княжескому столу, подарка. Далее, по мнению Брюкнера, изображение болота с кочками во второй редакции является северной чертой, а не степного юга. Брюкнер считает также мотив помутнения реки в бы-

---

[1] Былины и исторические песни из Южной Сибири. Записи С. И. Гуляева. Редакция, вступительная статья и комментарий М. К. Азадовского, Новосибирск, 1939, стр. 179—180.

[2] К. Копержинский. К вопросу об эпической традиции в Сибири. «Сибирские огни», 1940, № 3, стр. 177.

[3] W. Wollner. Untersuchungen über die Volksepik der Grossrussen. Leipzig, 1879, стр. 89. Поздней по происхождению считал былину английский ученый Н. К. Чадвик (N. K. Chadwick. Russian heroic poetry. Cambr. Univ. Press, 1932, стр. 139—146).

[4] Aleksander Brückner. Historja literatury rosyjskiej, tom pierwszy. Lwów, 1922, стр. 293—294.

лине ходячим в народном творчестве, встречающимся применительно к Дунаю довольно часто, в том числе в старинной украинской думе о воеводе Стефане (XVI в.), русской разбойничьей песне и в других устнопоэтических произведениях.

Возрождением взглядов на былину представителей мифологической школы является статья французского ученого Дюмезиля «Сухмантий Одихмантьевич. (Маковый богатырь)».[1] Выводы автора сводятся к следующему. В основе былины лежит странствующий «мифологический» мотив о происхождении рек из крови людей; этот мотив привлек и организовал вокруг себя героический материал. Сухман — «речной герой». Поэтому первая оригинальная черта былины заключена в ее последних стихах, повествующих о самоубийстве Сухмана с целью покарать этим князя и о происхождении реки из крови невинно оклеветанного богатыря. Такая мотивировка смерти является единственным случаем в русском эпосе и отражает непротивление злу, харакири, а сам образ Сухмана ведет нас «к бесконечному привлекательному кругу молодых людей, неудачников, которых судьба или же люди преследуют с первых же шагов».

Другая оригинальная черта былины — это образ Сухмана «в маковых листках». Этот образ есть отражение народных языческих весенних празднеств на севере России (в частности в районе реки Сухоны) типа Костромы, Ярила и др., связанных с бросанием в реку разукрашенных цветами и лентами чучел во время цветения маков. Сухман, следовательно, герой окрестностей реки Сухоны. Только потом эпическая традиция «цветущую игрушку этих празднеств» присоединила ко двору князя Владимира.

Все остальные эпизоды былины, по мнению Дюмезиля, не оригинальны и относятся к общим эпическим местам.

В стремлении во что бы то ни стало связать образ Сухмана с языческими верованиями Дюмезиль даже в дубинке богатыря усматривает отголосок каких-то древних народных обрядов. «Если припомнить, — говорит Дюмезиль в указанной выше статье, — о том важном месте, которое занимают в большинстве сезонных празднеств вырванные с корнем деревья, участвующие в процессиях (майские деревья), то можно увидеть в этой детали былины о Сухмане новый оригинальный и древний элемент легенды».[2]

---

[1] G. Dumésil. Soukhmantij Odikhmantievitch. Le paladin aux coquelicots. Mélanges publiés en l'honneuer de M. Paul Boyer, Paris, 1925, стр. 280—288.

[2] С образом речного божества связывал образ Сухана Л. А. Магнус (L. A. Magnus. The heroic ballads of Russia. London. 1921, стр. 3—34).

В статье приводятся многочисленные параллели из мирового эпоса и литературы к эпизоду происхождения реки из крови Сухмана и параллельные места из русских былин (об Илье Муромце, Даниле Игнатьевиче, Ставре Годиновиче и др.) к соответствующим местам нашей былины.

Небольшую заметку посвятил Сухану Р. Траутманн в книге о русских былинах.[1] Источником нашей былины он считает «Гисторию о киевском богатыре Михаиле сыне Даниловиче двенадцати лет», а возникновение обеих редакций былины относит к XV—XVI векам и территориально связывает их со средней Россией. В былине, по Траутманну, отразились «современные» события, но какие именно, он не указывает. Сухман — реальный народный герой. В народном характере героя надо искать объяснения того, что имя Сухмана овеяно сказителями такой чудодейственной силой (из его ран течет река) и он получил отчество выдающегося полководца Довмонта, хотя исторической связи между ним и Довмонтом не существовало.[2] Это отчество дано Сухману для того, чтобы больше подчеркнуть его богатырскую силу. Траутманн усматривает некоторое композиционное сходство между гуляевским вариантом былины и стариной «Герой Суровец».

Отводит былине о Сухмане несколько страниц чешский ученый И. Махаль в своем труде по славянскому и русскому эпосу. Однако в оценке ее он не оригинален и находится целиком под впечатлением суждений о былине русских «мифологов» и представителей так называемой «исторической школы», но, правда, он более осторожен в определении источников и исторической основы былины.[3]

С позиций «мифологов» и представителей «исторической школы» рассматривает былину о Сухмане польский исследователь Ю. Кржижановский.[4] Он полностью повторяет их взгляды

---

[1] Reinhold T r a u t m a n n. Altrussische Helden und Spielmannslieder. Die Humbold—Bücherei, 1938, Volk und Buch Verlag, Leipzig, I, стр. 45—51.

[2] О связи отчества богатыря Дамантьевич с князем Довмонтом псковским см. также: M. C h a d w i c k and K. C h a d w i c k. The growth of literature, vol. 2. Cambridge, 1936, стр. 74, 84, 116—117, 136 и 144. Ср. в статье Р. О. Якобсона и М. Шефтеля «Эпос о Всеславе»: «The Vseslav epos» by Roman Jakobson and Marc Szeftel. В кн: Russian epic studies. Philadelfia, American Folklore Society, 1949. (Memoirs of the American Folklore Society, vol. 42, 1947, стр. 20).

[3] Jan M á c h a l. O bohatýrském epose slovanském, V Praze, 1894, стр. 180—181. См. также: Jan M á c h a l. Slovanské literatury. Dil I, v Praze, 1922, стр. 79—80.

[4] Julian K r z y ż a n o w s k i. Byliny. Studium z dziejów rosyjskiej epiki ludowej. Wilno, 1934, стр. 35—36.

на былину, хотя и не так категоричен, как они, в объяснении ее содержания. Кржижановский признает эту былину по форме и по содержанию одной из лучших в русском эпосе.[1]

Как видно из приведенного обзора, точки зрения исследователей на происхождение и смысл былины о Сухане резко расходились и вопрос о месте этой былины в ряду произведений героического эпоса нельзя еще считать решенным.

Представители мифологической школы (Бессонов, Афанасьев и др.) растворяли содержание былины в туманных представлениях о древних космических мифах, языческой обрядности и игнорировали историческую и национальную основу произведения. Русский богатырь Сухман под пером этих ученых превращался то в бога-громовника, сражающегося с темными демоническими силами, то в пеструю «игрушку» весенних празднеств. Действия героев в былине, отражающие реальные факты русской жизни, рассматривались как поступки божественных лиц, вроде греческого бога Ареса и др. Естественно поэтому, что суждения мифологов не встретили поддержки и скоро были забыты. Попытка Дюмезиля воскресить в наше время взгляды мифологов на былину говорит об отставании некоторой части современной западноевропейской фольклористики.

Заслугой представителей мифологической школы остается лишь первое указание на то, что конец былины о Сухмане обработан под влиянием сказаний о происхождении рек (Афанасьев).

Представители исторического направления, признавая былину о Сухмане произведением, возникшим на русской почве, искали отражения в ней конкретных исторических событий. Отсюда проистекало увлечение поисками тех определенных событий и лиц времени Ивана Грозного, которые будто бы отражены в былине о Сухмане. Что касается настойчивых попыток сопоставлять подозрительного и несправедливого к своему богатырю князя Владимира этой былины с вспыльчивым и жестоким в расправе с родовитыми боярами Иваном Грозным, то вряд ли к этому есть основания. Сухан — народный богатырь, и его роль по отношению к князю Владимиру иная, чем положение воеводы-боярина XVI века при самодержавном царе.

[1] При знакомстве с иностранной литературой автор пользовался помощью М. К. Азадовского, П. Г. Богатырева, М. П. Алексеева, А. В. Позднеева и В. А. Кравчинской, во время работы над книгой не раз прибегал к советам А. М. Астаховой, Н. К. Гудзия, В. В. Данилова, В. Я. Проппа и Б. В. Томашевского. Дружескую помощь автор встречал со стороны ученого секретаря Сектора фольклора А. Д. Соймонова и заведующей библиотекой этого сектора М. Я. Мельц.

Отдельные представители исторической школы преувеличивали «книжность» былины о Сухмане (см.: Б. Соколов, Л. Белецкий, отчасти С. Шамбинаго и В. Миллер), склонны были в этом отношении ставить ее в исключительное положение среди других произведений героического эпоса, не выяснив в должной мере ее органической связи с ними.

Характеристика последних исследований былины о Сухане — М. О. Скрипиля и В. Я. Проппа дана в главе I (стр. 8—11)

ПРИЛОЖЕНИЕ VI

СПИСОК XVIII ВЕКА «ПОВЕСТИ О СУХАНЕ»

Когда настоящая книга была набрана, нам стала известной рукопись статьи Петра Осиповича Морозова (1854—1920 гг.) «Пересказ былины о Сухане в рукописи XVIII века». Эта рукопись в настоящее время хранится в Центральной научной библиотеке Харьковского Государственного университета имени А. М. Горького, № 43.[1] Статья содержит подготовленный к печати текст повести о Сухане по неизвестному списку, с небольшими авторскими вводными замечаниями. Рукопись на 9 неполных страницах, размер бумаги в большую четверку, написана мелким характерным морозовским почерком. В конце ее имеется дата — «6 января 1875 г.», и подпись — «П. Морозов». На первом листе есть несколько библиотечных шифров $\left(\frac{\text{C.III.}}{58};\ 1445/\text{c};\ 256\right)$ и цифровое обозначение — $\frac{1902}{2104}$, которое, может быть, можно принять за дату: 1902 г., 21 апреля.

Список П. О. Морозова не дает ничего нового по сравнению с известным текстом повести о Сухане: он буквально совпадает с ним во всем и даже имеет те же явные описки и явления дитографии, которые замечаются в этом списке: «телелеги», «Суханан», «пока», «стелили», «орушия», «никова», «копекопейные», «тарскими» вместо: «телегами», «Сухан», «порока», «стрелили», «оружия», «никакова», «копейные», «татарскими» и др. Текст повести, как и в списке XVII в., не имеет заглавия и той части, утерянной в списке XVII в., в которой описывался путь раненого Сухана с поля боя до Киева. Вот все наиболее показательные словарные и фразеологические различия двух списков:

[1] Н. П. Жинкин. Краткие сведения о рукописях Центральной научной библиотеки Харьковского Государственного университета им. А. М. Горького (Продолжение). Труды ОДРЛ, т. X, 1954, стр. 469, № 43. У Н. П. Жинкина рукопись названа неточно: «П. О. Морозов. Пересказ былины о Сухмане, 1871 г., 9 стр.».

Список XVII в.	Список XVIII в.
ни утят	ни утя
ездит человек	едит человек
Сухан Дамантьевич	Сухан Далматьевич
ко всяким царевичем	со всяким царевичем
и в сторожевом полку	и сторожей во полку
По грехом	По грехам
А некак богатырю людей сметить	А не как богатырь людей сметити
бусуръман	бусуръманин
валются шоломы их	валются шоломы и
з головами тарскими	з головами тарскими
и тово	и того
о ныне, о ныне со мною	А ныне оне со мною
они быз городу не умеют битися	оне без городу не умеют битися
тем тебя пожалую	тем тебе пожалую
во истинной храбрости	по истинной храбрости.

В списке XVIII в. пропущена следующая целая фраза: «И скоро мечютца к оврагу глубокому и зaредили борзо три порока, а в пороке по рогатине». В фразе «разрушить место церкви божии» слова «место» нет. Мы не отмечаем пропуска в двух случаях соединительных союзов «а» и «и» в списке XVIII в., ухудшающего чтения текста. Таким образом, список XVII в. оказывается более полным и исправным, чем тот, что был в руках у П. О. Морозова. Последний же вполне может считаться копией, притом не очень исправной, с нашего списка или с их общего оригинала, относящейся к XVIII в., если принять датировку рукописи, сделанную П. О. Морозовым. К сожалению, он не приводит никаких палеографических данных о рукописи (о почерке, водяных знаках, количестве листов, размере бумажного листа и др.) и говорит только, что она «XVIII века». В статье также не называется имя владельца и не указывается место хранения рукописи. Все это, возможно, объясняется неопытностью автора публикации, который в то время только перешел на третий курс Историко-филологического факультета Петербургского университета. Эта работа была едва ли ни его первой попыткой публикации рукописных материалов.

В вводной части статьи П. О. Морозов пытается объяснить происхождение «Пересказа былины о Сухане» и совершенно

правильно замечает, что «книжный человек», создавая это произведение, воспользовался материалами других былин. Справедливо отмечается также несвойственное былинам в такой мере «чисто христианское настроение» этого памятника. Правильно подмечено им и то, что в этом произведении, как и в «Сказании о Киевских богатырях», в котором автор видит «одну общую черту» с «пересказом» былины о Сухане в изображении князя и в наименовании богатырей себя «холопами» государя, князь утратил «свой эпический характер» и принял облик позднего московского «государя и великого князя», а богатыри теперь выступают перед ним как служилые люди Русской земли. По мнению П. О. Морозова и «в устных вариантах былины о Сухмантии заметна уже эта перемена в характере былинного князя» и самого богатыря, который никак не может быть отнесен к числу старших богатырей типа Святогора, Вольги, Микулы и др.

Нельзя, однако, согласиться с П. О. Морозовым в том, что подготовленное им к печати произведение есть только «пересказ былины о Сухане», попытка «закрепить письменно» слышанный когда-то сюжет, «спутанный рассказ о Сухане». Появление в нем мотивов и отдельных деталей из других памятников устнопоэтического творчества неправильно объяснять лишь «приплетением» к сюжету в процессе припоминания былины, забывчивостью «книжного человека». Повесть о Сухане, как показано нами в исследовании, представляет собой литературный памятник, созданный «книжным человеком» XVII в., а не XVIII в., на основе былины о Сухане. Рамки былинного сюжета оказались недостаточными автору повести для выражения поставленной им определенной задачи, и он воспользовался своими знаниями устнопоэтических произведений и памятников письменной литературы. Правда, П. О. Морозов допускает «некоторую литературную обработку» былины, но она сводится у него, по существу, лишь к некоторому изменению внешнего вида произведения.

Автор совершенно прав, когда в конце статьи ставит вопрос о том, насколько по таким произведениям, как повесть о Сухане, можно судить о «характере и содержании народного творчества». Применительно к былине о Сухане, как нам кажется, ответ на этот вопрос дает наше исследование одноименной повести.

Статья П. О. Морозова, по всей вероятности, не была опубликована. В личном архиве ученого в Пушкинском Доме АН СССР имеется подробная библиография печатных трудов П. О. Морозова, составленная самим автором в конце восьми-

десятых годов прошлого столетия.[1] В ней указаны даже мелкие газетные заметки и рецензии, но эта статья не значится. Она не упоминается и в числе тем, выполненных Морозовым-студентом.[2] В автобиографии, известной в рукописном и печатном виде, им указаны две работы, опубликованные в студенческие годы. «Еще будучи студентом, — пишет П. О. Морозов, — напечатал в „Филологических записках" 1875—1876 гг. исследование: „Костров, его жизнь и литературные произведения" и в „Сборнике Отделения рус[ского] языка и словесности Академии наук" — указатель к „Опыту российской библиографии Сопикова"».[3] Показателен следующий пример. Рецензируя в 1879 г., т. е. четыре года спустя после написания этой статьи, исследование Воллнера о русских былинах, Морозов специально останавливается на известных в его время вариантах былины о Сухане и ничего не говорит об этом «пересказе» былины, хотя тут же касается вопроса о происхождении и степени литературности былины о Сухане.[4] Создается впечатление, что этого текста «пересказа» для него как будто не существует.

О том, что статья П. О. Морозова «Пересказ былины о Сухане по рукописи XVIII века», очевидно, осталась ненапечатанной и неизвестной исследователям, говорят и другие факты. О ней нет никаких сведений в библиографических сводках по русскому богатырскому эпосу (Г. Александровского, П. В. Владимирова, А. М. Лободы, А. П. Скафтымова, М. Н. Сперанского и др.), о ней ни разу не обмолвились учителя П. О. Морозова по университету О. Ф. Миллер, И. И. Срезневский, М. И. Сухомлинов в своих работах по древнерусской литературе и фольклору, а они-то, казалось бы,

---

[1] Рукописное отделение Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Фонд 191 (архив П О Морозова), № 155, л. 21.

[2] Ленинградский областной исторический архив. Фонд 14 (Санкт-Петербургский университет): 1) Отчеты Совета университета за 1874—1876 г. Оп. № 1, св 215, ед хр. 7487, л 12 об.; оп. 1, св. 219, ед хр 7598, л. 19 об.; оп. 1, св 222, ед. хр. 7699; 2) Протоколы заседаний Историко-филологического факультета университета за 1870—1884 гг Оп 3, св 1104, ед. хр 16019, л. 90 и др В фонде университета сохранились «Дела»: 1) О зачислении П О. Морозова студентом университета (с 1871 по 1876 гг , оп. 3, св. 1180, ед. хр № 17101); 2) О допущении П О. Морозова к экзамену на степень магистра (1879 г., оп. 1, св 232, ед хр 7949) и др., в которых имеются сведения о его научной деятельности, в том числе. и о печатных трудах.

[3] РО ИРЛИ АН СССР. Фонд 191, № 154. Автограф П. О Морозова, на двух страницах, от 1888 г. См. также в кн.: «Современники. Альбом биографий Н И. Афанасьева». Т. II, без указания места издания, 1910, стр. 301—303.

[4] Журнал Министерства народного просвещения, 1879, кн. 12, стр. 232.

должны были первые узнать о ней и оценить ее достоинства. Текст «Пересказа былины о Сухане» не попал ни в один свод изданий былин старых записей, в том числе самый последний по времени и наиболее полный, составленный Б. М. Соколовым, на основе тщательных архивных разведок.[1] Считая, что П. О. Морозов мог, по забывчивости, не включить эту статью в упомянутый выше список своих печатных работ, мы просмотрели все газеты и журналы 70—80-х годов прошлого столетия, в которых, по сведениям личного архива Морозова, он участвовал или же имел возможность печататься, но не обнаружили статьи о Сухане. Таким образом, есть все основания считать, что работа П. О. Морозова «Пересказ былины о Сухане по рукописи XVIII века» по каким-то причинам не увидала света.

Можно сделать два предположения относительно того, почему статья осталась ненапечатанной: или список повести П. О. Морозов нашел в каком-нибудь частном собрании, владелец которого сначала разрешил ему познакомиться с рукописью, а когда дело дошло до напечатания ее, передумал и запретил, или же отсутствие палеографических данных и сведений о владельце списка вынудило редактора заставить автора доработать статью, а у П. О. Морозова не было времени к ней возвращаться, и он, занятый более важными студенческими работами, позабыл об этой своей статье, тем более, что, как видно из его предисловия к публикации, он не очень высоко оценил это заслуживающее внимания произведение древнерусской литературы.

Когда и при каких обстоятельствах поступила рукопись статьи П. О. Морозова «Пересказ былины о Сухане в рукописи XVIII века» в библиотеку Харьковского университета, установить не удалось: в библиотечных списках и инвентарных книгах сведений об этом не имеется. На самой же рукописи нет никаких записей и помет, по которым можно было бы это выяснить, кроме нескольких ничего не говорящих библиотечных шифров и одной, весьма неопределенной даты. Что же касается появления рукописи в Харькове, то наиболее вероятно, что она попала сюда при посредстве самой семьи Морозовых. Семья Морозовых поддерживала постоянный контакт с Украиной, в том числе с Харьковом. Статья могла оказаться здесь, если не при помощи самого автора, до последних дней поддерживавшего связи со многими местными учеными и общественными деятелями, то через его сына Георгия, неоднократно

---

[1] Б. М. Соколов. Былины старинной записи. «Этнография», М., 1926, № 1—2, 1927, №№ 1, 2.

и подолгу проживавшего в Харькове, и, вероятно, владевшего материалами из личного архива отца. Она могла попасть и через жену П. О. Морозова, Анастасию Григорьевну Ерошенко, родом с полтавщины, имевшую родственников и знакомых в Харькове.

Статья П. О. Морозова «Пересказ былины о Сухане по рукописи XVIII века» издается нами с соблюдением следующих правил. Текст повести печатается с заменой «ять» на «е», применением современной пунктуации, разбит на абзацы. Буквенное обозначение числа 70 передается арабскими цифрами. Помета «sic», поставленная после каждого испорченного слова оригинала, не сохраняется. В остальном все остается так, как передано автором публикации: ошибочные чтения списка не исправляются, сохраняются принятые П. О. Морозовым написания «кон» вм. «конь», «богатыр» вм. «богатырь», «толко» вм. «только» и т. п. Разночтения списка выделены разрядкой. Строки, принадлежащие самому П. О. Морозову (предисловие и заключение), публикуются по современной орфографии. Библиографический аппарат статьи оставлен в таком виде, как он сделан ее автором.

При подготовке статьи к печати мы пользовались любезной помощью профессора Н. П. Жинкина (им снята копия с текста повести), З. Т. Прокопенко (ею скопирована остальная часть статьи), доцента М. П. Легавки, члена-корреспондента Академии Наук СССР Н. К. Пиксанова и ученого секретаря библиотеки В. К. Мазманьянца.

ПЕРЕСКАЗ БЫЛИНЫ О СУХАНЕ В РУКОПИСИ XVIII ВЕКА

Сухан, Сухман или Сухмантий Одихмантьевич принадлежит к числу таких богатырей, которые редко встречаются в произведениях народного русского эпоса. Он упоминается два раза в перечне так называемых «старших» богатырей у Кирши Данилова;[a] о нем сохранилась и целая особая былина в двух, весьма сходных между собою пересказах;[в] но по этой былине Сухана уже невозможно относить к числу «старших» богатырей, так как ее характер отличается, как мы увидим ниже, чертами, совершенно не свойственными былинам о богатырях действительно «старших» — о Святогоре, Вольге и Микуле и др.

---

[a] Киреевский, 1, 45, отд. III, б. 6.
[в] Рыбников, 1, 6; Гильфердинг, № 63.

Содержание этой былины может быть представлено в следующем виде:

На княжем пиру, где все богатыри пьют, едят и похваляются, один Сухмантий сидит задумавшись. Князь спрашивает его о причине молчания, и богатырь, вынужденный чем-нибудь похвалиться, обещает князю привезти «белу лебедь живьем в руках, не ранену лебедку, не кровавлену». Для исполнения этого обещания Сухмантий тотчас же отправляется в путь, но нигде не встречает лебеди, а встречает татарское войско, идущее на стольный Киев-град. Вырвав из земли с корнем большой дуб, он побивает этим оружием всю силу — рать татарскую, кроме троих, которым, наконец, удается подстрелить богатыря. Сухмантий, засыпав свои раны маковыми листочками, приезжает в Киев и рассказывает князю о своем подвиге. Но Владимир, разгневавшись на него за неисполнение обещания, приказывает посадить его в погреб; затем, как бы одумавшись, посылает Добрыню (по пересказу Гильфердинга — Илью) удостовериться в справедливости известия, сообщенного ему опальным богатырем о битве с татарами. Посланный возвращается и удостоверяет в том, что Сухмантий действительно победил татар, чему доказательством служит представленный князю избитый и окровавленный дуб, употребленный богатырем вместо булатной палицы. Тогда грозный царь (таким именно представляется здесь Владимир) переменяет гнев на милость, велит вывести Сухмантия из погреба и обещает богато одарить его. Но уже поздно: богатырь, оскорбленный самодурством князя, как в других былинах Илья, отвечает, что не умел его князь во-время жаловать, так и не увидит его больше, и, вместо того, чтобы, по примеру Ильи, отъехать от князя, кончает с собой трагически, открывая свои раны и истекая кровью.

В таком виде является былина о Сухмантии в пересказе, помещенном у Рыбникова. Вариант ее, записанный Гильфердингом, не заслуживает особенного внимания, потому что представляет собой очень плохой пересказ того же сюжета, спутанный с воспоминанием о похождении Ильи Муромца с Идолищем, «новые вариации на старую тему» являются в рукописи XVIII века, текст которой следует ниже с объяснительными примечаниями.

Во граде Киеве бысть при старосте, при великом князе Манамахе Владимировиче, был богатырь стар добре, больши ему девяноста лет. Да охочь был до потехи кречатные, не покинул он потехи и до старости. Лучилось ему выехат с красным кречятом на празник на усекновения чесныя главы Ивана

Предотечи. И не доежаючи быст[р]а Непра Слаутича наехал на малой заводи многия лебеди. И богатыр тому учал дивитися: «На той на малой заводе не наеживал я ни гусей, ни утя, ан нынеча вижу многия лебеди: ай все то не даром. Поеду. поеду, посмотрю быстра Непра Слаутича».

И приежает Сухан ко быстру Непру Слаутичу: ужь Непр река смешалас з желты пески. И Сухан стал задумался. Ажно по заречью едит человек, а волочит за собою копье с прапором, да вопит громко голосом: «Ой еси Сухан Далматьевичь! Ты славен в Киеве велик богатыр, а по ся мест не ведаешь, уж тому девятой день как перевозитца через быстрой Непр царь Азбук Тавруевичь, а с ним 70 царевичей, а со всяким царевичем по семидесяти по две тысячи. В правой руке и в левой, и сторожей во полку не успел сметить. Добре с ним людей много, бес числа. И наши прародители тем царем служивали и царьские приходы весно чинили, и вам богатырем в Киеве было ведомо». Да молъвил слово и поехал прочь.

И Сухан стал, закручинился, и мечет кречета с руки далече и рукавицу о землю бросает. Не до потехи стало Сухану кречатные, стало до дела государева: «По грехам есми запросто выехал, саадака и сабли нет на мне и никова ратнова оружия. Поехат мне х Киеву для ратнова оружия, — и богатырей в Киеве умножилос и в правосте своей под старость не прослыт сиротиною». И поехал Сухан ко дуброве зеленой и наехал сыр зелен падубок, да вырвал ево и с кореньем, да едет с ним не очищаючи. И как выезжает из добровы зеленые, — а не белое каменье на горах белеютца, белеютца доспехи их во всех полках. А не как богатырь людей сметити.

Учал богатыр богу молитися: «О, царице богородице! утоли стремление безумное, смири серце нечестивое. Похваляся бусуръманин горд, пошел пленить землю Рускую, разорить веру крестьянскую, разрушить церкви божии, осквернити место чюдотворное! О, царице богородице! По грехам есми запросто выехал, саадака и сабли нет на мне, никакова ратнова орушия. Только у меня сыр зелен падубок, и того мне очистит нечем». Учал богатыр плакати и горячи слезы ронит.

Загаркал, напустил на них. Свищет падубок в руке богатырской, ломаются древа копе-копейные, щеплются щиты татарские, валяются шеломы из головами тарскими. И учали татаровя острог ставить, одернулися телегами ординскими. А говорит Сухан Дамантьевичь: «Которые татаровя на Руси не бывали, те про Сухана не ведают, и оне у товарищев своих слыхали в ордах смолода. А ныне оне со мною оне без городу не умеют битися!».

Кольнул Сухан под собою коня острогами булатными, кон ево скочил через телелеги ордынские, стал середи острогу татарскова. И Сухан бьет татар падубком на все четыре стороны. Куда Суханан ни оборотится, тут татар костры лежат. Тех татар всех побил. Да едет Сухан ко бысту Непру Слаутичю на берег, да вопит громко голосом: «Царь Азбук Товруевич! Вели меня подождати малехонко, яз тебе из Киева вывезу поминки многия от царя и великаго князя Владимера, и всем твоим князьям и татаровям, и мурзам и улановям без выбору. По грехом есми запросто выехал. У падубка коренье обломалося, одно лиш осталос обломчишко». Да молвил слово, поплыл за быстрый Непр.

Царь Азбук видя свою неминучюю, убить богатыря нечим. велел зарядить три порога, а в пороге по рогатине. И Сухан переплыл через быстрой Непр, не переехал скоро с обломчишком на берег. И татаровя ис пока стрелили да грешили, из другова стрелили — грешили, из третева стелили — убили богатыря против серца богатырскова, отрезали коренье сердечное. И богатыр забыл рану смертную, загаркал, напустил, дай тех побил всех татар.

И богатыр узнал рану смертную, учал борзо спешит ко граду... узрел на Сухане рану смертную и послал по лекари многия и у Софеи велел молебны петь за Суханово здоровье. И учал государь Сухана жаловат своим жалованым словом: «Сколько тебе, Суханушъко, городов и вотчин надобе, тем тебе пожалую за твою великую службу». И Сухан государю бьет челом: «Дошло, государь, не до городов, ни до вотчин. Дай, государь, холопу жалованное слово и прошение». Последней молвил слово, в том часу и умолкнул.

Не злата труба вострубила, восплакала мат Суханова: «Хотя тебя, Суханушко, звали бражником и охочь был пропиватися, а ныне ты над собою, видишь, совершенье учинил. Не о том я плачю, что вижу тебя смертнаго, плачу я о твоем доротъцве по истинной храбрости, что еси дорос человечества. умер на службе государеве». И отнесла ево в пещеру каменну. Тут тебе, Суханушко, смертный живот во веки.

Так передана былина о Сухмане в рассматриваемой нами рукописи. Из сравнения с устными вариантами этой былины видно. что записавший ее книжный человек XVIII столетия имел в виду тот же самый сюжет, но уже многое перезабыл и представлял себе эпический рассказ очень неясно, приплетая к нему воспоминания из других произведений народной поэзии и всюду выражая чисто христианское настроение. По этим причинам

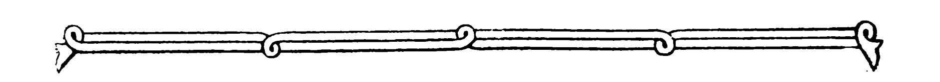
былина, записанная довольно удачно по внешности, — так что во многих местах чувствуется и может быть выделен народный стих, — по внутреннему своему достоинству стоит гораздо ниже известных нам устных вариантов ее. Видно, что писавший или слышал от кого-нибудь спутанный рассказ о Сухане, или знал былину сам и старался припомнить ее, для того чтобы закрепить письменно, но память уже изменила ему — и вместо былины он записал сказку вроде тех сказок о богатырях, которые собраны у Афанасьева (Народные русские сказки, изд. 1873 г., III, № 174—177) или вроде «Сказания о семи богатырях» (XVII в.), помещенного в Пам. рус. лит. Костомарова, т. II. С последними разбираемый нами пересказ имеет одну общую черту — именно ту, что и здесь и там богатыри называют себя холопами[1] князя, который уже совершенно утрачивает свой эпический характер и является государем и великим князем. Это, конечно, отголосок позднейшей исторической поры, отголосок московского периода русской истории. В устных былинах, как мы уже заметили, нельзя встретить таких названий. Впрочем и в устных вариантах былины о Сухмантии заметна уже эта перемена в характере былинного князя, так как и в них он является уже с характером византийского владыки, распоряжающегося по своей прихоти судьбою служилых людей русской земли.[a]

Имея дело с подобными рукописными закреплениями былин, причем они получают некоторую литературную обработку, невольно является вопрос: насколько можно доверять подобным обработкам народного материала и основывать на них свои заключения о русской народной поэзии? Если бы вместо множества былин, до сих пор сохраняющихся в устах народа, мы имели множество литературных вариаций на народные темы, то имели ли бы мы право судить по таким материалам о характере и содержании народного творчества и считать свои выводы вполне достоверными?

6 января 1875 г. *П. Морозов*

[1] Здесь и далее слова, набранные в разрядку, в рукописи П. О. Морозова выделены чертой, — *В. М.*

[a] На это указано у Ор. Ф. Миллера (И. Муромец, 618, 619).



ДОПОЛНЕНИЕ К ПРИЛОЖЕНИЮ III

ТЕКСТЫ БЫЛИН О СУХАНЕ

Т. С. Кузьмин [1]

ПРО СУХМАНА

Как во стольном-то городе во Киеве
И у ласкова князя да у Владимира
Пированье-то шло, да шел почестен пир
На бояр-то князей да добрых молодцов.
На пиру-то ведь все да прирасхвастались:
Сильный хвастает верно да своей силою,
А богатый-от хвастат золотой казной,
Умный хвастает да старой матушкой,
А безумный-от хвастает супругою.
За столом-то сидит да призадумавшись
Свет Сухмантьюшка сын да Одихмантьевич
И ничем-то в пиру да он не хвастает
(Белой лебеди он да не кушает).
Как Владимир да князь стольнокиевский
Сам по горенке он да вот похаживат,
Золотыми-то кудрями да он потряхиват,
Одихмантьевичу он да выговаривает:
— «Уж ты гой еси Сухман да Одихмантьевич,
Ты не пьешь-то, не ешь да вот не кушаешь,
Белой лебеди у нас да ты не рушаешь
И ничем-то в пиру да ты не хвастаешь».
Говорит тут Сухман да Одихмантьевич:

---

[1] Записана 5 августа 1956 г. Н. П. Колпаковой от Тимофея Степановича Кузьмина (68 лет) из деревни Тельвиска Нарьян-Марского района Ненецкого национального округа Архангельской области. Печатается по полевой записи (хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома АН СССР, шифр: Р. V, колл. 160, папка 3, № 8).

— «Уж ты гой еси, Владимир стольнокиевский.
Привезу-то тебе да я похвастаю
Лебедь белую нонь да не кровавлену,
Некровавлену лебедь да не ранену».
Как садился он да на добра коня
И поехал он да ко Днепре-реке.
Глядь — течет-то Днепра-река не по старому,
Не по старому она течет, да не по прежнему.
Говорит тут Сухман да Одихмантьевич:
— «Что течешь ты, река, да не по старому,
Что течешь нонь не по прежнему?»
— «Я теку, река, не по старому,
Я теку, река, да не по прежнему:
Как за мной-то стоят да за Днепрой-рекой
Сорок тысяч да злых татаровей.
Они мост-то мостят да с утра до ночи.
Что в день намостят, то в ночь я вымою».
Переехал тут Сухман через Днепру-реку.
Бился-дрался он с татарами до вечера,
Бился-дрался с нима до полуночи
И побил-то он да всех татаровей.
Три татáрченка в лес попрятались,
В Одихмантьевича да стрелки спýстили,
И попали ему стрелочки в белу грудь, во бока.
Тут Сухмантьюшка он стрелки выдернул,
Листом маковым раны да призатыкивал
И поехал Сухмантьюшка в стольный Киев-град
И без лебеди едет да он без белоей.
Говорит тут да верно князь Владимир стольнокиевский.
— «Уж ты хвастался, Сухман, да привезть лебедь белую.
Не привез ты, Сухман, да белой лебеди,
Посажу я тебя да в тюрьму да затюремную».
Говорит тут Сухман да Одихмантьевич:
— «Не привез я, Сухман, да лебедь белую.
Повстречалися мне за Днепрой-рекой
Сорок тысяч злых верно да татаровей,
Они мост мостили с утра да ведь до ночи,
И побил я всех их да до единого».
А на это князь Владимир не поверил же.
Посадили Сухмана да в темну камеру.
Тут Сухман листье да верно выдернул
Из своих-то боков да из кровавых ран,
Говорил тут Сухман да таковы слова:

— «Потеки, река, да от моей крови́,
От моей ли крови да от горючие,
От горючие крови да от напрасные.
А Сухман-река да будь Днепре-реке
Будь Днепре-реке да ты родна сестра».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Утверждено к печати Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР

Редактор издательства *В. А. Браиловский*
Технический редактор *А. А. Кирнарская*
Корректоры *А. И. Виксне* и *Э. А. Кацман*

РИСО АН СССР № 43—98В. Подписано к печати 9/XI 1956 г. М-43215. Бумага 60 × 92 1/16. Бум. л. 7 3/4. Печ. л. 15,5. Уч.-изд. л. 13,47. Тираж 3500 экз. Зак. № 785. Цена 9 р. 60 к.

1-я типография Издательства АН СССР. Ленинград. В. О., 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
69	16 сверху	И за тебя, мать пресвятая богородица!».	«Мати божия, пречистая богородица!
137	14	Даманьевич:	Дамантьевичь:
163	10	набросиля,	набросила,

В. И. Малышев. Повесть о Сухане.